

РЕДКОЛЛЕГИЯ:

Главный редактор –

Д. В. Сочивко,
доктор психологических наук

Зам. главного редактора –
Т. Н. Савченко,
кандидат психологических наук,
доцент

Зам. главного редактора –
И. В. Блинникова,
кандидат психологических наук,
доцент

Зам. главного редактора –
Е. Н. Богданов,
доктор психологических наук,
профессор

Ответственный секретарь –
Е. А. Щелкушкина,
кандидат психологических наук

ЧЛЕНЫ РЕДКОЛЛЕГИИ:

С. К. Бондырева,
академик РАО,
доктор психологических наук,
профессор

А. Я. Гришко,
доктор юридических наук,
профессор

А. В. Датий,
доктор медицинских наук

М. Г. Дебольский,
кандидат психологических наук,
доцент

А. А. Крымов,
кандидат юридических наук,
доцент

М. И. Марьин,
доктор психологических наук,
профессор

А. В. Молотсов,
кандидат психологических наук

Н. Н. Нечаев,
академик РАО,
доктор психологических наук,
профессор

А. В. Пищелко,
доктор педагогических наук,
профессор

В. М. Поздняков,
доктор психологических наук,
профессор

Н. А. Полянин,
кандидат психологических наук

В. Ю. Рыбников,
доктор медицинских наук,
доктор психологических наук,
профессор

А. И. Ушатиков,
доктор психологических наук,
профессор

Прикладная юридическая психология

Рецензируемый научный журнал

ТЕМА НОМЕРА:

**теория и практика юридической
и пенитенциарной психологии
в 25 изданиях журнала**

**фундаментальное
основание**

**прикладные
исследования
и практика
работы**

**проекты и планы
в области
юридической
психологии
как науки**

**Включен в Перечень ведущих
рецензируемых научных журналов и изданий,
в которых должны быть опубликованы основные
научные результаты диссертаций на соискание
ученой степени доктора и кандидата наук**

Четвертый номер журнала «Прикладная юридическая психология» 2013 года можно назвать юбилейным, ведь это двадцать пятый номер, выпущенный с 2007 года — даты его основа-

ния. За это время было опубликовано 504 статьи, посвященных самым разным проблемам юридической и пенитенциарной психологии, а также общеметодологическим и общетеоретическим вопросам психологии, философии, социологии и педагогики. Изначально тематика журнала предполагала широкое обсуждение научных проблем, рассмотрение их как в узко практическом, прикладном, так и в междисциплинарном аспекте с позиций теоретического положения прикладной юридической психологии в системе знаний, касающихся Человека и Общества. Не случайно этот номер открывается объемной обзорной статьей, в которой, по мнению авторов, отражены основные направления деятельности журнала за истекший период.

Кроме методологических и теоретических проблем юридической психологии, большое внимание на страницах журнала уделялось пенитенциарной психологии, практическим исследованиям уголовно-исполнительной системы в регионах, публикации текущих диссертационных исследований по тематике ФСИН России. Это не означает, что в журнале совсем не публикуются статьи специалистов других профилей. Читатель найдет на его страницах работы в области психологии следователя, криминологии, судебной психологии и др.

Вновь приглашаем читателей и всех заинтересованных авторов обратить свое внимание на публикации в нашем журнале и принять участие в творческом обсуждении как существующих, так и возможных в будущем научных проблем.

*Главный редактор
доктор психологических наук,
профессор Д. В. Сочивко*

**методология
и теория
юридической
психологии**

**прикладные
и экспериментальные
исследования**

психопрактики

**в помощь
руководителю**

**в помощь
исследователю-
практику**

**юридическая
психология и религия**

научная жизнь

dura lex sed lex

Преступление и наказание от

ДО **71** Словарь
по пенитенциарной
психологии

Уже в продаже

Готовится второе издание,
существенно исправленное
и дополненное

По вопросам покупки обращайтесь по телефону: 8 910 635-71-55

Методология и теория юридической психологии

Журнал «Прикладная юридическая психология»: ответы на вызовы психологической науки и практики.

Сочивко Д. В., Савченко Т. Н., Блиникова И. В. 8

Модель профессиональной компетентности сотрудников ФСИН России.

Купцов И. И., Карпова Г. С. 20

Анализ психологических причин преступного поведения женщин.

Ильин А. В. 31

Прикладные и экспериментальные исследования

Эмпирическая апробация батареи микроструктурных тестов для оценки когнитивных ресурсов профессионалов.

Леонова А. Б., Блиникова И. В., Злоказова Т. А. 39

Гендерные особенности индивидуальных моделей здоровья.

Яковлева Н. В. 49

Особенности психологической работы с осужденными за террористическую и экстремистскую деятельность. **Казберов П. Н.**

61

К вопросу о наркотической зависимости подозреваемых, обвиняемых, осужденных, содержащихся в исправительных учреждениях и следственных изоляторах уголовно-исполнительной системы. **Ганишина И. С., Жарких А. А.**

66

Особенности представлений работников ФСИН России

об интерактивной позиции сотрудников и осужденных. **Лукиянченко Н. В.** 74

Инновации в уголовно-исполнительной системе

в рамках психолого-акмеологического исследования. **Сулов Ю. Е.** 81

Психопрактики

Саморегуляция функционального состояния у офицеров с высокой и низкой удовлетворенностью работой в условиях длительного военного реформирования.

Семянищева П. А., Кузнецова А. С. 87

Конфликт как инструмент развития личности.

Оболонский Ю. В., Кожевников И. С. 98

Профилактика агрессивного поведения как одной из составляющих деструктивного поведения людей, находящихся в местах лишения свободы.

Федоров А. Ф. 106

В помощь руководителю

Стратегия трудовой жизни как характеристика самореализации человека в труде.

Рябов В. Б. 113

Общие меры профилактики преступности осужденных, больных туберкулезом.

Ким В. В. 119

В помощь исследователю-практику

Метод извлечения экспертных знаний в процессе работы с юридической текстовой информацией. **Баканов А. С.**

122

Характеристика мужчин, осужденных к лишению свободы (по материалам специальной переписи 2009 г.). **Датий А. В.**

126

Юридическая психология и религия

Историко-психологическое значение воинского, научного и духовного подвига митрополита Серафима (Чичагова). **Шафажинская Н. Е.**

134

Научная жизнь

Проблемы медико-санитарного обеспечения и социальной адаптации лиц, отбывающих наказание и освобождающихся из мест лишения свободы.

Юсуфов Р. Ш.

142

Памяти полковника внутренней службы в отставке Сергея Андреевича Рябова.

144

Dura lex sed lex

К вопросу о содержании женщин под стражей (международный аспект).

Платошина О. А.

145

Несовершеннолетний осужденный как субъект преступления в ст. 321 Уголовного кодекса Российской Федерации. **Сухарев С. Н.**

148

Уголовно-правовое предупреждение умышленных преступлений против жизни, совершаемых условно осужденными. **Чистяков К. А.**

151

Феномен ролевой позиции в структуре профессионально-личностной деятельности сотрудника органов внутренних дел. **Цолцаева Р. С.-М.**

156

ЖУРНАЛ «ПРИКЛАДНАЯ ЮРИДИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ»: ОТВЕТЫ НА ВЫЗОВЫ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ НАУКИ И ПРАКТИКИ

Д. В. Сочивко, Т. Н. Савченко, И. В. Блинникова

Журнал «Прикладная юридическая психология» был создан в 2007 году как площадка для обсуждения основных психологических аспектов юридической практики во всем ее многообразии. К этому моменту всеми специалистами, работающими в области юридической психологии, ощущалась потребность в анализе перспектив развития этой науки, ее методологии и практической реализации устанавливаемых закономерностей. Становилось очевидным, что без широкой дискуссии и серьезной проработки научных основ прикладных исследований юридическая психология окажется в ситуации стагнации и перестанет отвечать на все возрастающие запросы практики.

Сущность этого кризисного момента в соотношении психологической науки и практики была блестяще проанализирована на страницах журнала в статье А.Л. Журавлева [20]. Он выделил несколько этапов в развитии отношений фундаментальной психологической науки и практики в нашей стране. Первый этап: конец 1950-х — начало 1960-х гг. до 1970–1980 гг. — этап тесного взаимодействия фундаментальной психологической теории и эксперимента. В это отрезок времени происходила, с одной стороны, верификация фундаментальных теорий в экспериментах, а с другой — постановка новых задач в ходе этих экспериментов перед фундаментальной теорией, иными словами, относительно стабильное, гармо-

ничное взаимодействие фундаментальной теоретико-экспериментальной психологии и практики. Вторым этапом является с 1990-х гг. до настоящего времени и характеризуется параллельным развитием фундаментальной и практической психологии, когда практическая психология существует сама по себе, без опоры на современную теоретико-экспериментальную науку. В результате сформированы два сообщества: практиков, иногда не имеющих базового психологического образования, и психологов-исследователей, которые общаются на разных профессиональных языках. По мнению А.Л. Журавлева, «сегодня начинают проступать контуры третьего этапа, который хотя и не возвращает к явному оптимизму первого, все же намечает снятие противоречий, характерных для второго этапа» [20]. Появление таких журналов, как «Прикладная юридическая психология», и знаменует собой переход к этому третьему этапу.

Неудивительно, что инициатором создания и учредителем журнала выступила Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказаний (Академия ФСИН России)* при ак-

* Это ведущее учебное заведение в структуре образовательных учреждений ФСИН России, в структуру которого входят: 6 факультетов (юридический, психологический, экономический, управления, подготовки научно-педагогических кадров, повышения квалификации), высшие академические курсы, Институт подготовки государственных и муниципальных служащих, 23 кафедры, научный центр, 11 отделов, в том числе отдел организации межвузовской учебно-методической работы, и другие структурные

тивном участии своей психологической лаборатории «Криминальная деструктивность личности», которой руководит главный редактор журнала Д.В. Сочивко. Специалисты системы исполнения наказаний не в меньшей степени, чем представители других правоохранительных органов, сталкиваются с многогранными психологическими проблемами работы юристов, касающихся совершения преступлений и переживания осужденными наказания, преодоления трудностями УИС экстремальных жизненных условий и трудностей службы. Впоследствии к работе над выпуском журнала подключилась Высшая школа психологии*, ректорат которой постарался привлечь для сотрудничества психологов разных направлений. Два основных учредителя журнала сегодня создают динамическую основу его существования.

1. Общетеоретические и методологические проблемы юридической психологии

Вновь созданный журнал был призван, в первую очередь, ответить на запросы юридической и правоохранительной практики. В нем рассматриваются такие проблемы, как психология тяжких преступлений (Сочивко, *Щелкушкина*,

2010), психология осужденных (Гришко, 2007; Молоствов, 2010), психология профилактики правонарушений (Поздняков, 2011), психология следственных действий (Васкэ, Сафуанов, 2011), практика судебно-психиатрической экспертизы (Сафуанов, 2011), а также задачи психологической службы МВД, ФСИН России (Дебольский, 2010) и т. д. Огромный эмпирический материал, накопленный в юридической психологии и частично отраженный на страницах журнала, в основном связан с ее современными проблемами, что естественным образом приводит круг авторов к вопросам методологии юридической психологии как относительно молодой отрасли психологического знания.

С целью детального исследования методологической и в целом фундаментальной научно-психологической проблематики юридической психологии в Институте психологии РАН совместно с Высшей школой психологии и редакцией журнала «Прикладная юридическая психология» в 2010 г. был организован постоянно действующий научно-практический семинар с одноименным названием, который осуществляет свою работу два раза в год. Что касается методологических проблем, которые затрагивались и на каждом заседании семинара, то им было посвящено специальное заседание, которое открывалось докладом Ф.С. Сафуанова «Существует ли специальная методология юридической психологии?», где был поставлен вопрос, чем психология семьи сотрудника правоохранительных органов теоретически отличается от психологии семьи любого другого человека, и можно ли ответить на него на данном этапе развития юридико-психологической мыс-

подразделения. По итогам общественной аккредитации, проведенной Ассоциацией юристов России в 2012 г., академия вошла в список лучших правовых вузов страны.

* Высшая школа психологии (институт) — негосударственное образовательное учреждение высшего профессионального образования (вуз), цель создания которого — подготовка психологов высокой квалификации на основе государственных образовательных стандартов, способных самостоятельно вести психологическую работу в организациях, социально-психологических службах, учебных заведениях и с населением.

ли? Ф.С. Сафуанов [39] выделил основные признаки специальной методологии юридической психологии: психотехнический подход; исследование особенностей психической деятельности, имеющих юридическое значение и влекущих за собой определенные правовые последствия; многопредметное и междисциплинарное формирование специальных знаний юридического психолога; применение системного подхода 2-го порядка; компетентностный подход при формировании специальных знаний юридического психолога.

Ф.С. Сафуанов [39] отмечает, что основой методологии юридической психологии выступает подход, сформулированный Ф.Е. Василюком в отношении психологии практики, который «позволил бы научно изучать опыт работы с психикой, прежде всего опыт профессиональной психологической работы, черпать темы из этого опыта, создавать понятия и модели, описывающие и объясняющие опыт, формулировать результаты в виде, возвращаемом и конвертируемом в опыт». Таким образом, одной из методологических особенностей деятельности юридического психолога выступает то обстоятельство, что она является «психотехнической» в том смысле, как ее понимал Л.С. Выготский: психотехническая теория — это не теория «объекта», а теория практики, теория «психологической работы с объектом».

На вопрос о существовании методологии юридической психологии, поставленный Ф.С. Сафуановым, в своем докладе ответил Д.В. Сочивко, который подчеркнул: если область знания есть и широко признана научным сообществом, то она просто не может не существовать. Другое дело — насколько она

разработана (отрефлексирована) и насколько в связи с этим является прямым руководством для каждого исследователя. По мнению этого автора, [45] для того, чтобы только поставить проблему методологии прикладной (юридической) психологии в конструктивном (непозитивистском) плане, то есть с указанием примерного круга основных требований и направлений обсуждения предмета и объекта данной области психологического знания, необходимо увязать в едином концептуальном пространстве три последовательных уровня рефлексии общей теории познания и методологии науки в целом.

Первый уровень рефлексии касается методологии психологии как науки в целом. Эта проблема также остро обсуждается, многие авторы указывают на углубляющийся кризис психологической науки, порожденный, в частности, и отсутствием (или, по крайней мере, отсутствием общего признания) единой методологии. Второй уровень рефлексии — это формирование методологии собственно юридической психологии как метапсихологического знания и, наконец, третий — построение методологии прикладной юридической психологии.

Д.В. Сочивко [45] последовательно изучил степень развития методологии юридической психологии по всем трем предложенным ступеням построения методологии прикладной юридической психологии. В ответе на вопрос об отличии психологии сотрудника правоохранительных органов от психологии любого другого человека он указал на недостаточную четкость в формулировке объекта юридической психологии, а именно на то, что при определении предмета юридической психологии

на первый план должно выступать некоторое *измененное* поведение человека в условиях применения к нему норм права, а ведь применение неодинаково для сотрудника и других людей, а также для разных других субъектов деятельности. Таким образом, методологическое исследование психологии, например, учителя средней школы будет различным с позиций юридической и педагогической психологии.

В.И. Чернинилов [59] в своих статьях обобщил проблемы, возникающие во взаимоотношениях человека с правом, традиционно относимых к предмету юридической психологии. К перспективным направлениям юридической психологии он относит: анализ взаимоотношений в системе «человек — право», где возникает проблема меры регулирования и саморегулирования (управления — самоуправления), которая не может быть зафиксирована раз и навсегда. С позиций законодателя человек выступает как некая теоретическая конструкция, с которой все же приходится считаться. Потребность в понимании того, что происходит в человеческой психологии, возникает только тогда, когда на сцене общественной жизни неожиданно появляются такие феномены, как терроризм, экстремизм, коррупция, представляющие угрозу национальной безопасности.

С момента основания журнала его учредители и создатели поставили перед собой цель раскрытия более широких перспектив юридической психологии, развитие которой протекает в тесном взаимодействии с общей, социальной, клинической, возрастной, педагогической психологией. Проведенный В.М. Поздняковым социально-исторический и компаративный анализ [29, 30] позво-

лил в качестве основных детерминант развития отечественной юридической психологии, действовавших в 1990-е гг. и в первое десятилетие XXI века, выделить следующие: 1) социокультурные; 2) собственно научные (дисциплинарные); 3) субъектно-институциональные. «Изменения в России, происходившие в последние десятилетия, актуализировали выход на методологию «неклассической психологии», где главным принципом является осознанное вмешательство в жизнь. Ответом юридических психологов стало обоснование важности реализации при дальнейшем развитии своей научной отрасли и области психопрактики наряду с ранее доминировавшим объектно-деятельностным подходом также «субъектно-соучаствующего» [29].

По мнению А.Л. Журавлева [20], «актуальность прикладной юридической психологии объясняется и междисциплинарным характером решаемых ею вопросов, пограничных, прежде всего, между психологической наукой и юриспруденцией, а также социологией, наукой управления, политологией, конфликтологией и др. Междисциплинарные исследования в настоящее время являются одним из важнейших источников порождения новых научных и научно-практических проблем, и этот процесс непосредственно связан с дальнейшим развитием современной психологической науки в целом». Проблемы, которые ставит юридическая психология, являются по своей природе комплексными, научно-практическими и составляют некоторое поле интеграции знаний из самых разных наук для эффективного решения такого рода проблем [62].

Что касается собственно используемых методик, то во многих работах констатируется: в юридической психологии (по крайней мере, в исследовательской деятельности) используются те же методы, что и в общей, клинической, социальной и другой психологии, однако они имеют свою специфику. Методы диагностики и коррекции приобретают иной характер в юридической психологии. Замкнутость систем — объектов юридической психологии может способствовать развитию экспериментального метода в естественной среде и ставит новые задачи перед общей и социальной психологией. В научной литературе отмечается, что, возможно, юридическая психология будет способствовать проверке сложившейся методологии, в том числе методологии метода, а также формированию новых элементов, которые будут усваиваться общей методологией психологического исследования [35].

Методологические вопросы юридической психологии тесным образом связаны с проблемами психодиагностики. Надо подчеркнуть, что в журнале можно найти и публикации, посвященные разработкам новых психологических методик и техник [36], и публикации, связанные с внедрением методического инструментария психолога в юридическую практику. Адаптация диагностических методов и математических моделей и методов анализа данных к задачам юридической психологии раскрывается в работах Т.Н. Савченко. Ею рассмотрены проблемы современного состояния математической психологии, ее значения для новых теоретических областей психологии, в частности для юридической психологии. В работах этого автора описываются основные достижения

математической психологии, этапы ее развития и возможности использования в юридической психологии, ставится вопрос о недостаточной грамотности психологов-практиков в области математического моделирования и методов анализа данных, предлагаются способы ее повышения. В журнале выделен раздел в помощь молодому психологу, в котором описываются методы многомерного анализа: кластерный, факторный, многомерное шкалирование и другие, излагается методология эмпирических исследований [35, 36, 38].

Анализ применяемых в психодиагностике методик свидетельствует о доминировании в них клинического подхода над нормативным. Некоторые ученые [54] отмечают, что в диагностике используются опросные и проективные методы, но в опросных методиках вопросы поставлены так, что они не учитывают разную жизненную обстановку и ситуации, поэтому человек просто отвечает на те вопросы, которые уже есть в опроснике, но не подходят для применения в области юридической психологии, не ориентированы на объект. С этих позиций Д.В. Сочивко предложил к обсуждению психодинамический подход к психодиагностике и методологию психодинамической диагностики [47, 54, 57]. Методы диагностики должны быть одновременно и коррекцией: если человек пришел к психологу, он уже является объектом коррекции, если рассуждать с позиций психодинамической диагностики и основанного на ней тренинга психодинамики личностного роста. Существуют и другие специфические особенности психодиагностики в юридической психологии. Так, полиграф выполняет, скорее, функции тестирования людей на предмет связи

с криминальными группировками, прием наркотиков, соответствия должности и т. д., но вряд ли он будет сопоставлять или проверять результаты психодиагностики. По крайней мере, это так в настоящее время.

Особый интерес в современных условиях представляет разработка объективных измерительных процедур, таких, например, как диагностика атрибуции агрессии по мимике с помощью компьютерной методики РЭМ [18] или оценка когнитивных ресурсов с помощью батареи микроструктурных тестов для оценивания доступных когнитивных ресурсов (Леонова и др., 2013). Выявлен ряд проблем, связанных с компьютерной психодиагностикой, применением аппарата программных психодиагностических комплексов, без решения которых потенциальная эффективность от применения информационных технологий в работе психологов оказывается существенно ниже, чем она могла бы быть.

Юридическая психология способствует совершенствованию психодиагностического инструментария и вносит вклад в методологию общей психологии. Проведение исследований в закрытых или частично закрытых системах дает возможность проводить исследования, приближенные к истинно экспериментальному плану в естественных условиях. Работа с выборкой осужденных требует разработки методов диагностики с учетом специфики этого контингента. Работа с экспертными заключениями способствует развитию методов контент-анализа, систем экспертного оценивания [36].

2. Проблемы человека и общества

Одной из наиболее существенных проблем, которые были поставлены на страницах журнала, оказались взаимоотношения личности и общества. Авторами неоднократно рассматривались социальные факторы возникновения и развития криминогенных явлений, более того, предлагался взгляд на общество, которое смещает поведенческие установки. Эти общетеоретические закономерности оказываются наиболее актуальными в России сегодняшнего дня. А.Л. Журавлев [20] считает, что причина этого кроется в социальных трансформациях, и указывает: всякие изменения в обществе, тем более крупные и системные, судя по опыту предыдущих трансформаций, неизбежно сопровождаются многочисленными и многообразными отклонениями, нарушениями и другими явлениями, требующими четкого правового регулирования.

В свете затронутой проблемы стоит отметить работы В.А. Соснина [42, 43], посвященные анализу книги Ф. Мохада «Терроризм с точки зрения террористов, что они переживают и думают и почему обращаются к насилию». Автор излагает свою точку зрения о значении социокультурного подхода для анализа проблемы терроризма и выделяет те характеристики общества или даже цивилизации, которые создают благоприятные условия для возникновения террористической угрозы.

Еще одной социальной болезнью современной России является коррупция. В статье А.Л. Журавлева, А.В. Юревича [21] утверждается, что проблема коррупции имеет ярко выраженные психологические составляющие, а также со-

циокультурные корни. Авторы рассматривают возможности психологической науки и практики в противодействии коррупции, такие как изменение толерантного отношения к ней в обществе, мобилизация широких масс населения на борьбу с ней, психологический мониторинг законопроектов, тестирование кандидатов на «взяткостойкость» должности с помощью специальных психологических методик и др. Одним из наиболее важных направлений участия психологии в борьбе с коррупцией может стать психологический мониторинг законов антикоррупционной направленности, необходимость которого (что очень отрадно) признают и юристы. Авторы статьи уверены, что многих проблем удалось бы избежать, если бы учитывалось, что «законы — это наиболее общие правила организации социальной жизни, в разработке которых самое активное участие должны принимать представители всех наук, изучающих человека и общество, в том числе психологии. Их следует дополнять предварительным мониторингом, который должен осуществляться представителями различных социальных наук, включая психологию» [21].

Влияние общества на личность осуществляется с помощью разных механизмов, наиболее существенными среди них являются воспитание как процесс и социальная идентичность [8, 62]. Вопросы о том, с каким сообществом идентифицирует себя человек и к каким последствиям это приводит, неоднократно ставили авторы журнала [43], они также обращались к анализу проблем, возникающих при столкновении нескольких культурных контекстов [13, 57]. Немало внимания на страницах журнала было уделено и современным проблемам мо-

лодежи. С позиций прикладной юридической психологии развивалось два направления исследований: проблема криминализации современной молодежи и последующего исправления тех, кто уже совершил преступление, и проблема образования молодежи в школах, средних специальных учебных заведениях, вузах, вузах ФСИН России и других силовых ведомств.

Авторы на страницах журнала убедительно показали, что проблема образования и воспитания молодежи напрямую связана с ее криминализацией в современном обществе. Так, недостаточно охваченные вниманием образовательных систем молодые люди стремятся заполнить духовный вакуум, обращаясь к различным субкультурным группировкам, очень устойчивым и обладающим широкой сферой влияния, которые негативно воздействуют также на учащуюся и работающую молодежь. Эмпирические исследования лаборатории Академии ФСИН России позволили Д.В. Соичивко сформулировать современный духовный запрос субкультурно зараженной молодежи: «личного пространства и острых ощущений» или, как пишет автор, «хлеба и зрелищ на новый лад» [47]. Характерно, что в хлебе уже нет большей потребности, хотя такой пункт предусмотрен был опросом. Видимо, всегда кто-то подаст, возможно, те же самые теневые кукловоды субкультурных и социально опасных игр. Любая субкультура является слепком тюремной субкультуры с той или иной степенью точности и жесткости. Главное — наличие иерархии, степеней движения неопита к властным представителям субкультуры, верхушку которых никто не знает и для простых смертных она недостижима,

а нижние степени не знают целей высших. Для группировок характерны жесткая регуляция правил отношения к своим и беспредел (вплоть до оправданного или поощряемого убийства) в отношении к другим, цинизм, жестокость, беспринципность, вандализм, безразличное или целенаправленное попрание духовных и социальных ценностей общества и правил общежития [44, 47, 51].

Развитию субкультурного движения среди молодежи немало способствует развал российской системы образования [47, 51, 52, 57]. Опуская формальные моменты, можно сказать, что образовательная система в России не может ничего противопоставить субкультурным влияниям и не готова в целом предложить свою модель культурного (а не субкультурного, читай — полукриминального общения). Существуют некоторые эксклюзивные методы нравственно ориентированного воспитания и обучения, но их применение несистемно, то есть является, скорее, исключением, чем правилом для образовательной системы. Кроме того, практически не встречаются методы, направленные на преодоление именно социальной отчужденности молодежи. При этом воздействие не контролируемых образовательной системой асоциальных сил весьма постоянно и практически не исследовано с точки зрения возможных последствий.

Если вернуться к рассмотренным вопросам методологии юридической психологии и встать на позиции предложенного выше понимания объекта этой науки как изменения личности под жестким воздействием правового поля [45], то можно утверждать, что в современных условиях развала образовательной системы и отсутствия обществен-

ного контроля за СМИ и Интернетом, а также за субкультурными влияниями на молодежь по другим информационным каналам *изменения личности* существенной части молодежи (а иногда и лиц более старшего возраста) приобретают все более необратимый криминальный характер [51].

3. Изучение личности и личностных феноменов

Идеология создания журнала предполагала привлечение на его страницы ученых, разрабатывающих проблемы изменения психологии человека под воздействием негативных и экстремальных факторов [5], развития мотивационных и ценностных структур, которые определяют поведенческие выборы [4]. Эта задача была выполнена. Подборка номеров «Прикладной юридической психологии» содержит такое количество статей, посвященных обозначенной проблематике, что хватит на солидную коллективную монографию.

Анализ эмоциональных составляющих регуляции деятельности человека образует три линии, первая из которых связана с изучением природы агрессии, и ей посвящен цикл статей [17, 19, 33], в которых тщательно разбираются причины и проявления агрессии, а также факторы, обуславливающие трансформацию внутренней агрессии в агрессию преступления. Вторая линия связана с возникновением тревоги и формированием тревожно-депрессивных состояний как результат военных и социальных конфликтов [7, 41] и ее последующее влияние на когнитивные процессы и поведение [6, 34]. Третье направление связано с изучением влияния стресса и его последствий. Особен-

ности стрессовых состояний анализируются у сотрудников различных силовых структур, либо принимавших участие в военных действиях, либо подвергающихся постоянному влиянию стрессогенных факторов [32]. Выявляются источники стресса, характер нарастания его проявлений [12, 40], а также такие негативные последствия, как эмоциональное выгорание [31] и личностные деформации [25].

Теорию современной психодинамики личности, ее психоэнергетического механизма активно развивает Д.В. Сочивко. Лежащая в ее основе концепция субъективного психологического времени позволила автору предложить как модели измененного в правовом поле поведения личности (например, агрессивного поведения), так и психотерапевтические подходы к коррекции этого поведения [48, 49, 50]. Временной личностный гештальт согласно автору [50] может разрываться на разных витках спирали субъективного времени, в результате чего получают три самостоятельных типа агрессивного поведения личности: катектическая агрессия, катартическая агрессия и агрессия базовой тревожности. В целом анализ спирального субъективного времени с точки зрения современной психодинамики Д.В. Сочивко приводит к восприятию личности как субстанционального деятеля в понимании Н.О. Лосского, что позволяет непосредственно связать все ее изменения с условиями жизнедеятельности в правовом поле.

На страницах журнала уделялось существенное внимание вопросам религиозности личности, ее изменения в зависимости от воцерковленности, духовности и религиозности [51, 60].

Юридическая психология в определенной степени выступает активизатором исследований в области психологии личности. Исследовательская активность при этом разделяется на ряд фундаментальных направлений. Первое из них, наиболее теоретическое, рассматривает взаимодействие личности и общества и выявляет самые существенные факторы, способствующие развитию криминальных и антикриминальных установок личности. Значительно количество публикаций на эту тему, представляющих исследования разных подструктур личности, таких, например, как мотивационные и защитные механизмы [2, 4, 42]; ценностные ориентации [10], уровень субъективного контроля [14], особенности самоотношения [23, 55], диспозиционные характеристики и психодинамические образования [31, 57].

Любопытно, что авторы журнала неоднократно ставят в центр изучения образ, не только выступающий как средство репрезентации ситуации, в которой оказался человек, но становящийся основой для анализа, оценок, выборов и в конечном счете играющий роль регулятора поведения. Стоит упомянуть интересную статью Ю.М. Антоняна, посвященную изучению архетипических образов, закрепленных в культуре и воплощающихся в личности и ее поведении [3]. В статьях многих авторов анализируются проблемы, связанные с представлениями личности о самой себе, мире, об окружающих людях, о жизни [2, 16].

Интегрирующим образом, который объединяет все перечисленные когнитивные структуры, является субъективное представление о качестве жизни. Именно этот конструкт неоднократно

но оказывался в качестве предмета обсуждения в журнале. Характерно, что, обсуждая его, авторы проходят путь от теоретической модели субъективного качества жизни до филигранного анализа факторов, определяющего оценки людей, и выявления особенностей этих оценок в закрытых сообществах, местах лишения свободы и т. д. [36, 37, 38, 22].

Особое место уделяется вопросам личностно-социальных деформаций личности [27]. Формирование склонностей к криминальному поведению, противоречащему действующему законодательству, вызывает пристальный интерес в обществе. Решению этой проблемы посвящены множество статей в «Прикладной юридической психологии», касающиеся коррупционной [9] и террористической [16, 42] направленности личности, негативных изменений, которые происходят с личностью невольных убийц [56]. Активно обсуждаются и личностные проблемы, которые возникают у сотрудников силовых органов [25].

Если бы журнал был заполнен только такими статьями, он бы не выполнял своей системообразующей функции, а лишь вносил смятение и в юридическое, и в психологическое сообщество. Однако, к счастью, мы находим в нем и работы, посвященные антикриминальной устойчивости личности [26], формированию социально-ориентированных ценностных структур, открытию потенциала социального соучастия [28] и творческой деятельности [24, 37] и т. д.

В то же время многие авторы отмечают низкую эффективность реализации психоконсультативной и психокоррекционной помощи в российской юридической практике. Называются следующие причины: слабая профессионально-

методическая подготовленность психологов, недостаточная широта применения различных методов и психотехник, что обусловлено нерегулярностью переподготовки психологов-практиков, нежелание сотрудников участвовать в диагностических и психокоррекционных мероприятиях. Для решения возникающих проблем надо ставить вопросы о повышении должностного статуса психологов, а также начать разработку системы подготовки и повышения квалификации психологов на основе компетентностного подхода.

Возможно, наиболее значимым в поисках путей преодоления социальных и личностных криминальных смещений является обращение авторов журнала к проблемам образования как «воспроизведения здорового общества» [24, 8, 62, 58]. В стенах образовательных учреждений можно сделать многое для создания иммунитета против негативных влияний, предотвратить формирование склонностей к дивергентному поведению.

Обзор первых 25 номеров журнала, разумеется, не охватывает всех предложенных авторами направлений исследований, не говоря уже о результатах эмпирических и научно-практических исследований. Мы постарались представить лишь основные направления деятельности журнала за истекшие шесть лет в аспекте поиска фундаментальных научных оснований юридической психологии и методологических принципов прикладной юридической психологии, а также их реализации в конкретных исследованиях и движениях эмпирики теоретической мысли авторов. О том, насколько все изложенное является ответом на вызовы современной психологической науки и практики, судить читателю.

Литература

1. *Абдуллаева М.М.* Особенности «образа Я» профессиональных юристов // Прикладная юридическая психология. — 2008. — № 2. — С. 89–112.
2. *Абдуллаева М.М.* Возможности юмора как регулятора стресса // Прикладная юридическая психология. — 2009. — № 4. — С. 117–128.
3. *Антоян Ю.М.* Возможности архетипических объяснений криминологических явлений // Прикладная юридическая психология. — 2007. — № 1. — С. 6–14.
4. *Арестова О.Н.* Искажения в мыслительной деятельности как результат мотивационного конфликта // Прикладная юридическая психология. — 2009. — № 1. — С. 86–98.
5. *Блинникова И.В., Бочарова Е.П., Савченко Т.Н.* Динамика эмоциональных состояний у операторов пульта централизованной охраны // Прикладная юридическая психология. — 2008. — № 1. — С. 98–107.
6. *Блинникова И.В., Денисова Е.А.* Влияние негативных психических состояний на использование когнитивных ресурсов // Прикладная юридическая психология. — 2012. — № 4. — С. 65–75.
7. *Блинникова И.В., Капица М.С.* Цена тревоги // Прикладная юридическая психология. — 2011. — № 1. — С. 62–72.
8. *Богданов Е.Н.* Специфика социально-психологической адаптации студентов в системе негосударственного образования // Прикладная юридическая психология. — 2009. — № 3. — С. 29–36.
9. *Богданов Е.Н., Засыкин В.Г.* Психологические аспекты формирования коррупционной направленности личности // Прикладная юридическая психология. — 2013. — № 1. — С. 15–22.
10. *Богданов Е.Н., Иванов П.Г.* Исследование ценностных ориентаций в подростковом возрасте // Прикладная юридическая психология. — 2012. — № 2. — С. 37–41.
11. *Васкз Е.В., Сафуанов Ф.С.* Психологическое взаимодействие работников следственных органов с несовершеннолетними допрашиваемыми: структурный анализ // Прикладная юридическая психология. — 2011. — № 4. — С. 23–30.
12. *Величковский Б.Б., Барабанщикова В.В.* Психологический стресс у сотрудников МВД: роль опосредующих переменных и практические следствия // Прикладная юридическая психология. — 2008. — № 1. — С. 52–64.
13. *Гришина Е.А., Блинникова И.В.* Эмоциональное переживание кросс-культурной адаптации // Прикладная юридическая психология. — 2010. — № 1. — С. 72–85.
14. *Гришко А.Я.* Уровень субъективного контроля осужденных, больных наркоманией // Прикладная юридическая психология. — 2007. — № 1. — С. 14–19.
15. *Дебольский М.Г.* Роль психологической службы уголовно-исполнительной системы в реализации целей наказания // Прикладная юридическая психология. — 2010. — № 2. — С. 59–67.
16. *Емелин В.А.* Терроризм как патологическая форма обретения идентичности в условиях информационного общества // Прикладная юридическая психология. — 2009. — № 4. — С. 36–43.
17. *Ениколопов С.Н.* Актуальные проблемы исследования агрессивного поведения // Прикладная юридическая психология. — 2010. — № 2. — С. 37–47.
18. *Ениколопов С.Н., Кузнецова Ю.М., Чудова Н.В.* Исследование атрибуции агрессии по мимике с помощью компьютерной методики РЭМ // Прикладная юридическая психология. — 2013. — № 2. — С. 55–64.
19. *Ениколопов С.Н., Кузнецова Ю.М., Чудова Н.В.* Когнитивные факторы агрессии и каузальная атрибуция агрессивности // Прикладная юридическая психология. — 2011. — № 2. — С. 43–58.
20. *Журавлев А.Л.* Взаимодействие фундаментальной психологии и психологической практики: направления развития // Прикладная юридическая психология. — 2011. — № 3. — С. 8–13.
21. *Журавлев А.Л., Юревич А.В.* Психологические факторы коррупции // Прикладная юридическая психология. — 2012. — № 1. — С. 8–21.
22. *Кузнецова А.С., Семяничева П.А.* Субъективная оценка качества жизни и факторов профессионального стресса у офицеров Вооруженных Сил на начальном этапе военного реформирования // Прикладная юридическая психология. — 2012. — № 1. — С. 130–137.
23. *Молоствов А.В.* Особенности самоотношения осужденных женщин, отбывающих наказание в виде лишения свободы за насильственные преступления, совершенные в отношении близких родственников // Прикладная юридическая психология. — 2010. — № 4. — С. 73–78.
24. *Нечаев Н.Н.* Творчество и профессионализм // Прикладная юридическая психология. — 2008. — № 3. — С. 6–12.
25. *Папкин А.И.* Причины формирования мотивов девиантного поведения у сотрудников правоохранительных органов // Прикладная юридическая психология. — 2010. — № 2. — С. 135–146.
26. *Пастушена А.Н.* Антикриминальная устойчивость личности: структурно-содержательный аспект // Прикладная юридическая психология. — 2013. — № 2. — С. 31–40.
27. *Пастушена А.Н.* Характеристика системообразующего ядра криминогенной склонности личности // Прикладная юридическая психология. — 2012. — № 2. — С. 18–28.

28. Поздняков В.М. Психология просоциального соучастования осужденных в местах лишения свободы // Прикладная юридическая психология. — 2007. — № 1. — С. 19–37.

29. Поздняков В.М. Уголовно-правовая теория криминализации и востребованность психологии при разработке уголовной и уголовно-исполнительной политики и модернизации законодательства // Прикладная юридическая психология. — 2011. — № 3. — С. 17–28.

30. Поздняков В.М. Юридическая психология: генезис и перспективы // Прикладная юридическая психология. — 2010. — № 2. — С. 15–37.

31. Поздняков В.М., Черкасова М.А. Особенности профессионального выгорания у сотрудников уголовно-исполнительной системы на различных этапах прохождения службы // Прикладная юридическая психология. — 2013. № 1. — С. 22–31.

32. Ромашов Р.А. Война, военный синдром, социальный конфликт // Прикладная юридическая психология. — 2012. — № 4. — С. 7–14.

33. Ромашов Р.А. Факторы, обуславливающие трансформацию внутренней агрессии субъекта маргинального поведения во внешнюю агрессию преступления // Прикладная юридическая психология. — 2013. — № 2. — С. 71–74.

34. Рыбников В.Ю., Цуцьева Ж.Ч. Психологический статус детей и подростков, жертв террористического акта, в отдалённом периоде после психотравмы // Прикладная юридическая психология. — 2010. — № 3. — С. 37–43.

35. Савченко Т.Н. Математическая психология в гуманитарных исследованиях // Прикладная юридическая психология. — 2009. — № 4. — С. 55–62.

36. Савченко Т.Н. Методология исследования субъективного качества жизни // Прикладная юридическая психология. — 2010. — № 4. — С. 23–35.

37. Савченко Т.Н., Головина Г.М. Проблема качества жизни в трудовой деятельности // Прикладная юридическая психология. — 2010. — № 1. — С. 32–51.

38. Савченко Т.Н., Головина Г.М. Субъективное качество жизни осужденных и интеллектуальная информационная среда // Прикладная юридическая психология. — 2012. — № 4. — С. 42–49.

39. Сафуанов Ф.С. Существует ли специальная методология юридической психологии? Приглашение к дискуссии // Прикладная юридическая психология. — 2011. — № 1. — С. 8–18.

40. Семанищева П.А., Кузнецова А.С. Саморегуляция функционального состояния у офицеров с высокой и низкой удовлетворенностью работой в условиях длительного военного реформирования // Прикладная юридическая психология. — 2013. — № 4.

41. Соснин В.А. Проблема взаимодействия полиции и массовых групповых образований: роль пси-

хологических установок представителей полицейских структур в понимании массовых процессов и возникновении массового конфликта // Прикладная юридическая психология. — 2013. — № 2. — С. 64–70.

42. Соснин В.А. Проблема мотивации терроризма в мировой исследовательской практике // Прикладная юридическая психология. — 2009. — № 4. — С. 18–30.

43. Соснин В.А. Социокультурная идентичность и глобализация современного мира // Прикладная юридическая психология. — 2011. — № 1. — С. 125–143.

44. Сочивко Д.В. Сравнительный анализ некоторых аспектов криминальной духовности осужденных молодежного возраста и других групп молодежи в России // Прикладная юридическая психология. — 2011. — № 1.

45. Сочивко Д.В. Проблема методологии прикладной (юридической) психологии. // Прикладная юридическая психология. — 2011. — № 2. — С. 8–18.

46. Сочивко Д.В. Гендер организованной преступности // Прикладная юридическая психология. — 2007. — № 1. — С. 52–63.

47. Сочивко Д.В. Психология молодежных субкультур, или «Хлеба и зрелищ на новый лад» // Прикладная юридическая психология. — 2008. — № 1. — С. 131–134.

48. Сочивко Д.В. Психодинамика чувства юмора // Прикладная юридическая психология. — 2009. — № 3. — С. 14–19.

49. Сочивко Д.В. Психодинамика когнитивного устройства личности // Прикладная юридическая психология. — 2008. — № 3. — С. 24–40.

50. Сочивко Д.В. Психодинамика гештальта открытой и скрытой агрессии в структуре личностного роста // Прикладная юридическая психология. — 2013. — № 3. — С. 35–41.

51. Сочивко Д.В., Полянин Н.А., Голышева Ю. Религиозность, духовно-нравственное развитие и личностный рост осужденных молодежного возраста // Прикладная юридическая психология. — 2011. — № 4. — С. 133–146.

52. Сочивко Д.В., Полянин Н.А. Субкультурные идеологемы современных молодежных субкультур // Прикладная юридическая психология. — 2009. — № 4. — С. 62–70.

53. Сочивко Д.В., Савельева Т.И. Предимпозитивное Я-фокус эмпирических, методологических и теоретических исследований в юридической психологии // Прикладная юридическая психология. — 2009. — № 1. — С. 45–55.

54. Сочивко Д.В., Савченко Т.Н., Головина Г.М. Субъективное качество жизни в различных по характеру социальной закрытости социумах // Прикладная юридическая психология. — 2010. — № 4. — С. 8–22.

55. Сочивко Д.В., Чубич В.Э. Психодинамика удовлетворенностью жизнью и переживания счастья // Прикладная юридическая психология. — 2013. — № 3. — С. 59–68.

56. Сочивко Д.В., Щелкушкина Е.А. Проблема психодинамической типологии личности осужденных за убийство // Прикладная юридическая психология. — 2010. — № 1. — С. 6–21.

57. Сочивко Д.В., Крымова Ю.В. Психодинамика лояльности-толерантности: психодинамическая диагностика и эмпирическая типология // Прикладная юридическая психология. — 2012. — № 2. — С. 28–41.

58. Фельдштейн Д.И. Психолого-педагогические проблемы построения новой школы в условиях значимых изменений ребенка и ситуации его развития // Прикладная юридическая психология. — 2010. — № 2. — С. 90–100.

59. Черненилов В.И. Цивилизационная миссия юридической психологии // Прикладная юридическая психология. — 2011. — № 1. — С. 19–26.

60. Шафажинская Н.Е. Характеристика когнитивной деятельности в опыте христианской психологии святителя Феофана Затворника // Прикладная юридическая психология. — 2012. — № 4. — С. 126–130.

61. Юшкова Л.Б. О роли междисциплинарного статуса юридической психологии // Прикладная юридическая психология. — 2010. — № 2. — С. 14–15.

62. Юшкова Л.Б. Становление индивидуальности в образовательном процессе // Прикладная юридическая психология. — 2009. — № 3. — С. 36–43.

МОДЕЛЬ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ СОТРУДНИКОВ ФСИН РОССИИ

И. И. Купцов, Г. С. Карпова

Аннотация: в статье приведены результаты теоретического исследования проблемы профессиональной компетентности сотрудников пенитенциарной системы, весьма актуальной сегодня — в период ее активного реформирования. Предлагается авторская модель профессиональной компетентности сотрудников ФСИН России, а также рассматривается область ее возможного практического применения.

Ключевые слова: профессиональная компетентность, структура профессиональной компетентности, модель профессиональной компетентности, сотрудники ФСИН России, компетенции, специфика деятельности сотрудников ФСИН России.

Summary: the article contains the results of theoretical study of the problem of professional competence of the personnel

of the penitentiary system. This problem is very relevant today, in the period of active reformation of the penal system. The author suggests the model of professional competence of the employees of the Federal penitentiary service of Russia, and discusses the range of its possible practical applications.

Keywords: professional competence, structure of professional competence of the model of professional competence of the employees of the Federal penitentiary service of Russia, competence, specificity of activity of employees of the Federal penitentiary service of Russia.

В настоящее время уголовно-исполнительная система нашей страны интенсивно совершенствуется. Приоритетными направлениями кадровой политики Федеральной службы исполнения

наказаний (ФСИН России), определенной Концепцией развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 года, являются повышение уровня профессиональной компетентности сотрудников исправительных учреждений и предупреждение коррупции среди личного состава [1, п. 7; 16]. В связи с этим в научной литературе, в частности в издании «Прикладная юридическая психология», находят свое отражение рассуждения, результаты эмпирических исследований и предложения многих авторов по решению данных вопросов с точки зрения правового и психологического подходов. Так, А.Л. Журавлев и А.В. Юревич анализируют психологические факторы коррупции [8], социально-психологическим и психологическим аспектам данной проблемы посвящены работы О.Г. Ананьева [3], Е.Н. Богданова и В.Г. Зазыкина [4]. О.А. Рожков, анализируя причины и процессы профессиональной криминализации сотрудников УИС, обращается к психологической теории профессиональной деформации личности [13], а В.П. Поздняков рассматривает криминализацию, опираясь на уголовно-правовую теорию данной проблематики [17].

В последнее время укрепил свои позиции компетентностный подход к профессиональному и дополнительному образованию сотрудников ФСИН России, кроме того, в процессе аттестации служащих в УИС анализируется уровень их профессиональной компетентности [7, 9, 11, 15, 14]. Таким образом, исследование особенностей профессиональной компетентности личного состава пенитенциарной системы является весьма актуальным направлением в современной юридической психологии.

Изучение профессиональной компетентности сотрудников уголовно-исполнительной системы России невозможно без определения ее структуры. Чтобы понять, каким образом оценивать уровень компетентности служащих, отслеживать конкретные изменения, происходящие в человеке на пути профессионального становления, необходимо установить компоненты профессиональной компетентности сотрудников ФСИН России, учитывая специфику службы в учреждениях и органах УИС, а также предъявляемые к ним требования.

Для всестороннего изучения профессиональной компетентности сотрудников ФСИН России мы будем использовать метод моделирования с целью теоретической разработки структуры данного явления, характеристики его составных компонентов, определения наличия и характера взаимосвязей между ними.

В широком понимании *модель* (от латинского *modulus* — мера, образец) — это условный или мысленный образ (изображение, описание, схема, чертеж, график, план, карта и т. п.) или прообраз (образец) какого-либо явления или физического объекта либо системы объектов («оригинала» данной модели), используемый при определенных условиях в качестве их «заместителя» или «представителя». Модель создается с помощью *моделирования* — исследования объектов познания на их моделях, которое заключается в построении и изучении моделей реально существующих предметов и явлений и конструируемых объектов для определения, уточнения их характеристик, рационализации способов их построения и т. п. [5]. В психологии моделирование представляет собой

создание формальной модели психического или социально-психологического явления, процесса, то есть формализованной абстракции данного явления, воспроизводящей его некоторые основные, ключевые, по мнению данного исследователя, моменты с целью экспериментального изучения.

Наличие отношения частичного подобия — гомоморфизма — позволит нам использовать модель изучаемой профессиональной компетентности сотрудников ФСИН России как ее заместитель или представитель. Создание относительно упрощенной модели дает возможность проверить истинность и полноту теоретических представлений о феномене профессиональной компетентности сотрудников УИС [6].

В изучении профессиональных компетенций, которыми должен обладать служащий исправительной колонии, необходимо учитывать специфику его профессиональной деятельности, поэтому, приступая к моделированию, мы провели анализ специфических особенностей деятельности сотрудников пенитенциарных учреждений и пришли к выводу о том, что специфическими особенностями профессиональной деятельности сотрудников пенитенциарных учреждений являются: ее принадлежность к типу *«человек — человек»* [10], что определяет отличительные признаки этой профессии; *нормативность*, проявляющаяся в строгой регламентации и контроле со стороны государства; *экстремальность*, которая заключается в многообразии служебных задач и экстремальных условиях несения службы; *властный характер*, обусловленный контролирующей, надзирающей, воспитательной функциями,

возложенными на работников исправительных учреждений.

Основными подструктурами профессиональной деятельности сотрудников системы, исполняющей наказания, являются: познавательная-прогностическая (когнитивная), коммуникативная, организационно-управленческая и воспитательная. Анализируя содержание подструктур профессиональной деятельности сотрудников УИС, можно сказать, что они предполагают наличие у них тех или иных знаний, умений, навыков, определенных способностей и профессионально значимых качеств.

Понятия «компетентность» и «компетенция» употребляются в разных значениях. Разрабатывая модель профессиональной компетентности сотрудников ФСИН России, вслед за А.В. Хуторским мы рассматриваем эти понятия следующим образом: компетенции — как совокупности взаимосвязанных качеств личности (знаний, умений, навыков, способностей деятельности), задаваемых по отношению к определенному кругу предметов и процессов и необходимых для качественной продуктивной деятельности по отношению к ним; компетентности — как владения, обладания сотрудником соответствующей компетенцией, включая его личностное отношение к ней и предмету деятельности [19].

Таким образом, профессиональная компетентность служащих пенитенциарных учреждений может быть представлена совокупностью профессионально важных личностных качеств, общих и специфических знаний, умений и навыков, необходимых для эффективного осуществления сотрудниками своей профессиональной деятельности, а также для их личностного и профессиональ-

ного роста. Путем выделения компетенций для каждой из подструктур специфичной профессиональной деятельности пенитенциарных работников, а также раскрытия содержания этих компетенций мы получили самостоятельные, но при этом тесно связанные друг с другом компоненты профессиональной компетентности, которые, по сути, являются видами компетентности, создающими структуру изучаемого нами емкого понятия «профессиональная компетентность».

Итак, модель профессиональной компетентности сотрудников ФСИН России можно представить в виде взаимосвязи трех основных компонентов: специальной (операционально-технологической) компетентности, этико-поведенческой компетентности и профессиональной психолого-педагогической компетентности. Рассмотрим каждый компонент подробнее.

В состав *специального (операционально-технологического) компонента* входят необходимые именно для данной профессии знания, умения, навыки. Для сотрудников ФСИН России принципиальным является обладание знанием нормативной базы профессиональной деятельности, в которой описаны и регламентированы права и обязанности, ответственность сотрудников, а также порядок их действий в тех или иных профессиональных ситуациях. Сотрудники должны знать специфические стороны своей профессии, а именно: правовые, психологические особенности спецконтингента, субкультуры осужденных. Кроме того, им необходимы знания в сфере профессиональной этики и организационной культуры, свойственной пенитенциарным учреждениям.

Из числа профессиональных умений в состав данного компонента входят умения проводить специфические действия и мероприятия, например: осуществлять обысковые мероприятия (для сотрудников отдела безопасности); проводить процедуру просчета осужденных (для начальников отряда); устанавливать психологический контакт с осужденным (для психологов колонии) и т. д. Необходимыми для сотрудников всех отделов и служб профессиональными умениями являются умения: противостоять негативному воздействию со стороны осужденных, а также стрессу, рационально мыслить в экстремальных ситуациях, сохранять самообладание и т. д. Наряду со специальными профессиональными навыками, которые обеспечивают технологическую сторону профессиональной деятельности служащих в УИС и непосредственно позволяют осуществлять функционирование подразделения (например, навыки надевания наручников, пользования огнестрельным оружием и специальными средствами защиты и т. д.) можно выделить навыки профессионального общения с осужденными, вышестоящим начальством и бесконфликтного общения.

Компетенции специальной (операционально-технологической) компетентности приобретаются сотрудниками ФСИН России не только на первоначальном этапе профессиональной деятельности — в период обучения в учебном центре и стажировки в исправительном учреждении, а на протяжении всего профессионального пути, то есть усваиваются с опытом. Процесс усвоения данных компетенций происходит за счет стремления сотрудника к обучению, профессиональному развитию (то есть при

условии соответствующей мотивации), а также при наличии развитых умственных способностей, ответственного отношения к учебе, труду.

Таким образом, специальная (операционально-технологическая) компетентность сотрудников ФСИН России в модели профессиональной компетентности представляет собой совокупность компетенций, включающих в себя такие специфические знания, умения, навыки, без обладания которыми становится невозможной эффективность функционирования пенитенциарного учреждения и профессиональной деятельности его работников.

Компетенции *этико-поведенческой компетентности* отображают этические, духовно-нравственные и отчасти мотивационные, коммуникативные, экстремальные аспекты профессионального поведения сотрудников УИС.

Профессиональное поведение служащие пенитенциарных учреждений должны строить, соблюдая принципы законности, этичности, безопасности, которые можно назвать фундаментом эффективной профессиональной деятельности. Законное поведение со стороны сотрудника ФСИН России обеспечивается высокой моральной нравственностью, правосознанием, порядочностью, осознанием ответственности за свои действия и слова, серьезным отношением к труду, отсутствием халатности в профессиональной деятельности, способностью противостоять воздействию со стороны осужденных (коррупции).

Поведение, соответствующее этическим нормам, принятым в УИС, формируется за счет не только специальных знаний об этике, имидже и организационной культуре, но и осознания не-

обходимости, а также способности их соблюдать и применять в практической деятельности. Кроме того, изначально установочное положительное отношение к осужденным является, на наш взгляд, важнейшим звеном в цепи этически правильно выстроенного профессионального поведения, поскольку только сотрудники, способные по принципу исправления видеть в осужденных людей, которые могут стать лучше, заинтересованы в процессе своей профессиональной жизни, наделяют свой труд смыслом, осознают его значение. Такие сотрудники являются субъектами труда, проявляя гибкость профессионального поведения, исключая стереотипность принимающихся решений, действий, отношений. Не только положительное отношение к осужденным, но и позитивное отношение к профессии в целом предполагают субъектность труда сотрудников. Отметим, что подобное поведение формируется на базе таких качеств, как самостоятельность, невысокая конформность, самоуважение, уверенность в себе, креативность, гибкость в общении, гибкость мышления, самоэффективность.

Профессиональная психолого-педагогическая компетентность как самостоятельный элемент нашей модели включает в себя экстремальный, когнитивно-креативный, мотивационно-ценностный, социально-психологический, эмоционально-волевой, рефлексивный компоненты профессиональной компетентности сотрудников ФСИН России. Именно она обуславливает эффективность всех направлений их профессиональной деятельности, в особенности педагогического, функция которого является основ-

ной в процессе исправления осужденных в пенитенциарных учреждениях.

Способность и готовность сотрудничать плодотворно работать в экстремальных условиях, которые, как мы уже говорили, весьма типичны для службы в уголовно-исполнительной системе, обеспечиваются *экстремальной компетентностью*, которая подразумевает наличие способности сохранять самообладание, рационально мыслить и действовать в нестандартной ситуации, умения противостоять стрессу и негативному воздействию со стороны осужденных, а также таких личностных качеств, как решительность, смелость, сообразительность, уверенность в себе, ориентация на достижение успеха в жизни и работе.

Когнитивно-креативная компетентность объединяет в себе познавательную, мыслительную и креативную стороны профессиональной деятельности субъекта труда. Когнитивная часть данного компонента характеризуется уровнем интеллектуального развития, умственных способностей, общей эрудированностью, способностью оценивать и анализировать свои успехи и неудачи в труде, стремлением умственно развиваться. Все это достигается за счет способности сотрудника к обучению, старательного отношения к труду, сообразительности, внимательности, развитых памяти, речи, пространственного и гибкого мышления, способности обобщать и анализировать информацию, способности к рефлексии, широкого кругозора, начитанности.

Когнитивная часть когнитивно-креативного компонента модели отражает способность сотрудника нестандартно подходить к решению профессиональных задач и осуществляется че-

рез оригинальность, гибкость мышления, общую креативность, инициативность, независимость от чужого мнения, самостоятельность и некоторую смелость. В целом, можно сказать, что наличие у сотрудника пенитенциарного учреждения умения и способности, оставаясь в рамках регламента профессиональной деятельности, разрабатывать и внедрять новые приемы и методы работы, говорит о том, что он, безусловно являясь субъектом своего труда, овладел профессией настолько, что вступил в стадию новаторства (суперпрофессионала, по А.К. Марковой [12]) на пути своего профессионального развития.

Мотивационно-ценностная компетентность как элемент модели профессиональной компетентности сотрудников ФСИН России, на наш взгляд, характеризует профессиональную мотивацию сотрудника исправительного учреждения и его отношение к своей профессии и жизни, смысло-жизненные и ценностные ориентации. Формирование его профессиональной компетентности, без сомнения, обусловлено наличием устойчивых, выраженных и при этом, скорее, нематериальных потребностей, удовлетворяемых в профессии, таких как потребность в уважении, принадлежности к группе людей, общности (аффилиативные потребности), самоактуализации. Последняя опосредует мотивацию профессионального роста и стремление сотрудника продвигаться по служебной лестнице (здоровый карьеризм). Кроме того, профессионально-мотивационная сторона данного компонента подразумевает ориентацию на достижение, управленческую и исполнительскую деятельность, гармоничное сочетание личной и профессиональной

частей жизни, ориентацию на стабильность. Немаловажными элементами мотивационно-ценностного компонента являются сформированные цели в жизни, целеустремленность, осмысленность труда, его результатов и жизни в целом, развитие духовно-нравственные ценности.

Позитивное отношение сотрудника к своей профессии и жизни рассматриваются в модели через наличие у сотрудника профессиональной идентификации, гордости за свою профессию, осознания и принятия своего места в организации, собственного предназначения, выраженной деятельностной самооэффективности, оптимизма, интернальности. Нужно обратить внимание на то, что овладение мотивационно-ценностной компетентностью возможно только при способности субъекта подвергать анализу и оценке (рефлексии) мотивы, ценности в своей профессиональной жизни, их влияние на результаты труда.

Социально-психологическая компетентность включает в себя знания, умения, навыки, профессионально важные качества в сфере общения, а также положительное отношение субъекта труда к партнерам по профессиональной коммуникации.

Среди специальных знаний, которые необходимы сотруднику ФСИН России для эффективного, грамотного общения на службе, мы выделяем знание этикета профессионального взаимодействия, педагогические знания, знание специфических особенностей общения с осужденными, а также социально-психологических процессов и явлений в среде осужденных. Среди профессиональных навыков и умений бесценными, на наш взгляд, можно назвать на-

вык бесконфликтного общения, умение устанавливать доверительные отношения, сохранять дистанцию в общении и др. Развитые коммуникативные качества и способности — социальная экстраверсия, уверенность и активность в общении, отсутствие социальной неуклюжести, способность работать в команде, социальная самооэффективность — также являются составляющими социально-психологического компонента описываемой нами модели профессиональной компетентности. Кроме того, мы обращаем внимание на важность обладания сотрудниками социально-перцептивными качествами (наблюдательностью, чуткостью, эмпатией), организаторскими способностями, которые в пенитенциарной системе должны сочетаться с готовностью подчиняться, а также способностью оказывать воздействие на осужденных и подчиненных. Развитие коммуникативной компетентности сотрудника тоже происходит за счет его рефлексивных способностей.

Эмоционально-волевая компетентность в модели представлена высоким самоконтролем, внутренним locus контроля, развитыми волевыми качествами, стрессоустойчивостью, уверенностью в себе, адекватностью самооценки, устойчивостью к негативному влиянию со стороны осужденных, создающему риск совершения сотрудниками должностных преступлений, а также к профессиональной деформации и другим профессиональным заболеваниям. Рассматривая более подробно данный компонент, перечислим его составляющие — психологические качества и способности, на базе которых формируется эмоционально-волевая компетентность: ответственность, самостоятель-

Рис. 1. Модель профессиональной компетентности сотрудника ФСИН России

ность, невысокая конформность, самообладание, выдержка, настойчивость, целеустремленность, самооэффективность, организаторские способности, способность анализировать свое эмоциональное состояние, волевым усилием регулировать его.

Рефлексивная компетентность в нашей модели включает в себя психологические знания о рефлексии, способности самоанализа и анализа поведения других людей. В рамках данного вида компетентности мы выделяем осознание роли рефлексивных процессов регуляции поведения, личностного и профессионального развития, осознание наличия психологических защит, способность самоизменения в процессе профессионального развития, противостояния стрессам, экстремальным факторам служебной деятельности, профессиональной деформации, профессиональному маргинализму, способность распознавать причины тех или иных ре-

акций со стороны окружающих и прогнозировать поведение партнера по общению. Все эти компетенции достигаются за счет заинтересованности сотрудника в получении психологических знаний о рефлексии, наблюдательности, внимательности, наличия способности к рефлексии деятельности, планированию своей деятельности и жизни в целом, целеустремленности, способности к рефлексии общения и взаимодействия с другими людьми, проницательности и эмпатии.

Предлагаемая нами модель профессиональной компетентности сотрудников ФСИН России представлена на рисунке 1.

Из описания каждого компонента нашей модели понятно, что все виды профессиональной компетентности тесно связаны между собой, и в практической деятельности сотрудников недостатки развития компетенций, входящих в состав одного элемента модели,

могут быть компенсированы компетенциями другого. Но возникает вопрос: какой именно характер носят взаимоотношения и взаимосвязи каждого элемента предложенной нами модели?

Отвечая на этот вопрос, полагаем, что специальная компетентность как вершина айсберга представляет ту малую часть его составляющих, необходимых для эффективной деятельности специалиста, замещающего конкретную должность, которая находится на поверхности, поскольку знания, навыки, умения проявляются внешне, их можно обнаружить или не обнаружить невооруженным глазом, понаблюдав за работой сотрудника, задав ему несколько вопросов о службе, проанализировав результаты его труда. Разделяя точку зрения Л.М. Спенсера и С.М. Спенсера, мы считаем, что специальные знания и навыки являются относительно поверхностными компетенциями, которые довольно просто развить, сформировать, скорректировать в отличие от глубинных психологических образований, таких как мотивация, эмоционально-волевые или коммуникативные качества, Я-концепция, которая характеризует отношение человека к себе, его ценностные ориентиры и установки [18, с. 11–12]. Не случайно авторы настоятельно рекомендуют в качестве решающего критерия при отборе персонала использовать именно наличие сформированных внутренних, психологических компетенций, а не специального образования, которое свидетельствует о наличии знаний, но не о способности и умении их применять на практике. Однако это не значит, что мы преуменьшаем значение специальной (операционально-технологической) компетенции, — оно колоссально, поскольку

именно специальные знания, навыки, умения в специфичных условиях труда сотрудников исправительных учреждений создают технологическую основу эффективности их профессиональной деятельности.

Этико-поведенческая компетентность служит внешним проявлением внутренних качеств и переживаний, но также зависит от наличия специальной компетентности. Невозможно соблюдать этические нормы в профессиональном поведении, не имея о них представления, но вместе с тем у сотрудника в личностном плане не должно быть таких качеств, которые препятствуют этичному профессиональному поведению, например у него не могут отсутствовать правосознание, ответственность, воспитанность, ориентация на духовно-нравственные ценности и т. д. В связи с этим, определяя место этико-поведенческой компетентности среди других компонентов модели ПК и их взаимосвязь, абстрактно полагаем, что данный элемент должен находиться между специальной и психолого-профессиональной компетентностью.

Наконец, самый емкий по содержанию компонент нашей модели — профессиональная психолого-педагогическая компетентность — является невидимой частью айсберга, внутренней психологической подструктурой, формирование и развитие компонентов которой представляет собой сложный, длительный процесс. В ходе развития социально-психологической, мотивационно-ценностной, эмоционально-волевой, когнитивно-креативной и экстремальной компетентности рефлексивная компетентность через механизмы самоанализа и самооценки играет, на наш

Рис. 2. Взаимосвязь компонентов модели профессиональной компетентности сотрудников ФСИН России

взгляд, важнейшую роль, так как именно осознание потребности, а также путей и способов развития психологических компетенций детерминирует процессы профессионализации, превращает сотрудника в субъект трудовой деятельности. Следовательно, рефлексивный компонент выполняет функцию контролирующую, стимулирующую к развитию всех составляющих психолого-педагогической компетентности.

Тесная взаимосвязь остальных элементов психолого-педагогической компетентности выражается в том, что за счет некоторых компетенций одного элемента происходит формирование другого (рис. 2). Например, на базе способности быстро принимать эффективные решения (когнитивно-креативная

компетентность) у сотрудника формируется экстремальная компетентность; при общем позитивном отношении сотрудника к своей профессии складывается положительное, терпимое отношение к спецконтингенту, что представляет собой одну из значимых компетенций, входящих в состав социально-психологической компетентности, то есть в их состав входят одни и те же компетенции.

Практическая значимость разработанной нами модели профессиональной компетентности сотрудников ФСИН России заключается в следующем: во-первых, становятся очевидными план и программа дальнейшего эмпирического изучения данного феномена; во-вторых, благодаря модели становится возможной в рамках просветительской де-

тельности разработка лекционного и семинарского материала, предназначенного для повышения психологической компетентности сотрудников подразделений; в-третьих, разработанная модель служит основой для проведения сотрудником самоанализа, а совместно с психологом учреждения — объективного психологического анализа на предмет развития того или иного вида компетентности для дальнейших просветительских, развивающих и психокоррекционных занятий.

Таким образом, разработанная нами модель профессиональной компетентности сотрудников ФСИН России включает в себя взаимосвязанные профессионально-психологические компетенции, условно объединенные в отдельные компоненты и составляющие подробный, разноплановый портрет сотрудника пенитенциарного учреждения, обладающего профессиональной компетентностью.

Литература

1. Концепция развития уголовно-исполнительной системы до 2020 года: распоряжение Правительства Рос. Федерации от 14 октября 2010 г. № 1772-р. — П. 7.
2. Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации: Федер. закон от 8 января 1997 г. № 1-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. — 1997. — № 2. — Ст. 8, 9.
3. *Ананьев О.Г.* Проблема коррупции в уголовно-исполнительной системе ФСИН России (социально-психологические аспекты) // Прикладная юридическая психология. — 2010. — № 4. — С. 164–181.
4. *Богданов Е.Н., Зазыкин В.Г.* Психологические аспекты формирования коррупционной направленности личности // Прикладная юридическая психология. — 2013. — № 1. — С. 15–22.
5. *Булышко Д.М.* Новейший философский словарь / сост. А.А. Грицанов. — Минск, 1998.
6. *Головин С.Ю.* Словарь практического психолога. — Минск: Харвест, 1998.
7. *Горностаев С.В.* Реинтегрирующий подход к профессиональному развитию сотрудников правоохранительных органов // Прикладная юридическая психология. — 2007. — № 1. — С. 37–43.
8. *Журавлев А.Л., Юревич А.В.* Психологические факторы коррупции // Прикладная юридическая психология. — 2012. — № 1. — С. 8–12.
9. *Иванов Г.П., Коваленко Е.Ф.* Личностные факторы, влияющие на процесс становления профессионала в период получения высшего профессионального образования // Прикладная юридическая психология. — 2012. — № 2. — С. 135–142.
10. *Климов Е.А.* Образ мира в разнотипных профессиях: учеб. пособие. — М.: Изд-во Моск. ун-та, 1995.
11. *Малынин В.С.* Специфика применения компетентностного подхода в профессиональной подготовке слушателей учебных центров ФСИН России // Прикладная юридическая психология. — 2013. — № 1. — С. 123–127.
12. *Маркова А.К.* Психология профессионализма. — М.: Междунар. гуманитар. фонд «Знание», 1996.
13. *Рожков О.А.* Профессиональная деформация ценностно-мотивационной сферы сотрудников правоохранительных органов как фактор их криминализации // Прикладная юридическая психология. — 2008. — № 3. — С. 112–121.
14. *Огородников В.И., Домин А.Ю.* Правовые основы проведения аттестации персонала // Прикладная юридическая психология. — 2009. — № 3. — С. 134–137.
15. *Огородников В.И., Летунов В.Н.* Компетентность сотрудников с точки зрения европейских стандартов // Прикладная юридическая психология. — 2013. — № 1. — С. 113–119.
16. *Огородников В.И., Мельникова Ю.А.* Проблемы, состояние и предложения по совершенствованию кадровой политики уголовно-исполнительной системы // Прикладная юридическая психология. — 2010. — № 1. — С. 149–152.
17. *Поздняков В.Н.* Уголовно-правовая теория криминализации и востребованность психологии при разработке уголовной и уголовно-исполнительной политики и модернизации законодательства // Прикладная юридическая психология. — 2011. — № 3. — С. 17–28.
18. *Спенсер М.Л., Спенсер С.М.* Компетенции на работе: пер. с англ. — М.: НРРО, 2005.
19. *Хуторской А.В.* Ключевые компетенции и образовательные стандарты [Электронный ресурс] // Интернет-журнал «Эйдос». — 2002. — 23 апр. — URL: <http://eidos.ru/journal/2002/0423.htm>

АНАЛИЗ ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ПРИЧИН ПРЕСТУПНОГО ПОВЕДЕНИЯ ЖЕНЩИН

А. В. Ильин

Аннотация: актуальность затронутой в статье проблемы связана с тем, что женская преступность в последнее время не имеет тенденции к снижению. В связи с этим есть острая необходимость в изучении женской преступности, определении того, какие источники питают данный вид преступности в целом, в чем причины преступного поведения женщин, ради чего они допускают подобные действия. Особый интерес в статье вызывает исследование механизмов психологической защиты, свойственных осужденным женщинам.

Ключевые слова: женская преступность, личность осужденной женщины, психологические особенности осужденной женщины, места лишения свободы, механизм психологической защиты, ресоциализация.

Summary: the topicality of the given problem is related to the fact that the level of female crime hasn't reduced lately. In the present situation there's a major necessity in the study of female crime, in the determination of what feeds such crime on the whole, what stands behind female criminal behavior, what for they take such actions. In the present article of special interest is the research of psychological defense mechanisms typical of convicted women.

Keywords: reasons of female crime, personal characteristics of a convicted woman, psychological peculiarities of a convicted woman, institutions of confinement, analysis of psychological defense mechanisms, successful resocialization.

В последние годы в нашем обществе значительное, даже угрожающее распространение получили явления и процессы, дестабилизирующие отношения между людьми, порождающие их враждебность друг к другу, неуверенность в себе и собственном социальном положении, в своем будущем, неудовлетворенность настоящим, отчуждение от социальной среды, что в целом крайне неблагоприятно сказывается на общественной нравственности.

Женщины наиболее остро чувствуют и переживают существующую напряженность, социальное неблагополучие, конфликтность и более восприимчивы и уязвимы. Именно на них лежат важные обязанности по обеспечению семьи продуктами питания и другими благами, воспитанию детей, уходу за ними, поэтому они остро реагируют на любые неблагоприятные процессы, угрожающие семье и особенно детям.

Именно по причине высокой социальной напряженности растет количество преступлений, особенно тех, которые совершаются в быту и общественных местах. Повседневностью стали конфликты, часть которых перерастают в убийства, нанесение телесных повреждений, хулиганство и другие преступные посягательства против личности. Эти конфликты всегда характеризуются взаимным неуважением, жесткостью, грубостью, неуступчивостью, цинизмом [4, 5, 6, 8].

Близость к преступности алкоголизма, наркомании и проституции очевид-

на. Всем известно, что алкоголики и наркоманы часто совершают преступления с целью приобретения спиртных напитков или наркотиков либо уголовно наказуемые действия в состоянии опьянения. Оказывать предупредительно-воспитательное воздействие на них, в том числе в местах лишения свободы, достаточно сложно.

Оценка состояния и динамики преступности, прогноз ее тенденций зависят от обобщенных данных о личности тех, кто совершает преступления, характеристики этих лиц по полу, возрасту, ведущим социально-ролевым свойствам, особенностям психологии [7, 9, 14, 15].

Среди социальных причин совершения женщинами преступлений выделяются следующие: более активное участие женщин в общественном производстве; ослабление главных социальных институтов; возросшая напряженность в обществе; рост числа антиобщественных явлений.

Указанные причины согласуются с данными о том, что более половины женщин к моменту совершения преступления не имели определенных занятий [6].

У значительной части женщин к моменту осуждения не было родителей (у 40% — матери, у 60% — отца). Но многие из них не имеют родственной поддержки не только из-за отсутствия родителей. Как показывают результаты исследований, которые провели А.М. Антонян, А.В. Датий, Р.М. Воронин, для преступников и преступниц характерно отсутствие доверительных связей с родителями, отчуждение от них, а для многих — отсутствие любой информации о родителях и родительского попечения вообще [1, 4, 5, 6].

По имеющимся данным, 25–30% осужденных к лишению свободы женщин имели различные психические аномалии. Чаще всего это алкоголизм, психопатии, олигофрении, органические поражения центральной нервной системы, последствия черепно-мозговых травм. Значительная часть (33,3%) этих лиц проходили судебно-психиатрическую экспертизу в период следствия, 7,7% госпитализировались в психиатрические стационары после привлечения к уголовной ответственности. Наибольшее распространение имеют психопатии и остаточные явления органических поражений головного мозга. «Аномальных» преступниц (за вычетом алкоголичек) несколько больше среди несовершеннолетних, а также тех, у кого были обнаружены венерические заболевания [2].

Проведенные исследования подтвердили, что наиболее многочисленную возрастную группу женщин в местах лишения свободы составляют лица в возрасте до 30 лет (около 48%). Разумеется, это наиболее общая картина, потому что среди их отдельных категорий соотношение различных возрастных групп может быть иным. Так, среди крупных расхитительниц и взяточниц преобладают лица среднего и старшего возраста, их больше и среди женщин-рецидивисток, например воровок из числа бродяг.

Женщины старше 30, и особенно 40 лет в большинстве случаев одиноки, что обусловлено распадом их супружеских связей и потерей родителей. Вместе с тем именно в этот период наблюдается наиболее широкое участие женщин в общественном производстве, растут их социальные контакты, а социальная

мобильность достигает максимального уровня [1].

Если в мужских колониях средний возраст осужденных составляет 25,9–33,7 года, то в женских колониях — 35,6 года. Это объясняется тем, что женщины позднее становятся на преступный путь, а правоохранительные органы чаще проявляют к ним гуманность и не лишают свободы за первое преступление (кроме наиболее серьезных), последующие преступления они совершают спустя определенное время, когда становятся старше.

Исследования показали, что наибольший удельный вес среди преступниц занимают те, кто имеет законченное среднее образование (свыше 40%). Немало лиц и со средним специальным образованием — почти каждая третья. Вместе с тем образование лиц, совершающих преступление, довольно существенно отличается от образования и уровня культуры законопослушных граждан, ведь многие из них получают образование именно в местах лишения свободы или утрачивают полученные знания из-за ведения длительного времени антиобщественного образа жизни [2].

В последнее время среди преступниц сравнительно высока доля лиц с высшим и средним специальным образованием, а также тех, кто имеет специальность. Это стало особенно заметно в 90-х годах, когда женщины с более высоким уровнем образования стали принимать активное участие в экономической деятельности. Наиболее высокую квалификацию имеют осужденные за тяжкие насильственные преступления, крупные хищения и взяточничество. Тем не менее до 40% указанных лиц к моменту совершения преступлений не име-

ли определенных занятий, причем в это число не входят домохозяйки.

Более половины женщин, совершающих преступление, были замужем. У тех из них, которые по приговору суда не были лишены свободы, семья, как правило, сохранилась, а у отбывающих наказание в местах лишения свободы — чаще всего распалась. По многим наблюдениям, мужчина быстро, иногда почти сразу после осуждения супруги, разрывает с ней связь. Приведем такие данные: семья в период пребывания в местах лишения свободы распалась у 11,9% мужчин, состоявших в браке, и у 23,5% — женщин, вступили в брак во время отбывания наказания 2,8% мужчин и 1,2% женщин.

По данным исследования Ю.М. Антоняна, 63,8% осужденных женщин ранее не наказывались в уголовном порядке. Лица, осужденные во второй раз, составляют 21,6%, в третий раз — 8,7%, в четвертый раз — 5,9% [1]. Интересно сопоставить сведения о количестве судимостей мужчин и женщин (по материалам специальной переписи осужденных 2009 г.). Здесь обнаруживается следующая тенденция: при небольшом количестве судимостей доля мужчин значительно превышает долю женщин, но в группах с большим количеством судимостей их удельные веса выравниваются [6].

Исследуя причины, порождающие женскую преступность, следует остановиться также на психологических особенностях женщины в различные периоды жизни. Учет возрастных изменений ее психологии для организации воспитательной и психологической работы с ней имеет большее значение, чем учет таких изменений у осужденных мужчин [7, 10].

Личность молодой женщины характеризуется, с одной стороны, большей, чем у мужчин ее возраста, социальной зрелостью, способностью более правильно воспринимать явления общественной жизни и критически оценивать свое поведение, с другой — более сильным влиянием стереотипов, сформировавшихся в предшествующий возрастной период.

В возрасте от 18 до 25 лет формирование личности женщины идет наиболее интенсивно. Особенно остро встает перед ней проблема осознания себя и своего будущего.

В возрасте 26–30 лет женщина еще сильнее начинает дорожить своим семейным благополучием. Выявляется тенденция стабилизации негативного или позитивного опыта, окончательно вырабатывается доминирующий стереотип поведения. В связи с этим становится понятным большее по сравнению с мужчинами значение возраста женщины, в котором она впервые совершила преступление, его характера, оценки его самой женщиной («в силу обстоятельств», «довели», «не могла больше терпеть пьянство мужа, угрожающее благополучию семьи», «жаль, что попала»).

В возрасте от 30 до 40 лет круг общения женщины расширяется, окончательно закрепляется ее профессиональная роль. Женщина-мать больше озабочена воспитанием и благополучием собственных детей, повышением их интеллектуального уровня и материально-го достатка.

В возрасте 40–55 лет углубляется специализация занятий, женщина приобретает устойчивое положение в жизни, которое является результатом

ее профессиональной деятельности. В этот же период в связи с уходом детей из семьи и появлением внуков несколько изменяется воспитательная функция. Происходит перестройка социальных ролей: одни доминируют, другие ослабляются. Изменяется и образ жизни, который становится более размеренным. Сужение круга знакомых ведет к усилению родственных чувств. Осужденные этого возраста чаще задумываются над итогами своей жизни, более самокритичны и реалистичны в оценках окружающей действительности, испытывают потребность в общении с близкими людьми, что находит отражение в переписке [7, 10, 11, 12, 13, 16].

Психологические исследования осужденных женщин показали, что в своей массе они не имеют качеств, которые существенно могли бы осложнить профилактику преступлений с их стороны, процесс их исправления и перевоспитания. По сравнению с преступниками-мужчинами им в меньшей степени присущи асоциальные установки, у них отсутствуют устойчивые преступные убеждения; социально-психологическая адаптация хотя и нарушена, но не имеет серьезных дефектов, за исключением профессиональных преступниц и лиц, социально дезадаптированных в связи с «бомжеванием», алкоголизмом, наркоманией, различными психическими аномалиями и расстройствами [10].

Женщинам-осужденным важны оценка их личности другими людьми и впечатление, которое они производят на окружающих. Многим свойственна такая черта, как демонстративность, что нередко сочетается со снижением контроля над поведением. Демонстратив-

ность, в том числе агрессивного характера, часто выполняет защитные функции и служит целям самоутверждения. Потребность в самоутверждении нередко становится у женщин-преступниц навязчивой, застревающей, существенно влияет на весь образ жизни и, как правило, не охватывается сознанием.

Характерные для женщин-преступниц стойкость и застреваемость аффективных, психотравмирующих переживаний и высокая импульсивность часто приводят к игнорированию или недостаточному учету всех необходимых обстоятельств, неадекватному восприятию и оценке возникающих жизненных ситуаций, плохому прогнозированию последствий своих поступков, спонтанности и необдуманности поведения.

В связи с совершением противоправных действий большинство женщин испытывают чувство вины, беспокойства, которое усиливается в период отбывания наказания. У них сильно повышена тревожность и отмечается эмоциональная ранимость.

Попадая в места лишения свободы, женщины привносят с собой уже сформированные прежней жизнью психологические аномалии, нередко способствовавшие совершению преступления. Так, подавляющему большинству преступниц, находящихся в местах лишения свободы, присущи тревожность, депрессия, страх, одиночество. В отличие от осужденных мужчин они проявляют сниженный интерес к общественно-политическим изменениям, происходящим в стране, однако более чувствительны к личностно значимым событиям и проявляют большую устойчивость, чем мужчины, к правилам внутреннего распорядка и требованиям, предъявля-

емым со стороны администрации исправительного учреждения.

Сравнительно недавно остро встала проблема отягощенности женщин различными нервно-психическими отклонениями. К ним относятся психопатия, алкоголизм, наркомания, слабоумие в форме дебильности, травматические поражения центральной нервной системы [10].

Наличие перечисленных психических аномалий снижает их сопротивляемость к различным стрессовым ситуациям, препятствует развитию социально одобряемых черт личности, особенно важных для безболезненного вхождения в постпенитенциарный период, ослабляет внутренний контроль поведения, что способствует совершению ими новых преступлений.

В местах лишения свободы осужденные женщины, имеющие отклонения в психическом развитии, особенно тяжело адаптируются к условиям исправительного учреждения. Они встречаются со специфическими трудностями, к преодолению которых часто бывают психологически не подготовлены. В результате у них нередко проявляются отрицательные психические состояния, характеризующиеся перевозбуждением либо чрезмерными тормозными реакциями. В таких состояниях осужденные женщины, особенно имеющие психические аномалии, неадекватно оценивают не только жизненные ситуации, но и свои поступки и могут неправильно реагировать на требования администрации.

Среди осужденных женщин чаще выявляются следующие психологические расстройства: отсутствие заинтересованности в своей судьбе, настороженность, сосредоточенность либо, на-

оборот, рассеянность, безнадежность, уныние, тоска, подавленность, тревожность перед будущим, усталость, бессилие, апатия (или чрезмерная возбужденность), нерешительность, робость либо, напротив, избыточная самоуверенность.

Отмечено, что надежда женщины на изменение своей судьбы препятствует проявлению отрицательных привычек и способствует смягчению неблагоприятных факторов, связанных с изоляцией от общества. Поэтому особенно тяжело переносится ими отсутствие эмоциональной поддержки со стороны семейного круга в связи с распадом семьи и утратой родственных связей.

Отвержение со стороны близких приглушает у женщины свойственное им чувство долга, ослабляет контроль за своим поведением. Она начинает считать себя неполноценной и никому не нужной. Данное обстоятельство заставляет ее искать любую эмоциональную поддержку и сочувствие окружающих, нередко крайне негативно настроенных к администрации исправительного учреждения.

Важное место в повседневной жизни осужденных женщин занимает ожидание предстоящего освобождения. Ослабление или утрата надежды на благополучное вхождение в жизнь на свободе ведет к ослаблению у них адаптивных способностей, значительно усложняет внутреннее освобождение от усвоенных функционально-ролевых поведенческих стереотипов «тюремной» среды, что отрицательно отражается на процессе ресоциализации.

Успешная ресоциализация многих освобожденных женщин затруднена не только потому, что распались их семейные связи. К сожалению, значительная

часть преступниц и до осуждения не имели постоянного жилья, так что им просто некуда возвращаться. Среди них основную массу составляют те, кто до взятия под стражу вел антиобщественный образ жизни, постоянно скитался, покинул родные места.

Сравнительный анализ механизмов психологической защиты осужденных женщин по сравнению с той же нормативной стандартизированной выборкой показывает, что они в большей степени используют механизм отрицания, посредством которого отрицается болезненное переживание, связанное с лишением свободы, то есть внутренняя важность переживания, а также некоторые аспекты структуры «Я», связанные с негативной самооценкой [3].

В значительно меньшей степени по сравнению с нормой используется механизм подавления, связанный, как известно, с произвольным исключением из сознания мыслей, чувств, желаний, влечений, причиняющих боль, вызывающих чувство стыда или вины. Осужденные женщины в местах лишения свободы реже используют этот психологический механизм защиты, который, следовательно, не препятствует тревожным переживаниям, однако с помощью отрицания обесценивает остроту и важность негативных эмоций.

Кроме того, в меньшей степени, чем в нормативной выборке, используется механизм замещения, связанный с перенесением раздражения, ненависти, гнева и других сильных эмоций на объекты, менее опасные для индивида.

В условиях лишения свободы подобные эмоции очень часто могут приводить к определенным санкциям со стороны как администрации, так и осужден-

Рис. 1

ных, в связи с чем психологический механизм замещения используется значительно реже, а подобные всплески эмоций чаще всего сглаживаются путем отрицания внутренней важности и нужности таких состояний.

Ведущим механизмом психологической защиты у осужденных женщин так же, как и у мужчин, является проекция, которая позволяет снять с себя переживание чувства вины и переложить ответственность за совершенное преступление на внешнее окружение (семью, подруг, школу, условия жизни). Однако в данной выборке соотношение между обвинением других и признанием собственной вины за преступление — обратное по сравнению с мужчинами (46 и 54%), то есть более половины осужденных женщин признают свою вину.

Осужденные женщины в значительной большей степени, чем мужчины, используют механизм защиты под назва-

нием «формирование реакции», или реактивное образование. Если у осужденных мужчин он менее других защит используется в процессе адаптации в местах лишения свободы, то у женщин этот механизм функционирует с большей интенсивностью и в структуре защит занимает не последнее место.

Поскольку реактивное образование в определенной мере связано с усвоением социально одобряемых ценностей, то даже подчеркнутое и чрезмерное стремление соответствовать общепринятым стандартам как результат реакции на запретные импульсы желания, влечения, поступки является свидетельством большей нравственной сохранности женщин в местах лишения свободы, чем осужденных мужчин [3] (рис. 1).

В заключение необходимо отметить, что после освобождения женщины попадают в прежние условия жизни, чаще всего крайне неблагоприятные. Особен-

но тяжелым может оказаться положение тех, кто освобожден из мест лишения свободы и не имеет жилья, в плане трудностей приобщения к труду и нормальному образу жизни. Как показывает практика, на работу их берут с большой неохотой, стараются трудоустроить на самые тяжелые, неквалифицированные производства. Объективные условия для трудовой занятости таких женщин достаточно неблагоприятны, поэтому процесс их ресоциализации достаточно сложен.

Литература

1. *Антонян Ю.М.* Преступность среди женщин. — М., 1992.
2. *Блэкборн Р.* Психология криминального поведения. — СПб.: Питер, 2004.
3. *Бовин Б.Г.* Социология и психология осужденных в местах лишения свободы: учеб. пособие. — М.: НИИ ФСИН России, 2005.
4. *Воронин Р.М., Датий А.В.* Некоторые особенности женщин-инвалидов, содержащихся в местах лишения свободы // Человек: преступление и наказание: науч. журн. / Академия ФСИН России. — 2013. — № 4. — С. 93.
5. *Воронин Р.М., Датий А.В., Юсуфов Р.Ш.* Уголовно-исполнительная характеристика ВИЧ-инфицированных осужденных женщин // Уголовно-исполнительное право: науч. журн. / Академия ФСИН России. — 2012. — № 2. — С. 79–80.
6. *Датий А.В.* Характеристика женщин, осужденных к лишению свободы (по материалам специальной переписи 2009 г.) // Прикладная юридическая психология. — 2013. — № 3. — С. 68–75.
7. *Датий А.В., Казберов П.Н.* Создание базовых (типовых) психокоррекционных программ для работы с осужденными // Прикладная юридическая психология. — 2011. — № 1. — С. 216–218.
8. *Датий А.В., Кармовский В.В., Макаревич З.Б.* Уголовно-исполнительная характеристика осужденных женщин, отбывающих наказание в исправительных учреждениях // Уголовно-исполнительное право: науч. журн. / Академия ФСИН России. — 2011. — № 1. — С. 43–45.
9. *Калинова И.Л.* Сравнительный анализ структуры межличностного общения осужденных женщин при наличии у них ситуативных и смертельно опасных заболеваний в контексте принятия ими медико-психологической помощи // Прикладная юридическая психология. — 2013. — № 3. — С. 82–88.
10. *Личность осужденного: социальная и психологическая работа с различными категориями: учеб.-метод. пособие.* — М.: НИИ ФСИН России, 2006.
11. *Сочивко Д.В.* Психодинамика гештальта открытой и скрытой агрессии в структуре личностного роста // Прикладная юридическая психология. — 2013. — № 3. — С. 35–41.
12. *Сочивко Д.В., Полянин Н.А., Голышева Ю.Н.* Мужской и женский путь духовности в местах лишения свободы // Прикладная юридическая психология. — 2012. — № 1. — С. 60–75.
13. *Сочивко Д.В., Чубич В.Э.* Психодинамика удовлетворенности жизнью и переживания счастья // Прикладная юридическая психология. — 2013. — № 3. — С. 59–68.
14. *Толстикова С.Н.* Роль коммуникативной толерантности в процессе становления личностной позиции в стратегии взаимодействия // Прикладная юридическая психология. — 2012. — № 1. — С. 86–94.
15. *Филиппов Р.А.* Особенности учета личности осужденного к лишению свободы в уголовно-исполнительном праве // Прикладная юридическая психология. — 2012. — № 4. — С. 131–136.
16. *Филиппова Ю.М.* Социально-психологические особенности личности осужденных женщин как субъекта преступления против половой неприкосновенности и половой свободы личности // Прикладная юридическая психология. — 2012. — № 2. — С. 73–79.

ЭМПИРИЧЕСКАЯ АПРОБАЦИЯ БАТАРЕИ МИКРОСТРУКТУРНЫХ ТЕСТОВ ДЛЯ ОЦЕНКИ КОГНИТИВНЫХ РЕСУРСОВ ПРОФЕССИОНАЛОВ

А. Б. Леонова, И. В. Блиникова, Т. А. Злоказова

Аннотация: В статье описывается новый диагностический инструмент, призванный оценить возможности профессионалов при обработке информационных потоков и принятии решений. Работа была выполнена при поддержке фонда РФФИ; грант № 11-06-00463-а.

Ключевые слова: психодиагностика, компьютеризированные методики, когнитивные ресурсы.

Summary: The article concerns a new diagnostic instrument which purpose is to assess professionals' potential in information streams processing and in solution making. This research was supported by Russian Foundation of Fundamental Research: project № 11-06-00463-a.

Keywords: psychodiagnostics, computerized methods, cognitive resources.

На протяжении последних десятилетий мы являемся свидетелями того, как профессиональная деятельность претерпевает качественные изменения. Работа специалистов разного профиля (независимо от того, являются ли они инженерами, журналистами, операторами атомных станций или сотрудниками правоохранительных органов) опосредуется информационными системами [2, 3, 7]. Все чаще успех зависит от возможностей быстрой переработки больших объемов информации, ее анализа и принятия решений [1]. В то же время пока отсутствуют качественные средства экспресс-оценки когнитивных ре-

сурсов*, которые можно было бы использовать не только на этапе предварительной диагностики когнитивных способностей профессионалов, но и непосредственно в процессе трудовой деятельности. Диагностические инструменты такого рода позволяли бы осуществлять мониторинг состояния работающего человека и потенциал выполнения им профессиональных задач. Подобная диагностика является необходимым звеном для раннего выявления состояний утомления и сбоев в работе операторов, без нее сложно установить тонкие градации их функциональных состояний, например выделить стадии компенсируемых и некомпенсируемых сдвигов [8]. Мы поставили задачу разработать комплексную методику оценки когнитивных ресурсов, пригодную для использования в различных ситуациях реальной деятельности с точки зрения их адекватности содержанию трудовых задач.

Теоретические основания

Для решения поставленной задачи в лаборатории психологии труда факультета психологии МГУ имени М.В. Ломоносова была разработана батарея диагностических методик микроструктурного типа, позволяющих оценить эффективность отдельных компонентов и уров-

* Под когнитивными ресурсами понимается система ментальных средств, определяющих качественные и количественные характеристики выполнения познавательных задач в текущий момент времени.

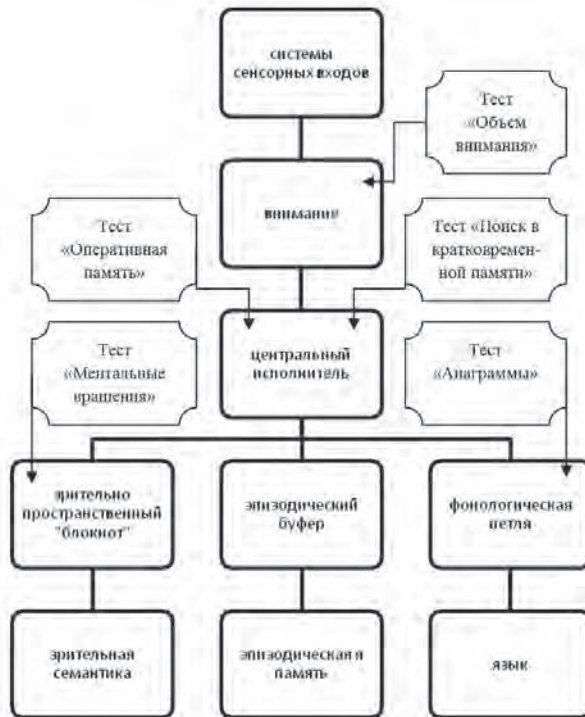

Рис. 1. Модель рабочей памяти по А. Бэддели как база для разработки диагностического комплекса

ней когнитивной переработки. В основу разработки диагностического комплекса методик была положена модель рабочей памяти Алана Бэддели [12] (рис. 1)*.

Рабочая память в данном подходе рассматривается как функциональное звено познавательной деятельности, обладающее ограниченной пропускной способностью. Именно от того, насколько эти ограничения серьезны, зависит решение когнитивных задач здесь

и сейчас, а следовательно, и то, насколько успешно человек поймет, проанализирует, трансформирует поступающую информацию, сделает выводы, примет необходимое решение и выберет адекватный ответ.

Ограничения рабочей памяти связаны с возможностью как хранения информации (мнемический компонент), так и осуществления когнитивных операций (операциональный компонент). Поступление информации в рабочую память контролируется благодаря attentionальным процессам (вниманию). Распределение ресурсов и управление различными процессами в рабочей памяти

* Первоначально структурная модель рабочей памяти была предложена в его работе с Грэхемом Хитчем [13], но затем получила дальнейшее развитие. Более подробно с теоретическими идеями Бэддели на русском языке можно ознакомиться в монографии Б.М. Величковского [6].

связаны с работой центрального исполнителя (процессора). Кроме того, в рабочей памяти выделяются две подструктуры, характеризующиеся разными способами информационной обработки — вербальной и зрительно-пространственной, которые каждая по-своему взаимодействуют со структурами долговременного хранения информации. Эпизодический буфер является накопителем информации, он связывает в единую цепь образную и вербальную ветви когнитивной обработки, создает события и формирует поведенческие ответы.

Неоднократно демонстрировалось, что компоненты рабочей памяти тесным образом связаны с функциональным состоянием человека, и их возможности изменяются под влиянием различных факторов, в частности дополнительных информационных и эмоциональных нагрузок [5, 8, 19].

Мы полагали, что диагностика доступных когнитивных ресурсов требует оценки всех компонентов рабочей памяти. Представлялось целесообразным с помощью создания специализированных методик детализировать знания о структурных изменениях на уровне тех звеньев системы переработки информации, которые в наибольшей степени подвержены неблагоприятным воздействиям. В связи с этим в разрабатываемый комплекс вошли следующие тесты: «Объем внимания», призванный диагностировать текущие возможности внимания, его распределения и устойчивости; «Оперативная память» и «Поиск в кратковременной памяти», позволяющие оценить характер взаимодействия процессуальных и мнемических компонентов рабочей памяти, «Ментальные вращения», ориентированный на про-

верку функциональных возможностей образно-пространственного блокнота и «Анаграммы», оценивающий фонологическую петлю. Дадим их более подробное описание.

Структура диагностического комплекса

«Объем внимания». Данная методика предназначена для количественной оценки показателей объема, распределения и временной устойчивости внимания по отношению к значимой зрительной стимуляции. Тест состоит в демонстрации на экране монитора последовательности матриц 3 x 3 с расположенными в случайном порядке стимулами. В каждой пробе испытуемый должен определить пространственное расположение стимулов и воспроизвести его с помощью цифровой клавиатуры. Диагностическими показателями являются число правильных ответов и быстрота ответов (время реакции) в соотношении с количеством стимулов и длиной их последовательности.

В качестве стимулов могут быть использованы точки или цифры. Временные параметры предъявления стимульного материала могут варьировать в широких пределах. В частности, время экспозиции матрицы стимулов можно задать от 50 до 600 мс с шагом в 50 мс. Существует два режима предъявления: в первом каждая следующая матрица в последовательности появляется на экране через заданный промежуток времени, независимо от того, ответил испытуемый или нет, во втором — через определенный интервал после нажатия клавиши «Ввод». Все параметры задают перед началом тестирования и по ходу тестирования не меняют [4].

«Оперативная память». Данная методика предназначена для оценки эффективности процессов запоминания и осуществления простых преобразований только что поступившей зрительной информации. Тестовая серия состоит из нескольких проб, количество которых может меняться. Испытуемому последовательно предъявляют 5 цифр, которые он должен сложить друг с другом, а затем воспроизвести полученные результаты (суммы). Диагностическими показателями служат число правильных ответов и время реакции (с учетом позиции ответа в серии предъявлений цифр).

Последовательность цифр формируется случайным образом из набора от 0 до 9 так, чтобы суммы последовательно предъявляемых цифр не превышали девяти. Цифры предъявляются на одном и том же месте, сменяя друг друга. После предъявления всей серии испытуемый должен ввести по порядку четыре полученных суммы. После последнего ответа через фиксированный интервал начинается предъявление следующей серии [5].

Все основные временные параметры предъявления информации в одной тестовой серии могут варьировать в определенных диапазонах: время экспозиции каждой цифры можно задать в пределах от 50 до 500 мс, а интерстимульный интервал — от 50 до 1000 мс.

«Поиск в кратковременной памяти». Тест был создан на основе методики опознания С. Стернберга. Он предназначен для оценки стратегий поиска информации, хранящейся в кратковременной памяти (последовательный исчерпывающийся поиск, последовательный самооканчивающийся поиск, параллельный поиск и смешанный тип выполнения). При прохождении данного теста испы-

туемый должен выполнить ряд проб, в каждой из которых ему предъявляют небольшую по объему (от 2 до 12) последовательность знаков, это могут быть цифры или буквы. Необходимо определить, присутствовал ли в этой последовательности предъявляемый отдельно тест-стимул. Этот элемент поиска выбирается из используемого набора стимульного материала, он с заданной вероятностью может присутствовать или не присутствовать в предъявляемой последовательности. Главным регистрируемым параметром является время реакции на положительные («да») и отрицательные («нет») ответы, соотношение которых в зависимости от количества предъявляемых элементов позволяет определить стратегию поиска информации в памяти. Оценка количества правильных и неправильных ответов выполняет контролирующую функцию [10].

Основные параметры предъявления стимульного материала так же, как и в предыдущих тестах, могут варьировать: время экспозиции каждого элемента в предъявляемой последовательности и тест-стимула — от 50 до 500 мс, а величина интерстимульного интервала между элементами последовательности — от 50 до 1500 мс. Помимо этого, можно менять количество проб в каждой серии и число самих серий.

«Ментальные вращения». Методика предназначена для оценки эффективности манипулирования зрительными образами предъявляемых по-разному ориентированных объектов. В качестве стимульного материала в данной методике используются сложные геометрические фигуры. Существует два набора: один состоит из двумерных фигур, которые напоминают используемые в исследова-

нии Л. Купера [15], второй — из трехмерных фигур, используемых в исследовании Р. Шепарда [20]. Испытуемому нужно выполнить определенное количество проб, в каждой из которых предъявляются пары фигур. Первая фигура каждой пары служит эталоном, а вторая — тестовым стимулом, который либо соответствует эталону в одной из возможных пространственных ориентаций, либо отличается от него своей конфигурацией. От испытуемого требуется установить, идентичны ли пары предъявленных фигур, и дать ответ — «да» или «нет». Выполнение такого сравнения осуществляется на базе операций мысленного вращения. В одном сеансе тестирования может предъявляться от 5 до 20 пар, близких по графике исполнения и уровню геометрической сложности. Время экспозиции каждой пары фигур может варьировать в пределах от 20 до 1000 мс [14].

«Анаграммы». Данная методика предназначена для оценки эффективности процессов обработки вербального материала в рабочей памяти с включением активного взаимодействия с долговременным семантическим хранением. Испытуемый должен из наборов букв составить осмысленные слова, ментально осуществляя перестановки букв. Для успешного выполнения необходимо полноценное кодирование и сохранение всей предъявленной информации, а также ее постоянные трансформации на основе операций проговаривания. Именно поэтому предположительно нагружается фонологическая петля.

В качестве стимульного материала используются сто бессмысленных четырехбуквенных наборов, из которых можно безальтернативным способом составить осмысленные слова. Половина

слов, заложенных в решение анаграмм, являются высокочастотными, а другая половина — низкочастотными. Последовательность предъявления анаграмм производится случайным образом, но с условием, что в ходе одного тестирования они не должны повторяться. Каждая анаграмма предъявляется отдельно и побуквенно. После последовательного предъявления четырех букв испытуемый должен ввести слово-ответ с помощью стандартной буквенной клавиатуры. Вводимые испытуемым ответы отображаются на экране, при этом он имеет возможность исправлять ошибки и вносить корректировки до тех пор, пока не подтвердит сделанный ответ нажатием кнопки «Ввод». Время экспозиции каждой буквы может варьировать от 50 до 200 мс, интерстимульный интервал между двумя буквами — от 50 до 1000 мс [17].

Использование описанного комплекса методик создает возможности для того, чтобы:

- расчленив операции, обеспечивающие удержание и обработку информации в рабочей памяти;
- определить роль активных преобразований образной информации, предъявляемой в зрительной форме и не требующей вербально-акустического кодирования;
- выделить разные уровни семантической обработки информации, представленной в вербальной форме и активизирующей процессы взаимодействия кратковременной и долговременной памяти;
- проследить изменения в структуре исполнительных действий, реализующихся на этапах подготовки ответа и непосредственно моторной реакции [8].

Отобранные методики были включены компьютеризированный пакет, содержащий следующие блоки:

1) регистрации пользователей, которая осуществляется через заполнение заданной таблицы, и определения возможностей доступа данной персоны к редактированию и результатам тестирования; при этом необходимо предусмотреть индивидуальную и групповую регистрацию;

2) входа в систему тестирования, который должен различаться для экспериментатора и испытуемого;

3) подготовки тестирования, дающий возможность экспериментатору создать батарею тестов, задать необходимые параметры тестов, входящих в батарею; назначить тестирование испытуемым;

4) тестирования, который предполагает запуск батареи тестов с заданными параметрами, предъявляющихся последовательно, с фиксацией результатов для каждого испытуемого и группы испытуемых;

5) результатов тестирования, который предусматривает сохранение результатов в отдельных файлах для каждого испытуемого и группы испытуемых (название файла включает в себя фамилию испытуемого и дату тестирования);

6) поддержки, включающий в себя справочную информацию возможностях системы тестирования, характеристиках тестов и т. д.;

7) выхода из системы.

Пакет методик обладает высокой гибкостью в применении. Психолог, использующий его, имеет возможность в зависимости от текущих целей выбирать именно те тесты, которые имеют наибольшую диагностическую ценность. Он

может произвольно выбирать наборы стимулов, режимы и временные параметры предъявления в имеющихся диапазонах, а также предусматривает возможность выполнения испытуемым небольшой тренировочной серии перед началом основного тестирования (по решению экспериментатора).

Разработка компьютеризированной батареи микроструктурных тестов полностью завершена и была апробирована в нескольких эмпирических исследованиях.

Эмпирическая апробация

Для эмпирического обоснования применения разработанного психодиагностического комплекса было проведено несколько экспериментальных серий (участвовало в общей сложности 80 студентов). Основной целью проведенных исследований было установить, можно ли использовать входящие в диагностический комплекс тесты для оценки ресурсов когнитивного выполнения. Предполагалось, что регистрируемые параметры тестовых методик будут меняться в зависимости как от ситуаций выполнения испытуемыми когнитивных задач, так и от индивидуальных особенностей испытуемых.

На первом этапе апробации были определены наиболее информативные параметры предъявления стимульного материала. В качестве методик использованы варианты описанных тестов со следующими параметрами предъявления стимульного материала: (1) тест «Объем внимания» — время экспозиции матрицы с частично заполненными фрагментами — 50 мс, интервал между пробами — 500 мс; (2) тест «Оперативная память» — время экспозиции циф-

ры в последовательности — 750 мс, интерстимульный интервал — 750 мс; (3) тест «Поиск в кратковременной памяти» — время экспозиции цифры или буквы в последовательности — 100 мс, интерстимульный интервал — 250 мс; (4) тест «Анаграммы» — время экспозиции буквы в последовательности — 100 мс, межстимульный интервал — 250 мс; (5) тест «Ментальные вращения» в варианте двумерных фигур — время одновременной экспозиции пары фигур — 750 мс, интервал между пробами — 500 мс.

В ходе проведения экспериментальных серий выполнение тестов в ситуациях ординарного выполнения сравнивалось выполнением их в ситуациях эмоционального напряжения, которое индуцировалось в форме «тестовой тревоги» [4]. Испытуемым говорили, что они участвуют в проверке интеллектуальных способностей, и результаты тестирования будут соотноситься с результатами других студентов и обсуждаться. Эмоциональное напряжение могло усиливаться введением негативной обратной связи (когда испытуемым после первых проб сообщали о том, что их результаты гораздо ниже средних по группе) и тайм-прессингом (когда испытуемым после первых проб говорили, что они выполняют тесты медленно, и включали электронный секундомер).

В качестве параметра индивидуальных различий было выбрано свойство стресс-резистентности*. Всех испытуемых разделили на две пример-

но равные группы с высокой и сниженной стресс-резистентностью, которая определялась с помощью ранее апробированной диагностической системы ИОСР («Индивидуальная оценка стресс-резистентности» [10]). Затем проводили сопоставление точностных и временных показателей исполнения когнитивных задач у подгрупп испытуемых с разным уровнем индивидуальной устойчивости к стрессу. Это позволило выделить качественные различия в стратегиях распределения внимания, хранения и переработки информации в разных подструктурах рабочей памяти и на разных уровнях организации когнитивных процессов, характерные для испытуемых со сниженной и повышенной стресс-резистентностью.

Параллельно с этим проведен комплексный анализ результатов встроенных замеров, направленный на оценку динамики субъективных переживаний эмоционального состояния, показателей вегетативного функционирования (по параметрам кардиоспектра) и индекса гормональной мобилизации (по содержанию кортизола в слюне), которые были соотнесены с параметрами и стратегиями когнитивного выполнения.

По данным встроенных замеров, проводимых в начале, середине и по окончании каждой экспериментальной сессии, оценивали сдвиги в рефлексивных оценках текущего состояния, а также показатели вегетативного статуса (спектральный анализ ЭКГ) и индекса концентрации кортизола в слюне. Результаты показали, что в начале эксперимента все испытуемые переживали высокий уровень стрессового напряжения, однако дальнейшая динамика по всему комплексу оцениваемых показателей суще-

* Под стресс-резистентностью (индивидуальной устойчивостью к стрессу) понимается интегративное качество человека, отражающее его способность осуществлять успешную деятельность в затрудненных или экстремальных условиях без отрицательных последствий для физического и психического здоровья [9, 18].

ственно различалась в подгруппах с разным уровнем индивидуальной устойчивости к стрессу.

У испытуемых с высокой стресс-резистентностью оставались стабильными характеристики выполнения когнитивных заданий (точность и скорость) на всем протяжении эксперимента без существенных признаков нарастания субъективного дискомфорта, вегетативного напряжения и симпато-парасимпатического дисбаланса в работе сердечно-сосудистой системы; содержание кортизола в слюне достоверно снижалось. Напротив, у испытуемых со сниженным уровнем стресс-резистентности наблюдалось значимое нарастание показателей эмоциональной, вегетативной и гормональной напряженности, которое сохранялось до конца эксперимента.

Что касается стратегий выполнения когнитивных заданий под влиянием эмоционально фрустрирующих воздействий, было обнаружено, что у испытуемых с высокой индивидуальной устойчивостью к стрессу доминировала сохранность эффективных стратегий параллельного распределения внимания и упорядоченного последовательного поиска и извлечения информации, ментальных вращений и составления анаграмм. В подгруппе испытуемых со сниженной стресс-резистентностью чаще наблюдался распад хорошо сформированных когнитивных стратегий на разных уровнях работы системы хранения и переработки информации, требующий привлечения дополнительных ресурсов сознательного контроля и затрудняющий доступ в долговременную память. Выявленные различия в динамике ответных реакций на стрессогенные фак-

торы у лиц с разным уровнем стресс-резистентности носят системный характер, что отражено в результатах дисперсионного, регрессионного и кластерного анализа [11], на основании применения которых обоснованы процедуры количественной и качественной интеграции разноуровневых показателей.

Эмпирическая верификация и оценка диагностической пригодности разработанной батареи микроструктурных тестов была проведена по результатам обследования представителей напряженных профессий, работающих в зоне ликвидации последствий аварии на Саяно-Шушенской ГЭС. К участию в исследовании были привлечены специалисты двух категорий, принимающие участие в проведении восстановительных работ и оказании помощи населению: а) операторы-гидроэнергетики; б) учителя и педагоги-психологи. Обследование лиц данных контингентов проводили на рабочих местах профессионалов независимо, но по единому плану. Оно включало в себя оценку уровня индивидуальной устойчивости к стрессу (по системе ИОСР) и две диагностические сессии (в начале и конце рабочего дня). В состав методического комплекса были включены: 1) определение концентрации кортизола в слюне, 2) замеры показателей деятельности сердечно-сосудистой системы (артериальное давление, ЧСС, расчет индекса Кердо), 3) выполнение двух когнитивных тестов микроструктурного типа («Объем внимания» и «Анаграммы»)*; 4) методики субъективной оценки эмоционального состояния.

* В данном случае две методики были выбраны для экономии времени тестирования, проводившегося на рабочих местах.

Группа операторов-гидроэнергетиков состояла из высококвалифицированных специалистов, выполняющих работы по восстановлению ГЭС ($n=21$). По данным системы ИОСР, они обладают достаточно высокой стресс-резистентностью и поэтому были разделены на две подгруппы — операторы с высоким и относительно высоким уровнем ИУС (соответственно 11 и 7 чел.). Несмотря на то что у всех обследованных операторов зафиксирован благополучный уровень индивидуальной устойчивости к стрессу, между выделенными подгруппами обнаружено большое число достоверных различий по всему комплексу диагностических показателей. В целом у лиц с несколько сниженным уровнем стресс-резистентности была выявлена меньшая эффективность задействованных механизмов адаптации к напряженным условиям труда. Для представителей этой подгруппы характерно наличие более выраженных признаков вегетативной мобилизации и эмоциональной напряженности уже в начале смены (по показателям АД, ситуативной тревоги, депрессии и дискомфорта состояния). Негативная динамика этих показателей усугубляется к концу рабочего дня и приобретает форму целостных паттернов неадекватного эмоционально-вегетативного реагирования на ситуацию (нарастание проявлений ситуативного гнева, депрессии и парасимпатического дисбаланса по индексу Кердо). Доказана взаимосвязь такого типа негативной динамики с деструкцией когнитивных стратегий обработки информации. Это касается прежде всего нарушений процессов параллельного распределения внимания и контроля за доступом к хранению семантической информации.

В группу учителей и педагогов-психологов ($n = 26$) входили специалисты, вовлеченные в процесс оказания помощи семьям пострадавших во время аварии на протяжении длительного времени. По данным предварительного тестирования, они были разделены на три подгруппы — лица с относительно высокой, умеренной и сниженной стресс-резистентностью (соответственно 11, 8 и 7 чел.). Достоверные различия в динамике проявлений стресса в течение напряженного рабочего дня в целом соответствуют результатам по группе операторов-гидроэнергетиков. Вместе с тем они выражены сильнее и охватывают более широкий спектр информативных показателей, так как отражают сдвиги в более масштабном диапазоне варьирования оценок уровня индивидуальной устойчивости к стрессу. Так, у педагогов с умеренной и сниженной стресс-резистентностью обнаружены значимые взаимосвязи между нарастанием показателей вегетативного дисбаланса и уровнем концентрации кортизола в слюне, что говорит об актуализации более «затратных» механизмов текущей адаптации. Это проявляется в нарастании негативных эмоциональных оценок текущего состояния (усилении признаков ситуативной депрессии и субъективного дискомфорта) и нарушениях упорядоченности когнитивных стратегий при выполнении тестов на распределение внимания и семантическое преобразование информации.

Заключение

Результаты эмпирической апробации диагностического комплекса подтвердили его высокую дифференцирующую чувствительность и экологическую

валидность. По материалам этих исследований уточнены формализованные процедуры анализа данных, необходимые для реконструкции и качественной интерпретации задействованных механизмов когнитивного выполнения в реальных условиях.

Полученные данные подтверждают различие эффективности выполнения и эффективности обработки в процессе выполнения задач, введенное Майклом Айзенком и его коллегами [16]. Это различие предполагает, что достигнутые в процессе решения результаты необходимо соотносить с процессуальными (в частности, временными) параметрами выполнения и затраченными усилиями. Мы полагаем, что связующим звеном между этими двумя компонентами эффективности являются применяемые стратегии выполнения.

На основе обобщения полученных экспериментальных данных был проведен анализ взаимосвязей между когнитивными стратегиями выполнения микроструктурных тестов, производными показателями типов вегетативного реагирования и диспозиционными личностными чертами. Например, относительно высокая степень личностной тревожности сопряжена с преобладанием стратегий последовательной обработки информации в тестах на распределение внимания и оперативную память, связанных с нарастанием показателей вегетативного напряжения и вариабельности сердечного ритма. Устойчивая склонность к агрессивным переживаниям, напротив, связана с сохранностью параллельных стратегий распределения внимания, но в то же время с распадом упорядоченных стратегий обработки информации в семантической памяти, сопровождающим-

ся генерализованным нарастанием индексов симпатической гипермобилизации. Эти и другие выявленные паттерны взаимосвязей между личностными диспозициями и специфичными формами актуализации когнитивных и физиологических ресурсов подтверждают вывод о различиях в когнитивно-аффективных механизмах регуляции деятельности в зависимости от индивидуальных особенностей человека.

Полученные данные и разработанные методики могут быть использованы как при отборе, так и при обучении специалистов для работы в условиях повышенной или нестабильной эмоциональной напряженности. Кроме того, созданный и полностью компьютеризированный методический комплекс является операциональной базой для анализа изменений во внутренних способах выполнения когнитивных задач, отражаемых в преобладании определенных позиционных эффектов, соотношении уровня выполнения разных методик и др. Выполненные нами и будущие исследования могут послужить основанием для дальнейшего развития данного класса психодиагностических средств.

Литература

1. Арестова О.Н. Искажения в мыслительной деятельности как результат мотивационного конфликта // Прикладная юридическая психология. — 2009. — № 1. — С. 86–98.
2. Блинникова И.В., Бочарова Е.П., Савченко Т.Н. Динамика эмоциональных состояний у операторов пульта централизованной охраны // Прикладная юридическая психология. — 2008. — № 1. — С. 98–107.
3. Блинникова И.В., Денисова Е.А. Влияние негативных психических состояний на использование когнитивных ресурсов // Прикладная юридическая психология. — 2012. — № 4. — С. 65–75.
4. Блинникова И.В., Капица М.С. Цена тревоги // Прикладная юридическая психология. — 2011. — № 1. — С. 62–72.

5. Блиnnикова И.В., Капица М.С., Леонова А.Б. Эффективность использования ресурсов рабочей памяти при возрастании эмоциональной напряженности в ситуации психологического тестирования // Познание в деятельности и общении: от теории к практике и эксперименту / под ред. В.А. Барбанщикова, В.Н. Носуленко, Е.С. Самойленко. — М.: Изд-во Ин-та психологии РАН, 2011. — С. 37–46.

6. Величковский Б.М. Когнитивная наука: Основы психологии познания: в 2 т. — М.: Смысл; Академия, 2006. — Т. 1.

7. Злоказова Т.А., Качина А.А., Осинкина О.Ю. Индивидуальная устойчивость к стрессу и регуляция профессиональной деятельности у оперативного персонала ГЭС // Психология совладающего поведения: материалы III Междунар. науч.-практ. конф. (Кострома, 26–28 сент. 2013 г.): в 2 т. — Кострома: Костром. ун-т им. Н.А. Некрасова, 2013. — Т. 2. — С. 236–237.

8. Леонова А.Б. Психологические средства оценки и регуляции функциональных состояний человека: дис. ... д-ра психол. наук. — М.: Моск. ун-т им. М.В. Ломоносова, 1988.

9. Леонова А.Б. Структурно-интегративный подход к анализу функциональных состояний человека // Вестн. Моск. ун-та. — Сер. 14: Психология. — 2007. — Т. 4. — № 1.

10. Леонова А.Б. Регуляторно-динамическая модель оценки индивидуальной стрессорезистентности // Актуальные проблемы психологии труда, инженерной психологии и эргономики / под ред. В.А. Бодрова, А.Л. Журавлева. — М.: Изд-во Ин-та психологии РАН, 2009. — Т. 1. — С. 268–289.

11. Савченко Т.Н. Математическая психология в гуманитарных исследованиях // Прикладная юридическая психология. — 2009. — № 4. — С. 55–62.

12. Baddeley A.D. Working memory: looking back and looking forward // Nature Reviews Neuroscience. — 2003. — V. 4. — P. 829–839.

13. Baddeley A.D., Hitch G. Working memory / ed G.H. Bower. The psychology of learning and motivation: Advances in research and theory. — New York: Academic Press, 1974. — V. 8. — Pp. 47–89.

14. Blinnikova I.V., Kapitsa M.S., Leonova A.B. Mental rotation task solving under the impact of test anxiety // Proceedings of 13th European Congress of Psychology (ECP-2013, 9–12 July 2013). — Stockholm, 2013.

15. Cooper L.A. Demonstration of a mental analog of an external rotation // Perception & Psychophysical. — 1976. — V. 19. — P. 296–302.

16. Derakshan N., Eysenck M.W. Working memory capacity in high trait anxious and repressor groups // Cognition and Emotion. — 1998. — V. 12. — P. 697–713.

17. Kapitsa M.S., Blinnikova I.V., Leonova A.B. Anagram task-solving in the condition on increasing emotional tension // International Journal of Psychology. — V. 47. — P. 209.

18. Leonova A.B. Functional Status and Regulatory processes in stress management // Operator functional state and deterioration / ed. by G.R.L. Hockey, A.W.K. Gaillard, O. Burov. — Amsterdam: IOS Press, 2003. — Pp. 36–52.

19. MacLeod C., Donnellan A.M. Individual differences in anxiety and the restriction of working memory capacity // Personality and Individual Differences. — 1993. — V. 15. — P. 163–173.

20. Shepard R.N., Metzler J. Mental rotation of three-dimensional objects // Science. — 1971. — V. 171. — Pp. 701–703.

ГЕНДЕРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ИНДИВИДУАЛЬНЫХ МОДЕЛЕЙ ЗДОРОВЬЯ*

Н. В. Яковлева

Аннотация: в статье представлены результаты гендерного исследования индивидуальных моделей здоровья, показаны отличия индивидуальных моделей здоровья мужчин и женщин на интрасистемном и интерсистемном уровнях.

Ключевые слова: гендер, витальная жизнедеятельность, индивидуальные модели здоровья.

Summary: This article presents the results of gender studies of individual models of health. It is shown that the individual models of health of men and women differ

* Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ №13-16-62001

on intrasistemnom and intersistemnom levels.

Keywords: *gender, vital life activity, the individual models of health.*

В связи с бурной динамикой развития современной цивилизации социальный контекст исследований здоровья становится особенно актуальным. Именно поэтому одним из наиболее востребованных подходов, позволяющих раскрыть причины различий в уровне здоровья и особенностях связанного с сохранением здоровья поведения людей, является гендерный подход [1, 2, 4, 5, 7, 9, 15]. Он обеспечивает полноту охвата в объяснении и прогнозировании как глобальных, так и локальных социальных процессов на уровне частного и единичного. Используя принципы гендерного подхода, можно приблизиться к действительно научному объяснению большого числа феноменов, связанных в различиями в здоровье мужчин и женщин России, таких как статистически более низкая продолжительность жизни мужчин, высокий уровень заболеваемости женщин, неблагоприятное состояние репродуктивного здоровья по сравнению с аналогичными показателями в большинстве стран мира [2, 3].

Чтобы использовать гендерную методологию в исследованиях здоровья, необходимо четко развести понятия «гендер» и «пол человека». Под биологическим полом человека понимается совокупность анатомических, физиологических, биохимических и генетических особенностей, отличающих мужской и женский организмы. Для идентификации и различения мужчины и женщины эти характеристики могут анализироваться как по отдельности, так и в комплексе. По мне-

нию Д.Д. Исаева, «одни половые различия являются взаимоисключающими, тогда как другие — количественными, допускающими многочисленные индивидуальные вариации» [4, с. 4]. Современная наука признает, что пол не дается человеку сразу и неизменно, а развивается постепенно на разных стадиях онтогенеза. Термин «гендер», иногда называемый социальным полом, отражает особенности мужчин и женщин, которые детерминированы социальной средой и культурой и, в свою очередь, обуславливают их различное поло-ролевое поведение. Исходя из такого понимания указанных терминов, биологический пол интегрирован в организменную детерминанту здоровья, а гендер более тесно взаимосвязан с факторами образа жизни и влияния среды.

Н.М. Римашевская указывает, что «гендер выступает как важный структурный детерминант здоровья, который, взаимодействуя с другими детерминантами... отражает материальное и символическое положение женщин и мужчин в социальной иерархии... определяет их жизнь» [2]. Понятие «гендер» является как функциональной, так и структурной категорией. Как функциональная категория он включает в себя обучение, вхождение в роль, овладение поведенческими действиями, соответствующими или не соответствующими определенному гендерному статусу. Одновременно гендер понимается как структура поведенческих моделей и, в первую очередь, структура господства и подчинения, структура сфер оплачиваемого и неоплачиваемого (домашнего) труда, а также традиционных сфер социального пространства — публичного (мужского) и частного (женского).

Традиционно отечественные гендерные исследования здоровья фокусировались на репродуктивной функции женщин и ее социальной репрезентации. Безусловно, роль женщины как матери и хранительницы семейного благополучия, ответственной за здоровье всей семьи, представляется базовой в процессе гендерной социализации по женскому типу. Однако это не исчерпывает диапазона различий в здоровьесбережении мужчин и женщин. В современных работах актуально и более продуктивно вести речь об изучении всех аспектов женского здоровья, а не только в связи с его репродуктивной функцией. Важно, в какой степени активно тот или иной человек принимает участие в построении своей гендерной идентичности (иными словами, «принимает» свой пол) и соответственно усваивает или не усваивает сложившиеся в культуре стереотипы о «мужественном» или «женственном» поведении [7, 9]. Примером таких стереотипов могут служить утверждения о том, что мужчины не жалуются на нездоровье, что им не нужно бояться риска, боли и увечий, тогда как женщине пристало быть более зависимой, склонной к недомоганиям и усталости, заботящейся о своем здоровье и здоровье членов семьи. Подобные узкие стереотипы часто настраивают исследователей на получение соответствующих им результатов, без психологического анализа механизмов поведения мужчин и женщин. Так, Э. Трепанер и М. Бушар установили, что женщины ценят свое здоровье в первую очередь потому, что могут быть полезны для других людей (детей, родителей, своей семьи), а мужчины — потому, что здоровье дает возможность по-

лучить работу и продвигаться дальше по карьерной лестнице [15].

Множество эмпирических данных о высоких карьерных устремлениях женщин и возрастающей роли мужчин в современной семье снижают качество анализа традиционных причин гендерных различий в здоровьесберегающей активности. Как справедливо отмечает Т.В. Рогачева, гендерные стереотипы в области здоровья могут быть различными: патриархальными, феминистскими и маскулинными [7]. Поведенческие стереотипы в области здоровья определяются типом гендерного контракта, содержание которого меняется в соответствии с изменениями социальных функций и модификациями социальных отношений мужчин и женщин, уровнем и образом жизни, общим состоянием здоровья и т. д. Для изучения здоровьесберегающего поведения в контексте данного подхода необходимо выходить за рамки социологического описания феномена, анализировать *психологические механизмы* реализации гендерных стереотипов здоровья. Именно так мы представляем современный гендерный подход к проблемам здоровьесбережения.

В качестве рабочего конструкта исследования предлагаем использовать понятие «витальная жизнедеятельность» и ее эмпирическую репрезентацию «индивидуальная модель здоровья» [10, 11, 13]. *Витальная жизнедеятельность* рассматривается нами как активность человека, направленная на ресурсное обеспечение оптимального уровня здоровья субъекта и на избежание несовместимых с жизнью ситуаций. Процессуальный и компонентный подходы к структуре витальной жизнедеятель-

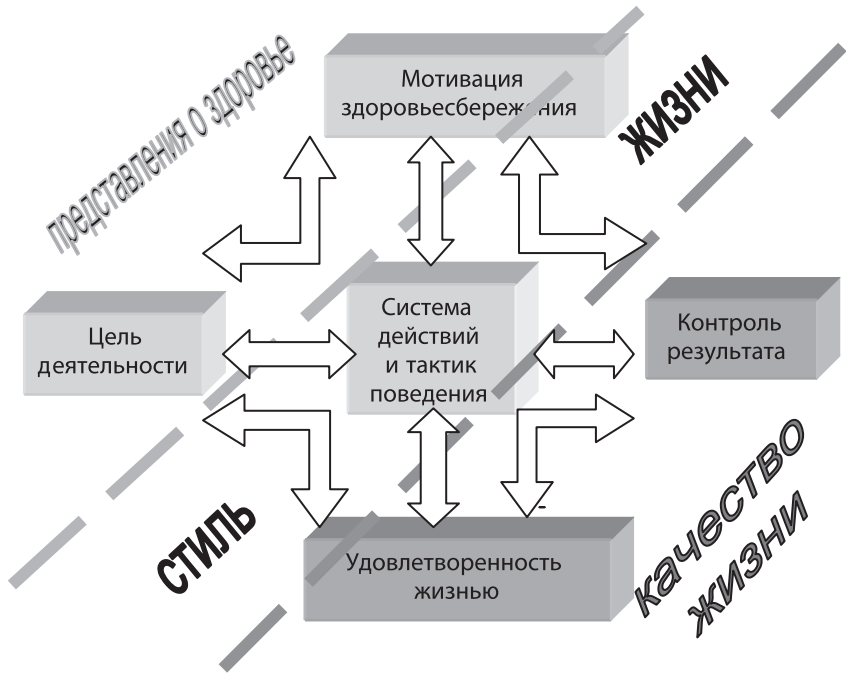

Рис. 1. Индивидуальная модель здоровья

ности объединяются в индивидуальную модель здоровья (рис. 1).

Индивидуальная модель здоровья — срезовая характеристика витальной жизнедеятельности субъекта, которая представляет собой субъектное целенаправленное освоение конкретной проблемной ситуации здоровьесбережения и определяется как сфера успешно выполняемых функций, обеспечивающая заданную результативность и удовлетворенность. В структуре индивидуальной модели здоровья в зависимости от роли и функций сегмента выделяют три уровня: интрасистемный, системообразующий и интерсистемный (табл. 1).

Анализ гендерных особенностей всех уровней индивидуальных моделей

здоровья являются **целью нашего исследования.**

Методика исследования. Был использован блок авторских методик, входящих в психодиагностический комплекс «Статус Пси»: структурированное интервью «Индивидуальные модели здоровья», методика незаконченных предложений (модифицированный вариант на тему отношения к здоровью), методика «Лицо здорового человека», методика ключевых пиктограмм (модифицированный вариант на тему отношения к здоровью), методика репертуарных решеток Дж. Келли (модифицированный вариант на тему отношения к здоровью), тест «Здоровьесберегающая деятельность» [14].

Таблица 1

Схема контекстуальной репрезентации модели здоровья

Уровень ИМЗ	Параметры
Интрасистемный уровень	Общая оценка состояния своего здоровья; Эталонные представления о параметрах здоровья; Оценочные шкалы текущего уровня здоровья
Системообразующий уровень	Генезис индивидуальной модели здоровья; Ценностно-смысловые характеристики здоровья; Смыслы здоровья и базовые жизненные установки
Интерсистемный уровень	Схемы действия в проблемных ситуациях жизнеобеспечения; Стратегии и тактики здоровьесбережения

Организация исследования. В целях изучения гендерных особенностей моделей здоровья было обследовано 245 человек, из них 130 женщин (53,1%), 115 мужчин (46,9%). Средний возраст по выборке составил $36,8 \pm 5,4$ года. 64,3% имели высшее и среднее специальное образование. 72,4% имели семью.

Результаты исследования представлены в виде обобщенной эмпирической модели здоровья мужчин и женщин, принимающих участие в исследовании.

Интрасистемный уровень модели здоровья. В исследовании самооценки

здоровья было выяснено, что примерно 16,7% опрошенных считают себя здоровыми при наличии тяжелых хронических заболеваний (9,5% — с выраженной клинической картиной) и 14,2% считают себя больными при отсутствии заболевания. Таким образом, самооценка здоровья не прямо связана с качеством текущего состояния здоровья, следовательно, знаковые системы «здоровье» и «болезнь» не образуют единой когнитивной шкалы. Здоровье — состояние, предполагающее не только отсутствие болезни. Верно и обратное: наличие болезни не исключает оценку своего состояния как здорового [10, 11, 12]. Анализ от-

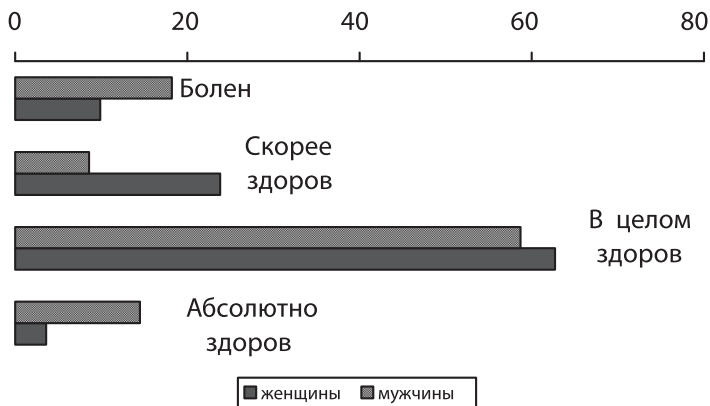

Рис. 2. Распределение ответов по самооценке здоровья, %

Таблица 2

**Оценка состояния здоровья женщинами и мужчинами
в исследовании состояния здоровья населения России 2011 года**

Категория оценки	Женщины, %	Мужчины, %
Оценка состояния своего здоровья		
Очень хорошее	2,3	4,4
Хорошее	30,9	40,3
Удовлетворительное	53,6	47,0
Плохое	11,8	7,4
Очень плохое	1,1	0,7
Затрудняюсь оценить	0,2	0,2

ветов мужской и женской выборки показал, что мужчины оценивают свое здоровье выше, чем женщины. Мужчины оценивают здоровье в крайних значениях предлагаемой шкалы, в то же время женщины, склонны выбирать средние значения (рис. 2).

Данные нашего исследования хорошо согласуются с данными других исследований [5, 8, 11, 15]. Так, при оценке состояния здоровья мужчин и женщин в ходе большого социально-гигиенического исследования состояния здоровья населения России [3] были

получены подобные результаты (табл. 2).

При исследовании критериев здоровья было получено более 200 характеристик, с помощью которых испытуемые описывают это состояние. Основные содержательные критерии: физический комфорт, положительный эмоциональный настрой, привлекательный внешний вид, высокая работоспособность, хорошая саморегуляция и здоровый образ жизни (табл. 3).

Анализ критериев показал, что при оценке собственного состояния здоровья для человека важную роль играют

Таблица 3

Содержательные критерии здоровья

№ п/п	Обобщающий признак	Типовые характеристики
1	Физический комфорт	Ничего не болит, хорошее самочувствие, ничего не беспокоит, нет болезненных ощущений
2	Положительный эмоциональный настрой	Хорошее настроение, радость, оптимизм, жизнерадостность, жизнелюбие
3	Высокая работоспособность	Энергичность, активность, хорошая работоспособность, малая утомляемость, выносливость
4	Высокий социально-психологический статус	Дружелюбие, привлекательность, открытость, общительность
5	Хорошая саморегуляция	Спокойствие, умение не застревать на проблеме, уравновешенность
6	Здоровьесберегающее поведение	Здоровый образ жизни, придерживается диеты, занимается спортом, нет вредных привычек

Таблица 4

**Частотное распределение содержательных критериев здоровья
у мужчин и женщин**

№ п/п	Обобщающий признак	Доля в женской выборке, %	Доля в мужской выборке, %
1	Физический комфорт	28,2	36,2
2	Положительный эмоциональный настрой*	24,4	9,2
3	Высокая работоспособность*	11,3	29,4
4	Высокий социально-психологический статус	17,3	14,3
5	Хорошая саморегуляция	5,5	8,1
6	«Здоровое» поведение*	13,8	2,8

Примечание: * отмечены шкалы, по которым отличия статистически значимы.

характеристики самочувствия и общей продуктивности деятельности («что я чувствую и чего достигаю»). При оценке состояния здоровья других — эмоциональные и социально-психологические характеристики («каково настроение и каков социально-психологический статус»). Демонстрация здорового образа жизни включена в оценочную модель собственного здоровья незначительно (1,8%), а при оценке состояния здоровья других людей это вообще незначимо (0,5%). Ведущий критерий категоризации своего состояния как здорового и у мужчин, и у женщин — физический комфорт, однако дополнительные признаки здоровья прочно связаны с полом. У мужчин типичный признак здоровья — «высокая работоспособность», у женщин — «ровное настроение и привлекательность».

Таким образом, женщины будут считать здоровым человека, если он привлекателен и демонстрирует хорошее настроение, мужчины — если он уважаем и успешно работает. Социально-перцептивные критерии здоровья опре-

делялись по методике «Лицо здорового человека». По результатам исследования выяснено, что испытуемые считают изображенных мужчин здоровыми в 1,7 раза чаще, чем женщин; людей 26–40 лет оценивают здоровыми в 2,2 раза чаще, чем более старших (41–55), и в 1,6 раза чаще, чем младших (17–25 лет). Следовательно, перцептивным этапом здоровья служит молодой мужчина, что отражает гендерные стереотипы современного общества. При определении здоровья важным критерием являлась диагностика коммуникативных качеств изображенного лица: чем более открытым, расположенным к общению выглядел человек, тем чаще ему приписывалось здоровье. Например, улыбающееся лицо в 91,4% случаев оценивалось как перцептивный критерий здорового человека. Если он при фотографировании смотрел прямо в камеру, его изображение гораздо чаще определялось как здоровое (63,8%). Как признак нездоровья интерпретировался взгляд в сторону (78,8%) и исподлобья (82,1%). При оценке женских образов

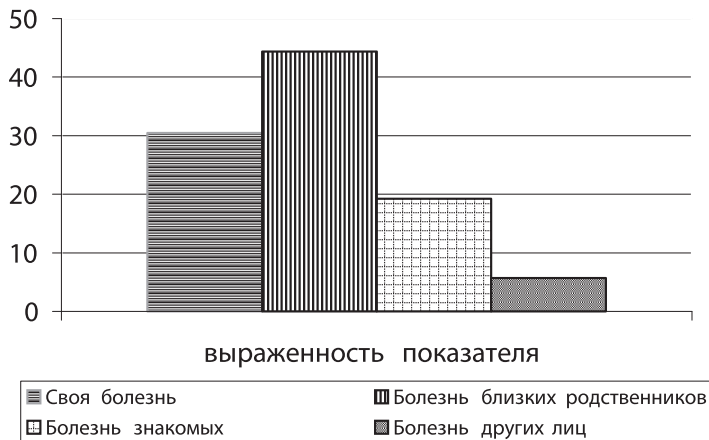

Рис. 3. Влияние ситуации болезни на отношение к здоровью

большое влияние оказывала «чистота изображения»: уровень света, контраста фотографии, наличия пятен и затемнений на лице. При анализе изображений мужчин эти признаки дифференцировали выборку в меньшей степени. В целом, исследование социально-перцептивных признаков здоровья согласуется с содержательными критериями здоровья, обнаруженными в ходе проведения структурированного интервью «Индивидуальная модель здоровья»: в знаковой системе здоровья ведущую роль играет социально-психологическая характеристика человека.

Системообразующий уровень модели здоровья. При исследовании генеза отношения к здоровью было выяснено, что смысловая реальность здоровья связана с функционированием таких механизмов смыслопорождения, как замыкание жизненных отношений, индукция смысла, идентификация с группой, имеющей данную смысловую ориентацию, инсайт, столкновение со смыс-

лом и полагание смысла как особая деятельность. При смыслопорождении в сфере здоровья различные механизмы чаще всего действуют синергично. Однако можно выделить в качестве ведущего механизма замыкание жизненных отношений. Иными словами, активное смыслообразование здоровья появляется при столкновении человека с жизненными ситуациями, в которых возникает значительное снижение уровня здоровья. Гораздо реже в генезе отношения к здоровью проявлялись такие механизмы смыслопорождения, как инсайт и полагание смысла (особая смыслообразующая деятельность). Почти половина обследованных (45,2%) отметили, что на их отношение к здоровью повлияли переживания по поводу тяжелой болезни. 30,5% испытуемых указали влияние на отношение к здоровью собственной болезни, 44,4% — болезни ближайших родственников; 19,2% — болезни знакомых; 5,7% — болезни других лиц (героев телевизионных программ, книг, пер-

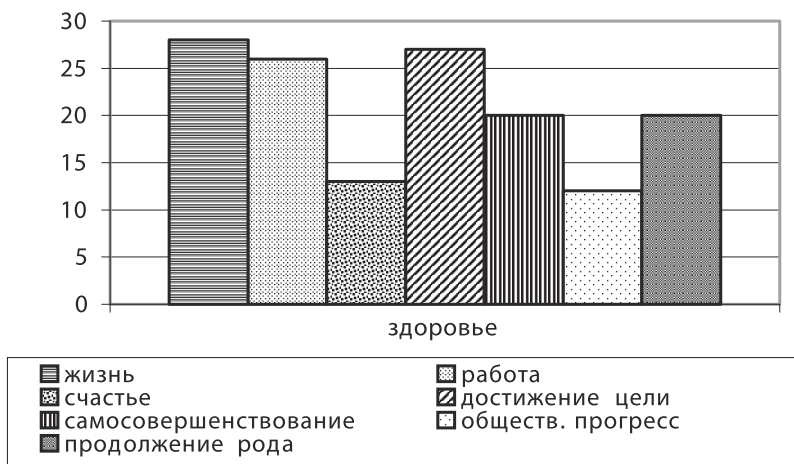

Рис. 4. Частотное распределение ценностно-смысловых характеристик

сонажей рассказов о незнакомых людях и т. д.). Выяснилось, что в общем случае на формирование отношения к здоровью влияет «история болезни семьи» (в сумме — 75,1 %) (рис. 3).

В женской выборке опыт переживаний по поводу болезни значительно влиял на их отношение к здоровью, чем в мужской (52,1 % против 32,3 %), но при этом у мужчин в половине случаев (48,2 %) — это опыт собственной болезни, в то время как у женщин большее влияние оказывают болезни других. Среди болезней, повлиявших на отношение к своему здоровью, чаще всего упоминается рак (40%). Сложность ранней симптоматической самодиагностики и тяжелые, часто трагические последствия делают эту болезнь тяжелым личностным испытанием для человека и окружающих его лиц. Затем в порядке снижения рейтинга следуют: травмы в результате аварий — 24,1%; инсульты и инфаркты — 15,7%; язва желудка — 8,2% и т. п. Завершают рейтинг острая зубная боль,

роды — по 1,3%. Анализ заболеваний, изменивших отношение к здоровью, показал, что наибольшее влияние в обеих выборках оказывают заболевания нервной и пищеварительной системы (37,8 и 36,9% соответственно). Большинство респондентов из женской и мужской выборок указали только эмоциональную реакцию на данные события: ответили, что стали «опасаться за свое здоровье», «бояться», «тревожиться за будущее», и лишь 17% указали, что стали «бережнее относиться к здоровью» (исключили что-либо из рациона питания, избавились от вредных привычек и т. п.). Мало кто указал (менее 3%), что после «изменяющего отношение к здоровью» события стал активно заниматься укреплением своего здоровья. Таким образом, почти у половины опрошенных был опыт переживания тяжелой болезни (своей либо окружающих), но максимум, что спровоцировал этот опыт, — пассивную, тревожно-фобическую реакцию на болезнь. В исследовании были

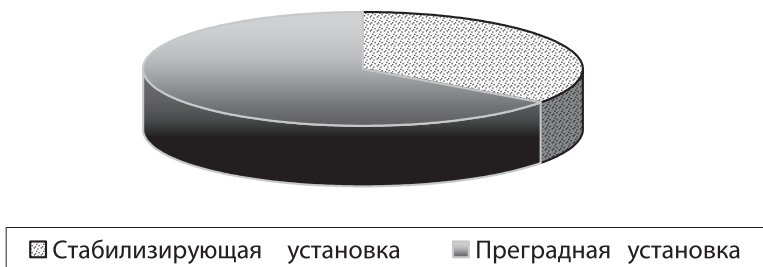

Рис. 5. Соотношение выявленных в исследовании смысловых установок

выявлены основные группы ценностно-смысловых характеристик, с которыми здоровье связано наиболее тесно: жизнь, продолжение рода (дети), достижение цели и др. (рис. 4).

В ценностно-смысловых приоритетах здоровья мужчины и женщины расходятся. Женская выборка в сравнении с мужской достоверно отличается высокой выраженностью факторов продолжения рода и самосовершенствования, низкой выраженностью факторов счастья и жизни. Значит, для женщин более характерно инструментальное отношение к здоровью. В то же время здоровье для мужчин чаще соотносится с терминальными ценностями. Факторный анализ показателей смысловой сферы позволил выделить два ведущих фактора, определяющих качество смысловой регуляции здоровья. Первый фактор (вес = 0,68561) — здоровьеосознание — особая характеристика жизни (оценка своего здоровья, отношение к здоровью, генез его формирования, ценность здоровья в структуре ценностей и т. д.). Второй фактор (вес = 0,34672) — здоровьесбережение как направленность на здоровый образ жизни (самоактуализация, мотивация здорового поведения, осведомленность о способах укрепления здоровья). В гендерных выборках пропор-

ция веса этих факторов практически не изменяется. И в женской, и в мужской исследуемых группах здоровьеосознание значительно преобладает над здоровьесбережением.

В целом, гендерных различий моделей здоровья на системообразующем уровне не очень много. Системообразующий уровень модели больше детерминирован личностными особенностями, чем спецификой гендера.

Интерсистемный уровень модели здоровья. Целевая репрезентация здоровьесберегающей деятельности может быть различной: перестать испытывать боль, изменить вес, стать бодрее, бросить курить, заняться спортом и т. д. Цели определяются системообразующим уровнем модели здоровья и зависят от специфики воздействия смысловой установки. По Д.А. Леонтьеву смысловая установка может быть стабилизирующей, преградной, отклоняющей или дезорганизующей [6]. В нашем исследовании было выявлено два ведущих вида установки здоровьесбережения: стабилизирующая (34,8%) и преградная (65,2%) (рис. 5).

Стабилизирующая установка — это ориентация на поддержание и укрепление здоровья, готовность к активным действиям в данном направлении.

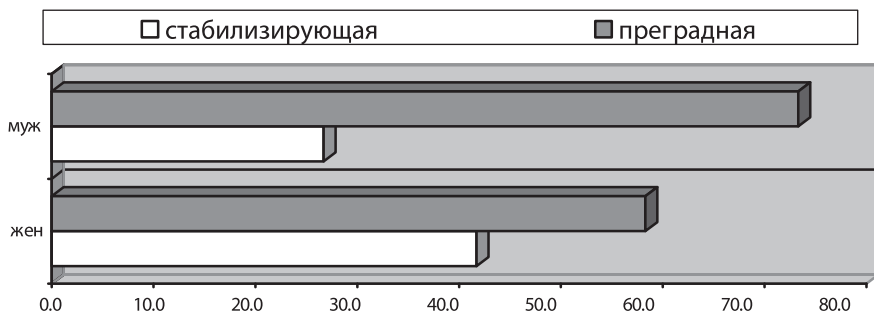

Рис. 6. Соотношение стабилизирующей и преградной установок в женской и мужской выборках

Стабилизирующая установка проявлялась как общая ориентация на здоровый образ жизни: «желание укрепить здоровье», «делать все, что нужно, чтобы остаться здоровым», так и частные устремления: «соблюдать диету», «заниматься аэробикой», «бросить курить», «развить спокойное отношение к жизни» и т. д. *Преградная установка* — это оценка недостаточности собственных ресурсов здоровья для достижения какой-либо цели. Уровень здоровья становится преградой на пути достижения цели. Преградное влияние может проявляться в уходе от деятельности или ограничении ее масштаба. Типичные проявления преградной установки, выявленные при исследовании: «не позволяет мне осуществить свою мечту; если бы мог, я бы... активнее занялся спортом... учился на двух факультетах... вел веселый образ жизни... лучше успевал... большего добился в жизни...».

Итак, здоровьесбережение чаще осуществляется как торможение других видов активности, чем самостоятельная целенаправленная деятельность. Преградные смысловые установки, характеризующие качество здоровьесбережения, наблюдались в обеих выборках. И у

женщин, и у мужчин преградная смысловая установка явно преобладала (рис. 6).

Набор тактик и способов здоровьесберегающего поведения невелик и сводится к популярному набору гигиенических правил. Наиболее часто встречающиеся в ответах варианты оздоровления связаны с приемом лекарственных средств, отказом от вредных привычек, избирательностью в пище, ритмичностью и продолжительностью сна, системой физических упражнений. Объем информации о способах укрепления и сохранения здоровья у женщин значительно выше, но представления о здоровом образе жизни эклектичнее. Женщины в большей степени доверяют лекарственным препаратам и биологически активным добавкам (БАДам), чем мужчины. Было выявлено, что в индивидуальных стратегиях здоровьесбережения женщин чаще присутствуют противоречивые тактики поведения, например прием БАДов и курение; ограничения в пище и игнорирование ритмичности сна и т. д. Мужчины обладают меньшим объемом информации о способах здоровьесбережения. Они более склонны к комплексным стратегиям здоровьесбережения, например считают не-

обходимым бросить курить и заняться спортом. Занятия спортом — стереотипные мужские представления о базовой форме. В исследовании было выяснено, что и мужчины, и женщины в большей мере склонны к реактивному управлению (85,5%) как стилю здоровьесберегающей деятельности, суть которого в элиминации факторов риска заболеть или погибнуть. Опережающее управление (14,5%), связанное с созданием среды, в которой факторы риска не могли бы возникнуть, свойственно обследуемым гораздо в меньшей степени. Достоверных гендерных различий в стилях здоровьесбережения не было выявлено. Стилевые особенности здоровьесбережения рассмотрены на примере отказа от курения. Для обследованных мужчин и женщин характерно выделять один способ здоровьесбережения в качестве оптимального и пытаться следовать ему.

Анализ результатов исследования позволил сделать следующие выводы:

1. Гендерная идентичность значительно влияет на здоровьесберегающее поведение и витальную жизнедеятельность субъекта в целом.

2. Качество влияния гендера на структуру индивидуальных моделей здоровья неоднородно.

3. В эмпирических моделях здоровья мужчин и женщин существуют различия, которые в большей степени сконцентрированы на интрасистемном и интерсистемном уровнях. «Какое состояние оценивать как здоровое? Как его формировать?» — ответы на эти вопросы зависят от гендерной идентичности человека и связаны с усвоением и реализацией актуального социального гендерного контракта.

4. Системообразующий уровень моделей здоровья детерминирован базовыми личностными диспозициями. Ответ на вопрос: «Насколько я нуждаюсь в здоровье?» — в достаточной степени свободен от гендера. Таким образом, социальные гендерные стереотипы воздействуют на критериальное содержание модели здоровья и тактики ее реализации, но практически не влияют на качество ее интеграции в общую структуру личности.

Литература

1. Датиц А.В. Характеристики женщин, осужденных к лишению свободы (по материалам специальной переписи 2009 г.) // Прикладная юридическая психология. — 2013. — № 3. — С. 68–75.

2. Здоровье и здравоохранение в гендерном измерении / под общ. ред. Н.И. Римашевской. — М.: Социальный проект, 2007. — 240 с.

3. Здравоохранение в России. 2011: стат. сб. — М.: Росстат, 2011. — 326 с.

4. Исаев Д.Д. Психологическое понимание и измерение пола: учеб. пособие. — СПб.: Изд-во Санкт-Петербург. ГПУ, 2012. — 52 с.

5. Калинова И.Л. Сравнительный анализ структуры межличностного общения осужденных женщин при наличии у них ситуативных и смертельно опасных заболеваний в контексте принятия медико-психологической помощи // Прикладная юридическая психология. — 2013. — № 3. — С. 82–88.

6. Леонтьев Д.А. Психология смысла: природа, строение и динамика смысловой реальности. — М.: Смысл, 2003. — 487 с.

7. Рогачева Т.В. Мужские и женские стереотипы отношения к здоровью в современной России [Электронный документ] // Медицинская психология в России. — 2010. — № 4 (5).

8. Савченко Т.Н. Методология исследования субъективного качества жизни // Прикладная юридическая психология. — 2010. — № 4. — С. 23–36.

9. Сочивко Д.В., Полянин Н.А., Голышева Ю.А. Мужской и женский путь духовности в местах лишения свободы // Прикладная юридическая психология. — 2012. — № 1. — С. 60–74.

10. Яковлева Н.В. Витальная метакомпетентность личности. Теория и практика психологических исследований здоровья. — Рязань, 2012. — 385 с.

11. Яковлева Н.В. Особенности индивидуальных моделей здоровья подростков, склонных к асоциальному поведению // Прикладная юридическая

психология. — 2012. — № 4. — С. 89–106.

12. Яковлева Н.В. Коррекция индивидуальных моделей здоровья как коррекция асоциального поведения подростков // Прикладная юридическая психология. — 2012. — № 3. — С. 115–126.

13. Яковлева Н.В. Метажизнедеятельность: опыт применения метасистемного подхода к анализу

жизнедеятельности человека // Прикладная юридическая психология. — 2011. — № 2. — С. 18–22.

14. Яковлева Н.В. Психодиагностический комплекс «Статус Пси»: метод. пособие. — Рязань, 2012. — 135 с.

15. Gender equity in quality of health care: towards a practical assessment and training tools. — PAHO, Washington, 1997.

ОСОБЕННОСТИ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ РАБОТЫ С ОСУЖДЕННЫМИ ЗА ТЕРРОРИСТИЧЕСКУЮ И ЭКСТРЕМИСТСКУЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

П. Н. Казберов

Аннотация: в статье рассматриваются обобщенные психологические характеристики такой категории, как осужденные за террористическую и экстремистскую деятельность. Посредством анализа этих характеристик и аспектов практической работы психологов с этими лицами раскрываются особенности, которые позволяют придать этой работе необходимый адресный характер.

Ключевые слова: осужденные, психологическая работа, террористическая деятельность, экстремистская деятельность, психодиагностические данные, отношение к наказанию, проективные методы психологического обследования, рабочие гипотезы, психотравмирующие ситуации, внутренние ресурсы, жизненный опыт, временная перспектива, позитивное будущее.

Summary: The article considers psychological characteristics of a generalized category of convicts as convicted terrorist and extremist activity. Through the analysis of these characteristics and practical aspects of the work of psychologists with this group of convicts reveal those

features which allow to give this work the necessary targeted.

Keywords: prisoners, psychological work, the terrorist activities of extremist activity, psycho-diagnostic data relevant to sentence, projective techniques of psychological examination, working hypotheses traumatic situations, internal resources, experience, time perspective, a positive future.

О том, что для предотвращения экстремистских проявлений в обществе в целом необходимо выработать комплекс мероприятий, который включал бы различные меры, в том числе и психологического характера, написано немало [1, с. 36]. Разрушительные тенденции в нравственной сфере, системе социальных норм, правил, этических принципов, аморальное поведение, распространение ценностей криминальной субкультуры обуславливают аномию, рост криминализации общества [2, с. 103].

Проведенные ранее исследования показывают, что «для некоторых групп террористов терроризм — это нормаль-

ный ответ на то, что они считают несправедливым в мире» [3, с. 134].

Изучение особенностей психологической работы с осужденными за террористическую и экстремистскую деятельность позволило определить ряд ее наиболее актуальных проблем.

Сравнительный анализ социально-демографических и психодиагностических данных осужденных за террористическую и экстремистскую деятельность даже с относительно однородной группой осужденных за насильственные действия в отношении сотрудников ОВД (в основном ст. 318 УК РФ) показал яркую специфичность первой группы.

Автор статьи соглашается с мнением В.А. Соснина о том, что «необходимо рассматривать не индивидуальные, а социальные характеристики, дающие рост терроризму, чтобы понять этот феномен» [3, с. 135]. Специфичность этой группы осужденных определяет как необходимость адресной работы психолога с ней, так и проблематичность такой работы.

Особенности социально-демографических характеристик осужденных за экстремистскую деятельность можно кратко представить следующим образом.

Во-первых, при практически одинаковом среднем возрасте (33–35 лет) осужденные за экстремистскую деятельность в целом уступают другим осужденным в уровне образования, наличии профессии. Однако они более благополучны в семейном отношении, менее подвержены влиянию алкоголя и наркотиков, преступления совершали в трезвом состоянии. В прошлом в подавляющем большинстве случаев не име-

ли проблем с законом, воспитывались в полноценных семьях.

Во-вторых, гораздо чаще осужденные за экстремистскую деятельность относятся к наказанию как к абсолютно несправедливому, реже хотят в будущем воспользоваться условно-досрочным освобождением, менее склонны считать виноватыми себя, хотя соглашались, что были обмануты («виновата собственная дурость»).

В-третьих, из причин, способствовавших преступлению, корыстные мотивы в группе осужденных за экстремистскую деятельность назывались гораздо реже, чем в группах других осужденных. Подтверждена точка зрения о том, что «в качестве причин, инициирующих террористическую деятельность, называют конфессиональные, национально-этнические, политические, экономические и исторические» [4, с. 37].

В основу материалов статьи положены полученный эмпирический материал и впечатления от посещения исправительных учреждений ряда территориальных органов ФСИН России со строгим и общим режимом, в которых содержатся осужденные за экстремистскую и террористическую деятельность. Исследователь проблемы терроризма В.А. Соснин справедливо отмечает, что до тех пор, пока мы будем смотреть на мир глазами гражданского общества и мирных жертв терроризма, служб безопасности, понять до конца проблему терроризма будет невозможно [3, с. 135].

Непосредственная работа с этими осужденными включала в себя беседу, наблюдение, применение проективных методов психологического обследования, изучение и анализ материалов судебных приговоров, экспертную оценку

специалистов-психологов учреждения с сопоставлением имеющихся у них результатов и обмена мнениями относительно каждого осужденного, относящегося к указанной категории, корреляционного анализа с ранее полученными из различных регионов результатами анкет-опросников.

В исправительных учреждениях строгого режима, как правило, отбывают наказание осужденные данной категории с длительными сроками лишения свободы, совершившие тяжкие преступления, диверсионные акты или занимающие достаточно высокое положение в незаконных вооруженных формированиях.

На обычном режиме находятся осужденные с относительно небольшими сроками отбывания наказания. Они, как правило, состояли в незаконных вооруженных формированиях, но непосредственно не участвовали в боевых операциях.

Приезд в исправительное учреждение предваряло доведение до его руководства целей и задач предстоящего исследования, обсуждение организационных вопросов. От специалистов-психологов учреждений была затребована необходимая, но не нарушающая принципы конфиденциальности информация психологического характера на каждого представляющего интерес осужденного.

До начала исследований со специалистами-психологами каждого из учреждений были обсуждены представленные нами методические разработки диагностического и коррекционного характера, предполагаемые для использования в практической работе с указанным контингентом осужденных. Одновременно выяснялись проблем-

ные вопросы, которые нередко возникали у психологов учреждений при работе с этими лицами. В ходе исследования получаемые результаты совместно оценивались и вносились необходимые коррективы в проведение как диагностических, так и психокоррекционных процедур. В конце проведения исследования полученные результаты были обсуждены и получили экспертную оценку психологов каждого учреждения.

В процессе исследования преимущественно были использованы проективные психодиагностические методики, что позволило максимально устранить ожидаемую установку осужденных на дачу социально желаемых ответов, снижающих научную ценность информации, получаемой при использовании стандартных опросников и тестов. К тому же известно, что «эти методы не учитывают негативного влияния на личность современной культурно-исторической специфики, которая выражается в этнокультурной « мозаичности », неоднородности ментальности общества» [2 с. 104]. Эта тенденция была подтверждена результатами проведенного ранее анкетирования.

Использование проективных методик было обосновано также тем, что они в большей степени, чем текстовые диагностические опросники, способствуют преодолению языкового барьера, более охотно воспринимаются обследуемыми, меньше утомляют, чем, например, MMPI с его более чем 500 вопросами, не позволяют предугадывать трактовки ответов и т. д.

При подготовке диагностического материала были максимально предусмотрены особенности предстоящего к исследованию контингента, он носил

сугубо целевой, узкий характер и предусматривал не только выявление новых результатов, но и подтверждение выдвинутых ранее рабочих гипотез.

Главным недостатком проективных методов обследования является необходимость высокой квалификации специалиста, проводящего обследование, но предварительная организационная работа и результаты обсуждения с психологами исправительных учреждений методического материала показали, что практические специалисты в достаточной мере знакомы с проективными тестами техниками и нередко самостоятельно применяют их в практике.

Для проведения психокоррекционных мероприятий в отношении изучаемого контингента предложены техники, основанные на нейролингвистическом программировании. Их особенностью является то, что максимальное соответствие психологическим ожиданиям и потребностям (стремление снять внутреннее напряжение, фрустрацию, получить возможность высказаться и поделиться сомнениями и имеющимися переживаниями в безопасной для себя форме, самостоятельно просмотреть возможные для себя варианты поведения в будущем и оценить свои внутренние ресурсы) изучаемого контингента, поставленным задачам и даже прогнозируемым результатам. В рассматриваемом контексте даже диагностические процедуры, в том числе беседа, играют психокоррекционную роль, в связи с чем стимулируется интерес осужденного к работе с применяемыми техниками и степень необходимых доверительных отношений (осужденный сам выбирает их уровень, без принудительного воздействия извне и не опасается «последствий»).

Предупреждение: психолог, работающий с указанным контингентом в рамках представленных нами для апробации психодиагностических и психокоррекционных программ, должен четко представлять поставленные задачи и цели. Ему не следует заострять внимание на составе преступления и что-либо «выявлять» или «разоблачать». Это уже сделали следствие и суд, в исправительном учреждении для этого есть соответствующие службы со своими методами работы.

Психолог в первую очередь должен помочь осужденному:

- разобраться со своими внутренними психологическими проблемами. При свойственном современности изменении традиционных ценностей человек может оказаться в ситуации, когда несколько ценностей приходят в противоречие друг с другом [5, с. 117];
- найти безопасный выход из психотравмирующих ситуаций и последствий возможного посттравматического стрессового синдрома;
- определить внутренние ресурсы, позволяющие пересмотреть свое отношение к прежнему жизненному опыту и мировоззрению в целях адаптации к условиям и режиму отбывания наказания и законопослушному образу жизни после освобождения.

Предложенные программы позволяют осужденному самому найти ответ на актуальные для него вопросы психологического характера, при этом роль психолога лишь направляющая и, при необходимости, разъясняющая, но не директивная и не поучающая. Психологические техники не трудоемки и не сложны в освоении при любой квалификации психолога. Важно лишь стремление

к практической работе и адекватные навыки общения с людьми.

При первичном испытании предлагаемых методов работы с осужденными, отбывающими наказание за террористическую и экстремистскую деятельность, выявлено следующее.

1. Осужденные из числа рассматриваемого контингента не обнаруживают значимых тенденций к избеганию работы с психологом. Тем не менее, несмотря на внешне демонстрируемое большинством из них спокойствие, безразличие и даже «независимость», в беседе практически с каждым из них чувствуется их напряженность, настороженность, подозрительность. Это проявляется в осторожности при подборе фраз, паузах, уточнениях вопросов, внешних визуальных маркерах (напряженная поза, бегающий взгляд, стиснутые кулаки и т. д.).

2. На вопросы, напрямую касающиеся преступной деятельности (например, «За что посадили?») осужденные рассматриваемой категории отвечают неохотно, уклончиво: «Все написано в уголовном деле», «Не знаю», «За то, что носил бороду» и т. д. Однако после установления более доверительных отношений некоторые из них осужденных сами возвращаются к болезненной для них теме и иногда делятся своими переживаниями, спрашивают профессионального совета.

3. На вопросы, связанные с будущим, как правило, большинство отвечать не готово и затрудняется. Однако прослеживается отчетливая тенденция нежелания возвращаться на прежнее место жительства после освобождения, хотя с ближайшими родственниками, в отличие от других осужденных, у

них отношения сохранены на более высоком уровне.

4. Обращает на себя внимание более низкий уровень правовых знаний этих лиц по сравнению с осужденными других категорий. Наблюдается ситуация, уже подмеченная ранее исследователями, когда взаимосвязь «моральной статистики» и агрессии определяется именно социальными факторами, которые, в свою очередь, провоцируют явление аномии [5, с. 119].

Практическим психологам на основании анализа сделанных наблюдений и результатов первичных испытаний предлагаемых психологических программ работы с осужденными, отбывающими наказание за террористическую и экстремистскую деятельность, рекомендовано следующее.

1. Проводить работу с указанным контингентом исключительно в гражданской одежде. Военизированная форма, тем более камуфляж отрицательно влияет на создание необходимых для работы доверительных отношений, рождает напряженность в самом начале беседы. Требование некоторых руководителей учреждений к психологам — постоянно, в том числе при работе с осужденными данной категории, находиться в повседневной форме одежды — объясняется их «психологической» безграмотностью и отсутствием здравого смысла.

2. С осужденными-мужчинами, отбывающими наказание за террористическую и экстремистскую деятельность, особенно с представителями разных этнических групп (Северный Кавказ, Тува и т. д.), психокоррекционную работу лучше проводить психологам-мужчинам и желательно более старшего возраста, с осужденными-женщинами —

психологам-женщинам. Необходимо понять, что же в действительности движет этими людьми, что заставляет их рисковать и даже отдавать свои жизни в борьбе за идеалы, антагонистические по своей природе культуре западного типа [4, с. 36].

3. Проводя психологическую работу с осужденными данной категории, являющимися представителями иных этнических групп, специалисту, помимо психологии, необходимо иметь представление об особенностях данного этноса, обычаях, условиях воспитания, традициях и сути их религиозных предпочтений. Это связано с тем, что в ряде этнических групп сохраненные веками традиции и обычаи в сознании осужденного преобладают над законами Российской Федерации, а религиозные предпочтения той или иной малой этнической группы могут противоречить религиозным нормам традиционной религии всего этого этноса в целом (например, ваххабизм).

Вместе с тем отдельно взятая национальная принадлежность не может рассматриваться в качестве основной силы, толкающей людей на непримиримую борьбу любыми средствами за свои идеалы [4, с. 37].

Литература

1. Вахнина В.В. Некоторые особенности преодоления кризисов переговорной деятельности сотрудников полиции в ситуации захвата заложников // Прикладная юридическая психология. — 2013. — № 1.
2. Чулисова А.П. Роль этноинтегрирующих и этнодифференцирующих образов природы в психокоррекционной работе с осужденными за насильственные преступления // Прикладная юридическая психология. — 2010. — № 1.
3. Соснин В.А. Аналитические комментарии к книге Ф. Мохаддама «Терроризм с точки зрения террористов, что они переживают и думают, и почему обращаются к насилию» // Прикладная юридическая психология. — 2010. — № 1.
4. Емелин В.А. Терроризм как патологическая форма обретения идентичности в условиях информационного общества // Прикладная юридическая психология. — 2010. — № 4.
5. Харитоновна Е.В. Аномия как социокультурная детерминанта агрессивного поведения // Прикладная юридическая психология. — 2010. — № 4.

К ВОПРОСУ О НАРКОТИЧЕСКОЙ ЗАВИСИМОСТИ ПОДОЗРЕВАЕМЫХ, ОБВИНЯЕМЫХ, ОСУЖДЕННЫХ, СОДЕРЖАЩИХСЯ В ИСПРАВИТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЯХ И СЛЕДСТВЕННЫХ ИЗОЛЯТОРАХ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ

И. С. Ганишина, А. А. Жарких

Аннотация: в статье рассмотрена проблема наркотической зависимости обвиняемых, подозреваемых и осужденных, содержащихся в учреждениях и следственных изоляторах уголовно-исполнительной системы.

Ключевые слова: наркотическая зависимость обвиняемых, подозреваемых и осужденных; психическая и физиологическая зависимость от психически активных веществ (ПАВ); специализированные лечебно-исправительные учреж-

дения (ЛИУ); медицинская, психиатрическая и психологическая помощь наркозависимым осужденным.

Summary: *this article is about the problem of the drug addiction of the accused, suspects and condemned, that are serve sentence at pre-trial detention centers and establishments of criminal and executive system.*

Keywords: *the drug addiction of the accused, suspects and condemned; mental and physiological addiction of the mentally active agents; specialized medical correctional facilities; medical, psychiatric, psychological care for the narcodependent condemned.*

В последние годы проблема наркотизации населения в нашей стране стоит достаточно остро. Директор Федеральной службы по контролю за оборотом наркотиков (ФСКН) В.П. Иванов указывает, что в России насчитывается порядка 5 миллионов наркозависимых, ежегодно около 100 тысяч человек умирают от наркотиков [1].

По данным Министерства здравоохранения и социального развития РФ, ежегодный прирост наркоманов в РФ составляет более 100%, 2,5 миллиона человек из 140-миллионного населения страны — наркоманы, большинство из них — люди трудоспособного возраста (от 18 до 39) лет. Однако, по оценке независимых экспертов, эти данные значительно занижены и не отражают реального положения дел [2].

По официальным данным Федеральной службы исполнения наказаний (ФСИН России), число лиц, осужденных в нашей стране за наркопреступления, в последние годы неуклонно растет: в 2007 г. — 81 194 чел.; 2008 — 98 430;

2009 — 114 508; 2010 — 124 168; 2011 — 124 747 [3].

В учреждениях уголовно-исполнительной системы (УИС) наблюдается ежегодный рост численности поступающих больных с диагнозом «наркомания», составляющий около 12% [4]. Кроме объективно возросшей нагрузки на надзорные и воспитательные подразделения, связанной с необходимостью усиленного контроля над этой категорией осужденных, состояние их здоровья требует постоянного повышенного внимания медицинских работников и сотрудников психологических служб.

Концепция национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года, утвержденная Указом Президента РФ от 12 мая 2009 г. № 537 [5], выражая тревогу в связи с угрозой физическому здоровью россиян, относит борьбу с наркобизнесом, наряду с терроризмом и контрабандой, к важнейшей составной части обеспечения как национальной безопасности страны, так и безопасности мирового сообщества в целом.

В Стратегии государственной антинаркотической политики РФ до 2020 года, утвержденной Указом Президента РФ от 9 июня 2010 г. № 690 [6], отмечается, что современная наркоситуация в Российской Федерации характеризуется расширением масштабов незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ, таких как героин, кокаин, стимуляторы амфетаминового ряда, а также их влиянием на распространение ВИЧ-инфекции, вирусных гепатитов, что представляет серьезную угрозу безопасности государства, экономике страны и здоровью населения.

Аналогичная ситуация наблюдается и в учреждениях уголовно-испол-

нительной системы. По неофициальным данным, около 50% наркозависимых обвиняемых, подозреваемых и осужденных, содержащихся в СИЗО и учреждениях УИС, больны ВИЧ/СПИДом, свыше 40% — носители вируса гепатита С.

Сегодня в учреждениях и следственных изоляторах (СИЗО) уголовно-исполнительной системы РФ отбывают наказание в виде лишения свободы большое количество наркозависимых обвиняемых, подозреваемых и осужденных. По данным специальной переписи осужденных и лиц, содержащихся под стражей, проведенной 12 — 18 ноября 2009 г., доля наркозависимых осужденных составляла около 8,4% от общего количества осужденных [2]. В 2010 г., согласно Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 г., в исправительных учреждениях (ИУ) и следственных изоляторах, обеспечивающих изоляцию от общества, содержалось свыше 62 тысяч осужденных, имеющих наркотическую зависимость [7].

Наркотическая зависимость — заболевание, характеризующиеся непреодолимым влечением к приему психотропных веществ, психической и физиологической зависимостью, тенденцией к увеличению употребляемых доз (толерантности), формированием абстинентного синдрома у наркоманов.

Психическая зависимость от наркотических веществ подразумевает болезненное стремление принимать наркотический (психоактивный) препарат для того, чтобы испытать приятные ощущения либо снять явления психологического дискомфорта.

Физиологическая зависимость — состояние перестройки функций всего ор-

ганизма в ответ на хроническое употребление ПАВ, проявляющееся выраженными психическими и соматическими нарушениями при прекращении приема наркотиков. Эти нарушения обозначаются как абстинентный синдром, который облегчается или полностью купируется при новом введении препарата.

Согласно международной классификации болезней 10-го пересмотра (МКБ-10) наркотическая зависимость относится к классу V «Психические расстройства и расстройства поведения», блоку (F-11 — F-19) «Психические расстройства и расстройства поведения, связанные с употреблением психоактивных веществ».

Наркомания, являясь социально значимым и социально опасным заболеванием, разрушительно влияет на систему взаимоотношений личности с окружающим миром. Наркоман отличается эмоциональной опустошенностью, общим падением активности и энергетического потенциала, вытеснением обычных потребностей тягой к наркотику и общей деформацией мотивационной сферы, интеллектуальными и мнестическими снижениями, понижением продуктивности умственной деятельности, появлением раздражительности, чувства тревоги, подавленным настроением. Постепенно он отчуждается от системы социальных связей и общепринятых ценностей, патологическое влечение постоянно провоцирует его на совершение правонарушений, приводит к социальной деградации личности [11, 12, 13, 14, 15].

В отечественной и зарубежной психологической литературе принято выделять следующие личностные факторы, способствующие наркотизации: недостаточная удовлетворенность жизнью;

слабое развитие самоконтроля; высокая суггестивность; деформированность системы ценностей; духовная пустота, недостаток жизненных интересов; неумение преодолевать трудности, социально приемлемым путем удовлетворять свои потребности; обидчивость, низкая стрессоустойчивость; повышенная конфликтность; низкий уровень коммуникативной компетентности.

Анализ дисциплинарной практики в ИУ и СИЗО Российской Федерации показывает, что наркозависимые обвиняемые, подозреваемые и осужденные чаще других становятся нарушителями режима отбывания наказания. Уровень нарушений режима и, как следствие, наложения взыскания у наркозависимых осужденных почти в 11 раз превышает средний уровень наложения взысканий на одного осужденного [8].

В подразделе «Социальная, психологическая, воспитательная и образовательная работа с осужденными» четвертого раздела Концепции развития уголовно-исполнительной системы РФ до 2020 года указывается на необходимость поиска и внедрения новых индивидуальных форм работы, обеспечивающих оказание адресной социальной, психологической и педагогической помощи каждому осужденному с учетом его социально-демографической, уголовно-правовой и индивидуально-психологической характеристик... повышения требований к научному и методическому уровню психодиагностической и психокоррекционной работы, совершенствования научно-технического обеспечения деятельности психолога, оптимизации диагностического инструментария психолога и объема психодиагностической работы... разработки и развития

психотерапевтического направления работы психолога... создания при учреждении уголовно-исполнительной системы отделений социально-психологической реабилитации с целью оказания профильной психологической помощи осужденным, имеющим алкогольную или наркотическую зависимость, психические аномалии [7]. Такого рода требования актуализируют совершенствование научно-методической базы по работе с данной категорией лиц в учреждениях уголовно-исполнительной системы.

В соответствии с российским законодательством совершеннолетние осужденные-наркоманы отбывают уголовные наказания в исправительных учреждениях. Исправительные учреждения различаются по возможностям проведения лечения наркоманов и режиму.

Для содержания наркозависимых осужденных в настоящее время существует несколько типов исправительных учреждений:

- специализированные лечебно-исправительные учреждения, исполняющие наказания в виде лишения свободы, предназначенные для содержания и лечения осужденных-наркоманов;
- наркологические (психиатрические) отделения республиканских (областных) больниц, используемые для обследования и проведения курса стационарного лечения больных наркоманией;
- учреждения, исполняющие наказание в виде лишения свободы, не являющиеся специализированными, но в которых в числе прочих категорий осужденных отбывают наказание и осужденные-наркоманы.

Следует заметить, что в уголовно-исполнительной системе России спе-

циализированных лечебных колоний для несовершеннолетних осужденных, имеющих наркотическую зависимость, не предусмотрено. Они отбывают наказание вместе с иными осужденными и проходят лечение по месту отбывания наказания.

Европейские тюремные правила 2006 г. в ст. 47.1 и 47.2 закрепили положения, касающиеся лечения осужденных, имеющих психические расстройства, включая аддиктивные нарушения (алкоголизм, наркомания). В частности, наблюдение и лечение заключенных, страдающих психическими расстройствами или аномалиями, должны проводиться в специализированных пенитенциарных учреждениях или отделениях под медицинским контролем. Медицинская служба мест лишения свободы обеспечить психиатрическим лечением всех нуждающихся в этом заключенных, обращая особое внимание профилактики суицидов. Эти положения носят рекомендательный характер для всех государств — членов Совета Европы (в том числе России).

Действующее российское законодательство (Основы законодательства Российской Федерации об охране здоровья граждан, Закон Российской Федерации «О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании») предусматривает добровольный порядок оказания психиатрической помощи. Однако в некоторых случаях эта помощь оказывается в недобровольном (принудительном) порядке. Так, в соответствии со ст. 34 Основ законодательства Российской Федерации об охране здоровья граждан допускается оказывать медицинскую помощь (медицинское освидетельствование, госпитали-

зация, наблюдение и изоляция) без согласия граждан или их законных представителей в отношении лиц, которые страдают заболеваниями, представляющими опасность для окружающих, тяжелыми психическими расстройствами или совершившими общественно опасные деяния, на основаниях и в порядке, установленных законодательством Российской Федерации.

Категории лиц, к которым могут применяться принудительные меры медицинского характера, содержатся в части 1 ст. 97 Уголовного кодекса Российской Федерации (УК РФ). Это следующие лица: совершившие предусмотренные особенной частью УК РФ общественно опасные деяния в состоянии невменяемости (п. «а»); у которых после совершения преступления наступило психическое расстройство, делающее невозможным назначение или исполнение наказания (п. «б»); совершившие преступление и страдающие психическими расстройствами, не исключающими вменяемости (п. «в» 1).

Федеральный закон от 8 декабря 2003 г. № 162-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации» отменил принудительное лечение наркологических больных осужденных (п. «г» ч. 1 ст. 97 УК РФ предусматривал возможность применения принудительных мер медицинского характера к лицам, которые совершили преступление и признаны нуждающимися в лечении от алкоголизма или наркомании).

Тем не менее суды и сегодня наряду с наказанием назначают принудительную меру медицинского характера осужденным, страдающим алкоголизмом или наркоманией (как правило, амбулатор-

ное принудительное наблюдение и лечение у психиатра) [17].

Цели применения принудительных мер медицинского характера законодатель включил в ст. 98 УК РФ (лечение больного, улучшение его психического состояния, предупреждение совершения им новых преступлений), виды принудительных мер медицинского характера, и порядок их продления, изменения и прекращения применения — в ст. 102 УК РФ, а в гл. 15 УК РФ урегулировал иные вопросы, связанные с принудительными мерами медицинского характера.

Одновременно с внесением изменений в УК РФ был издан Федеральный закон № 161-ФЗ «О приведении Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации и других законодательных актов в соответствие с Федеральным законом "О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации"», изменивший ст. 18 УИК РФ. Таким образом, вместо принудительного лечения, которое назначал суд, было введено обязательное лечение, назначаемое медицинской комиссией во время отбывания осужденным наказания в учреждениях УИС.

После внесения изменений ст. 18 УИК РФ «Применение к осужденным мер медицинского характера» имеет следующую редакцию:

«1. К осужденным к аресту, лишению свободы, страдающим психическими расстройствами, не исключающими вменяемости, учреждениями, исполняющими указанные виды наказаний, по решению суда применяются принудительные меры медицинского характера...

3. К осужденным к наказанию, указанным в части первой насто-

ящей статьи, больным алкоголизмом, наркоманией, токсикоманией, ВИЧ-инфицированным осужденным, а также осужденным, больным открытой формой туберкулеза или не прошедшим полного курса лечения венерического заболевания, учреждением, исполняющим указанные виды наказаний, по решению медицинской комиссии применяется обязательное лечение».

Замена принудительного лечения на обязательное постановила перед медицинской службой УИС новые задачи: наряду с лечением больных аддиктивными расстройствами, выявление и диагностику этих заболеваний [17].

Обязательное лечение наркомана — трудный и длительный процесс, предполагающий тесное взаимодействие медицинских, психологических, воспитательных и иных служб и подразумевающий достижение состояния длительной ремиссии.

По данным специальной переписи осужденных и лиц, содержащихся под стражей, проведенной 12 — 18 ноября 2009 г., 92,5% наркозависимым осужденным лечение так и не было назначено. Полагаем, что для решения данной проблемы необходимо использовать арсенал всех служб исправительных учреждений. Особое внимание надо обращать на выявление наркозависимых обвиняемых, подозреваемых и осужденных, содержащихся в СИЗО, поскольку ввиду непродолжительного по времени содержания под стражей у данной категории лиц могут наблюдаться абстинентные состояния.

По оценке самих наркозависимых подозреваемых, обвиняемых и осужденных, в настоящее время в учреждениях УИС лечение от наркотической за-

висимости не является эффективным. Как указывает С.В. Фирсаков, оно фактически сводится к проведению профилактических бесед о вреде наркомании и вынужденном частичном воздержании от наркотика и затрудняется рядом объективных сложностей: переполненностью колоний, большой нагрузкой врачей, недостаточной медицинской базой [10, с. 74].

Лечение наркомании — комплекс мер медико-психиатрического, психологического и социального характера, оказываемых поэтапно. На первом этапе превалирует медико-психиатрическое и психологическое воздействие: психодиагностическое обследование, терапия неотложных состояний, нивелирование соматоневрологических нарушений, подавление патологического влечения к наркотикам, восстановление соматических и психических функций. На втором этапе основными становятся психотерапевтические и психолого-педагогические воздействия, заключающиеся в восстановлении личностной и социальной ценности осужденных.

Психиатрическая помощь наркозависимым осужденным в учреждениях и СИЗО уголовно-исполнительной системы оказывается врачом-психиатром и осуществляется в рамках медицинской помощи.

Согласно приказу Минюста России от 20 ноября 2006 г. № 333 наркозависимые осужденные подлежат постановке на профилактический учет и психологи исправительных учреждений обязаны проводить с данной категорией осужденных психокоррекционные мероприятия.

По определению Б.Д. Карвасарского, психокоррекция — это направленное психологическое воздействие на

определенные психологические структуры с целью обеспечения полноценного развития и функционирования индивида [16].

В уголовно-исполнительной системе в настоящее время нет единых законодательно утвержденных моделей психотерапевтического и психокоррекционного воздействия, обязательных к исполнению для наркозависимых осужденных.

В программе по снижению алкогольной и наркотической зависимости у осужденных, разработанной НИИ ФСИН России [17], описаны методы психотерапевтической коррекции, которые можно использовать по отношению к наркозависимым подозреваемым, обвиняемым и осужденным в учреждениях и следственных изоляторах уголовно-исполнительной системы: директивная психотерапия (индивидуальная рациональная терапия, коллективная рациональная терапия), суггестивная терапия (гипнотерапия), коллективная эмоционально-стрессовая гипнотерапия В.Е. Рожнова, «кодирование» по А.П. Довженко, методы групповой психотерапии (методика направленной дискуссии и др.).

Относительно психокоррекционных воздействий, применяемых психологами УИС, практика показывает, что чаще всего используются методы арт-терапии, гештальттерапии, психодрамы, НЛП, суггестивной терапии, когнитивно-поведенческой терапии, системной семейной психотерапии и др. Психокоррекционное воздействие, оказываемое на подозреваемых, обвиняемых и осужденных, в обязательном порядке сопровождается психодиагностическим обследованием, проводимым, до, в ходе и по окончании курса коррекции.

Важно заметить, что эффективное лечение наркотической зависимости возможно лишь в том случае, если сам пациент желает вылечиться. Без осознания собственной проблемы и твердой уверенности в необходимости лечения избавиться от наркотической зависимости невозможно.

Говоря о качестве медицинской, психиатрической, психологической помощи, оказываемой сегодня наркозависимым обвиняемым, подозреваемым и осужденным в учреждениях и следственных изоляторах уголовно-исполнительной системы, следует отметить, что она не является высокоэффективной и требует своего дальнейшего совершенствования.

Литература

1. fskn.gov.ru
2. Наркотизация населения РФ. Социальная диагностика. Общероссийское исследование Фонда «Общественное мнение». — М., 2011.
3. <http://fsin.su/structure/inspector/iao/statistika>
4. Материалы расширенного заседания коллегии ФСИН России 19 февраля 2010 г.
5. Собрание законодательства Российской Федерации. 2010. № 20. Ст. 2444.
6. Собрание законодательства Российской Федерации. 2010. № 24. Ст. 3015.
7. Концепция развития уголовно-исполнительной системы в Российской Федерации до 2020 г.: утв. распоряжением Правительства Российской Федерации от 14 октября 2010 г. № 1772-р.
8. Методические рекомендации по работе с осужденными «группы риска», имеющими наркотическую зависимость. — СПб., 2006.
9. Об утверждении Инструкции по профилактике правонарушений среди лиц, содержащихся под стражей, Минюста РФ от 20 ноября 2006 г. N 333.
10. *Фирсаков С.В.* Наркоманы, отбывающие лишение свободы. По материалам специальной переписи осужденных и лиц, содержащихся под стражей, 12–18 ноября 2009 г. / под ред. В.И. Селиверстова. — Вып. 8. — М.: Юриспруденция, 2011.
11. *Гришко А.Я.* Уровень субъективного контроля осужденных, больных наркоманией // Прикладная юридическая психология. — 2007. — № 1. С. 14–19.
12. *Жарких А.А.* Возможности Must-теста в исследовании психологических особенностей мотивационной сферы наркозависимых осужденных // Прикладная юридическая психология. — 2009. — № 2. С. 62–73.
13. *Жарких А.А.* Особенности мотивационно-смысловой сферы наркозависимых осужденных в рамках теории ведущих тенденций // Прикладная юридическая психология. — 2012. — № 2. — С. 49–58.
14. *Савельева Т.И.* Психокоррекция защитной сферы осужденных, употреблявших психоактивные вещества // Прикладная юридическая психология. — 2008. — № 2. — С. 137–142.
15. *Сочивко Д.В., Савельева Т.И.* Предимпозивное «Я» — фокус эмпирических, теоретических и психотехнологических исследований в юридической психологии // Прикладная юридическая психология. — 2009. — № 1. — С. 45–55.
16. *Карвасарский Б.Д.* Психотерапия учебник для студентов медицинских вузов. — М., 2002.
17. Программа по снижению алкогольной и наркотической зависимости у осужденных. — М.: НИИ ФСИН России, 2010. — 41 с.

ОСОБЕННОСТИ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ РАБОТНИКОВ ФСИН РОССИИ ОБ ИНТЕРАКТИВНОЙ ПОЗИЦИИ СОТРУДНИКОВ И ОСУЖДЕННЫХ

Н. В. Лукьянченко

Аннотация: в статье приводятся данные исследования представлений работников ФСИН России об интерактивной позиции сотрудников и осужденных. Выявлено, что они воспринимают интерактивную позицию сотрудников по отношению к осужденным как пассивно-оборонительную, с ограниченным диапазоном стратегий и средств взаимодействия, высокой выраженностью компонентов подозрительности и враждебности, а интерактивная позиция осужденных по отношению к сотрудникам, на их взгляд, имеет более активный характер, широкий диапазон стратегий и средств, ориентирована на манипулятивные цели.

Ключевые слова: сотрудники ФСИН России, осужденные, социальная перцепция, представления об интерактивной позиции.

Summary: the article presents research data on the representation of employees penitentiaries interactive position staff and inmates in the prison system. It was revealed that the perception of workers GUFSIN interactive position of employees in relation to prisoners has passive-defensive in nature, with a limited range of strategies and means of interaction, with an extremely high severity component of suspicion and hostility, and interactive position of prisoners in relation to employees is more active character, a wide range of strategies and tools focused on manipulative purpose.

Keywords: interaction in the penitentiary system, employees penitentiaries, prisoners, social perception, representation, interactive position.

Психологические аспекты профессиональной деятельности сотрудников Федеральной службы исполнения наказаний (ФСИН России) все чаще становятся объектом исследований, имеющих прикладную направленность. Это связано с обозначенными в Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 года целями повышения социальной эффективности пенитенциарной системы, с одной стороны, и качества жизнедеятельности ее сотрудников, с другой стороны [1, 9].

Деятельность сотрудников ФСИН России может быть охарактеризована как экстремально сложная [6], особенно если учесть граничащую с противоречивостью многоаспектность профессиональных задач. Роль, которую призваны реализовывать сотрудники по отношению к осужденным, неоднозначна. На первый взгляд, она заключается в функциях контроля за соблюдением норм регламента уголовно-исполнительной системы (УИС) и обеспечения наиболее полной реализации наказательного аспекта заключения [13]. Такая профессиональная роль способствует формированию соответствующего отношения к осужденным [7]. Вместе с тем в логике гуманизации российского общества

и государственности идеология пенитенциарной системы все больше ориентируется на приоритетность не столько наказания, сколько ресоциализации, и воплощение этой миссии также во многом связывается с работой сотрудников ФСИН России.

Следовательно, приоритетное место в списке обеспечивающих эффективность деятельности сотрудников ФСИН России профессионально значимых качеств отводится психолого-педагогической компетентности, способности осваивать и реализовывать педагогические технологии. [8]. Эта способность основывается на убеждении в возможности перевоспитания осужденных и стремлении к реализации этой возможности. Предполагается, что сотрудник УИС способен реализовывать «ведущую партию» во взаимодействии с осужденными, оказывать на них действенное благотворное влияние [15].

Важно учитывать, что согласно постулатам социальной психологии поведение человека в отношении партнеров по общению, его самочувствие и мотивация во многом зависят от того, на какую субъективную картину взаимодействия он опирается, какой образ приписывает себе и другим участникам взаимодействия [2]. Представления о ситуации взаимодействия становятся схемами, регулируемыми и в значительной мере предписывающими им определенное поведение, чаще всего носят характер «самоосуществляющегося пророчества». Работа с профессиональными представлениями является существенной частью профессионального развития сотрудников УИС [4]. Отсюда вытекает важность изучения того, как они воспринимают взаимодействие с осуж-

денными, какова имеющаяся у них субъективная картина ключевого взаимодействия пенитенциарной системы «сотрудники — осужденные».

С учетом изложенного нами было проведено исследование представлений работников ФСИН России о типичных позициях (устойчивых характеристиках поведения и отношения), занимаемых в процессе взаимодействия сотрудниками и осужденными.

В исследовании приняли участие 40 сотрудников отделов охраны и безопасности ГУФСИН России по Красноярскому краю в возрасте от 22 до 46 лет. Методическое обеспечение исследования составили:

- методика «Диагностика межличностных отношений» Т. Лири, позволяющая выявить восемь типологических интерперсональных тенденций: 1) авторитарный; 2) эгоистичный; 3) агрессивный; 4) подозрительный; 5) подчиняемый; 6) зависимый; 7) дружелюбный; 8) альтруистический [12];

- тест-опросник «Типы поведения в конфликте» К. Томаса в адаптации Н.В. Гришиной, выявляющий выраженность основных стратегий поведения в конфликте: соперничество (конкуренция); приспособление; компромисс; избегание, сотрудничество [12]. Принявшие участие в исследовании работники ФСИН России заполняли опросники Т. Лири и К. Томаса в двух вариантах. В первом они характеризовали позицию сотрудников во взаимодействии с осужденными (этот вариант фактически выступал как самооценка), во втором, используя те же опросники, характеризовали то, как они видят позицию осужденных во взаимодействии с сотрудниками. Впоследствии эти два блока данных ис-

Таблица 1

**Оценка работниками ФСИН России выраженности
интерперсональных тенденций у сотрудников и осужденных
по методике Т. Лири (средние значения)**

Субъекты взаимодействия	Шкалы методики ДМО							
	I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII
сотрудники	4,4	10,8	10,6	13,5	4,3	6,0	3,7	1,4
осужденные	9,4	8,2	8,9	6,7	7,0	7,0	5,7	3,6

Примечание: I – «авторитарный», II – «эгоистичный», III – «агрессивный», IV – «подозрительный», V – «подчиняемый», VI – «зависимый», VII – «дружелюбный», VIII – «альтруистический».

пользовались для сравнительного анализа;

– модифицированный вариант методики «Незаконченные предложения», включающий в себя восемь незавершенных высказываний. Здесь также использовался прием симметричной оценки. Продолжая согласно инструкции незаконченные предложения, испытуемые формулировали характеристики интерактивной позиции, присущие, по их мнению, сотрудникам и осужденным в сходных ситуациях взаимодействия.

Результаты, полученные с помощью методики Т. Лири, представлены в таблице 1.

Если рассматривать «профили» интерперсональных тенденций, характеризующие, по мнению опрашиваемых, сотрудников и осужденных, то можно выделить следующие, достаточно четко определившиеся особенности. Отношение сотрудников к осужденным в полученных оценках характеризуется предельно низкими показателями альтруистичности, слабо выражено дружелюбие. К умеренно выраженным можно отнести подчиняемость и, что интересно, авторитарность. Достаточно высоки, чтобы свидетельствовать о присутствии данного качества, показатели зависимости.

И особенно высокими значениями выделяется своего рода «триада» шкал — эгоистичности, агрессивности и подозрительности, причем шкала подозрительности имеет экстремально высокий показатель, который в нормативах методики относится к патологическому уровню.

В оценках, данных опрошенными осужденным, контраст в значениях показателей по шкалам методики Т. Лири не такой большой, как в оценках, характеризующих сотрудников. В целом картина отношений, реализуемых осужденными в отношении сотрудников, выглядит следующим образом. Невысоки значения альтруистичности, но при этом они в 2,5 раза выше, чем в оценках, данных сотрудникам. Такие качества, как подчиняемость, зависимость, дружелюбие, подозрительность, достаточно выражены. Высокие значения имеют показатели авторитарности, эгоистичности и агрессивности, но при этом два последних показателя выражены в меньшей степени, чем у сотрудников.

Фактически получается, что в представлении сотрудников ФСИН России осужденные могут опираться на гораздо более богатый диапазон различных характеристик взаимодействия, чем сотрудники. Для последних характер-

Таблица 2

**Интегральные коэффициенты оценок работниками ФСИН России
интерперсональных тенденций сотрудников и осужденных
по методике Т. Лири (средние значения)**

Субъекты взаимодействия	Коэффициенты	
	доминирование	доброжелательность
Сотрудники	4,35	– 18,73
Осужденные	5,76	– 6,21

на своего рода заостренная концентрация на «жестких» вариантах, и эта заостренность производит впечатление защитной компенсаторности. Об этом свидетельствует, во-первых, ограниченное число активированных типов интерперсональных тенденций, во-вторых, их очень высокая интенсивность, в случае подозрительности имеющая характер патологичности, и, в-третьих, это может подтверждать вызывающий удивление факт — показатели авторитарности в характеристике сотрудников выражены весьма умеренно, во время как в «портрете» осужденных — очень сильно. А ведь именно шкала авторитарности в методике Т. Лири характеризует лидерскую позицию в общении, стремление и способность брать на себя ведущую роль во взаимодействии.

Методика Т. Лири позволяет также на основе данных всех шкал вывести два интегральных коэффициента: доминирования и доброжелательности (табл. 2).

Как видим, участвовавшие в исследовании характеризуют и позицию сотрудников, и позицию осужденных похожим образом: положительными значениями коэффициента доминирования и отрицательными значениями коэффициента дружелюбия, но уровень выраженности этих обобщенных тенденций разный. Коэффициент доминиро-

вания несколько выше в оценках, данных осужденным, а недоброжелательность, по мнению наших респондентов, более чем в 3,5 раза сильнее выражена у сотрудников.

Результаты исследования можно трактовать с точки зрения альтернативы активности-реактивности позиций взаимодействия. В данном контексте позиция сотрудников характеризуется, скорее, как реактивная, оборонительная, в которой более выражен эмоциональный компонент, чем действенный. Ведущей стороной, причем обладающей широким диапазоном вариативности задействованных интерперсональных тенденций, выступает сторона осужденных. Их интерактивная позиция в представлении работников ФСИН России является более ресурсной, чем позиция сотрудников.

В таблице 3 представлены данные, полученные с помощью методики К. Томаса.

По оценкам участников исследования, и сотрудники ФСИН России, и осужденные используют ресурсы всех основных стратегий. Наименьшей популярностью при этом пользуется самая продуктивная из них — стратегия сотрудничества, а наибольшей — стратегия соперничества, причем осужденные, по оценкам респондентов, выбирают сотрудни-

Таблица 3

Оценка работниками ФСИН России выраженности основных типов поведения в конфликте сотрудников и осужденных по методике К. Томаса (средние значения)

Субъекты взаимодействия	Типы поведения				
	соперничество	сотрудничество	компромисс	избегание	приспособление
сотрудники	6,6	5,2	6,1	6,0	5,6
осужденные	6,8	4,5	6,0	6,6	6,2

чество еще реже, чем сотрудники.

Для уточнения данных сравнительного анализа показателей методик Т. Лири и К. Томаса проводилась также процедура выявления достоверных различий с использованием U-критерия Манна — Уитни (табл. 4). Как видим, результаты выявления достоверных различий подтверждают данные сравнения средних значений.

Результаты методики «Незаконченные предложения» обрабатывали следующим образом. По каждому из высказываний определяли типы полученных от респондентов ответов и затем подсчитывали их процентное соотношение. Соответствующие данные представлены в таблице 5.

Анализ данных методики «Незаконченные предложения» показал следу-

Таблица 4

Направление и достоверность различий характеристик интерактивной позиции сотрудников и осужденных по оценкам работников ФСИН России

Наименование методики	Шкала	Группы сравнения: представления о характеристиках сотрудников — представления о характеристиках осужденных
ДМО Т. Лири	Авторитарный	< ; 99,99 %
	Эгоистичный	> ; 99 %
	Агрессивный	> ; 99 %
	Подозрительный	> ; 99,99 %
	Подчиняемый	< ; 99,99 %
	Зависимый	< ; 99 %
	Дружелюбный	< ; 99,99 %
	Альтруистичный	< ; 99,9 %
Тест К. Томаса	Соперничество	
	Сотрудничество	> ; 95 %
	Компромисс	
	Избегание	
	Приспособление	

Таблица 5

**Типы ответов работников ФСИН России на вопросы методики
«Незаконченные предложения» (процентное соотношение)**

Вопросы	Типы ответов
В ситуации общения с осужденными сотрудниками обычно...	Проявляют требовательность –25 %; ведут себя корректно, вежливо – 30 %; действуют в соответствии с правилами 25 %; избегают проявления насилия, агрессии –15 %; становятся нервными – 2,5 %; проводят воспитательную работу – 2,5 %
В ситуации общения с осужденными сотрудникам больше всего нравится...	Когда осужденные подчиняются – 40 %; ощущать власть, превосходство, авторитет – 17,5 %; все спокойно, соответствует норме – 25 %; проявлять профессионализм и знания –2,5 %; ничего – 15 %
В ситуации общения с осужденными сотрудникам больше всего не нравится...	Грубость, оскорбления со стороны осужденных – 30 %; если осужденные сопротивляются требованиям, ведут себя недисциплинированно – 32,5 %; провокационное поведение осужденных –17,5 %; поведение осужденных, как таковое –12,5 %; конфликты –5 %; необходимость сдерживаться в выражениях –2,5 %
В ситуации общения с осужденными сотрудниками боятся, что...	Осужденные выйдут за пределы допустимого (нападение, суицид, агрессия, побег) – 45 %; осужденные спровоцируют конфликт –15 %; осужденные обманут, а сотрудник поверит –7,5 %; наказания за некорректность с осужденными –7,5 %; ничего не бояться – 25 %
В ситуации общения с сотрудниками осужденные обычно...	Грубят, хамят – 20 %; хитрят, манипулируют – 20 %; ведут себя спокойно, вежливо – 30 %; стараются привлечь внимание –12,5 %; спорят, отстаивают свою точку зрения – 10 %; доводят до конфликта – 7,5 %
В ситуации общения с сотрудниками осужденным больше всего нравится...	Получать подтверждение своей значимости в общении – 50 %; лгать, «вешать лапшу» – 12,5 %; выводить сотрудника из себя – 12,5 %; отстаивать свое мнение –10 %; когда им уступают – 7,5 %; женский пол – 2,5 %; ничего –5 %
В ситуации общения с сотрудниками осужденным больше всего не нравится...	Слышать про себя правду – 40 %; грубое обращение сотрудников – 17,5 %; когда ими командуют –15 %; наказания – 15 %; игнорирование – 12,5 %
В ситуации общения с сотрудниками осужденные боятся, что...	Их накажут, лишат благ – 55 %; ничего – 40 %; разоблачат их обман – 5 %

ющее. По мнению принявших участие в исследовании, основные усилия сотрудников ФСИН России направлены на то, чтобы удержать ситуацию взаимодействия в нормативных рамках, в то время как поведение осужденных представляется им в большинстве случаев как провокационное. Хотя респонденты осознают, что осужденные нуждаются во внимании и понимании, в поддержке чувства их значимости, но наличие этих потребностей не является для

опрошенных основанием того, чтобы с ними считались или использовали как опору в воспитательной работе. Причина в том, что для получения ощущения значимости, по мнению сотрудников ФСИН России, осужденные способны лгать, описывая себя, рассказывать «сказки», обманным путем добиваться необходимого. При этом им не нравится слышать о себе нелицеприятную правду, которую стараются донести до них сотрудники.

Как известно из социальной психологии, такой образ ситуации взаимодействия характерен для субъектов, находящихся в конфликтной ситуации. Индивид, идентифицирующий себя как участника конфликтного противостояния, склонен полагать, что его интересы и цели с целями и интересами оппонента в большей мере не совпадают, чем это есть на самом деле [3]. Даже хорошие поступки противника воспринимаются как стремление достичь какой-либо цели [16]. Как образно выразился американский психолог Р. Уайт, «дьявол всегда на противоположной стороне», а собственное поведение воспринимается как исключительно праведное. При этом возникает ощущение, что эта «другая» сторона имеет большую свободу в выборе действий, отсюда тенденция воспринимать собственные действия как ответные, вынужденные, а действия противников — как провокационные [3]. То, что такое восприятие весьма субъективно, подтверждают данные анализа дисциплинарной практики, согласно которым причины конфликтности во взаимодействии сотрудников УИС с осужденными не только связаны с провоцирующим поведением осужденных, но и обусловлены особенностями обращения сотрудников с осужденными [10, 11].

Обобщая результаты исследования, можно заключить, что в представлении опрошенных интерактивная позиция осужденных в отношении сотрудников является более активной и имеет более широкий диапазон характеризующих ее аспектов. Позиция сотрудников в отношении осужденных в представлении работников ФСИН России имеет более реактивный характер и меньший диапазон различных аспектов. Очевидно, что та-

кое восприятие профессионального взаимодействия опрошенными может стать серьезным препятствием для формирования у сотрудников действенной педагогической направленности, что, как указывалось выше, является важнейшей составляющей профессиональной компетентности.

Полученные в ходе исследования данные свидетельствуют о необходимости оказания сотрудникам ФСИН России психологической помощи, направленной на снижение уровня субъективного напряжения во взаимодействии, изменение пассивно-оборонительной позиции на более активную и действенно-воспитательную, формирование чувства коммуникативной ресурсности и способности целесообразного использования широкого диапазона средств взаимодействия. Обозначенные задачи могут решаться в русле миссии психологической службы УИС по оптимизации отношений между персоналом и осужденными [5] в направлении формирования социально-психологической компетентности как важнейшего средства повышения профессионализма [14]. Перспективной формой такой работы могут быть социально-психологические практикумы. Если говорить о конкретных тематических блоках, то, наш взгляд, в их число должны входить: личностная и коммуникативная уверенность (в противоположность неуверенности и агрессивности); установление и сохранение продуктивного контакта, методы влияния и противостояния влиянию, техники поддержания дисциплины и формирования личностной ответственности, учет индивидуально-типологических особенностей осужденных в общении. Следует отметить, что данные темы в значитель-

ной части отражены в методических разработках в прикладном направлении социальной психологии, однако их полноценное использование в деятельности пенитенциарной системы требует специальной адаптации их содержания и методических приемов.

Литература

1. Концепция развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 года: утв. распоряжением Правительства Рос. Федерации от 14 октября 2010 г. № 1772-р // Собр. законодательства Рос. Федерации. — 2010. — № 43.

2. Агеев В.С., Андреева Г.М. Исследование перцептивных процессов в социальной психологии. — М.: Аспект Пресс, 2004.

3. Гозман Л.Я., Шестопал Е.Б. Политическая психология. — Ростов н/Д: Феникс, 1996.

4. Горностаев С.В. Реинтегрирующий подход к профессиональному развитию сотрудников правоохранительных органов // Прикладная юридическая психология. — 2007. — № 1. — С. 37–43.

5. Дебольский М.Г. Психологической службе уголовно-исполнительной системы 20 лет: организация и развитие // Прикладная юридическая психология. — 2012. — № 1. — С. 33–52.

6. Королёва Н.Б. Сотрудники уголовно-исполнительной системы: экстремальные условия профессии и их следствия // Прикладная юридическая психология. — 2008. — № 4. — С. 86–88.

7. Лукшина О.Ю. Профессиональная роль и ее значение в развитии симптомов «психического выгорания» пенитенциарных служащих // Прикладная юридическая психология. — 2013. — № 1. — С. 59–65.

8. Маланьин В.С. Специфика применения компетентного подхода в профессиональной подготовке слушателей учебных центров ФСИН России // Прикладная юридическая психология. — 2013. — № 1. — С. 123–127.

9. Огородников В.И., Мельников Ю.А. Проблемы, состояния и предложения по совершенствованию кадровой политики уголовно-исполнительной системы // Прикладная юридическая психология. — 2010. — № 1. — С. 149–152.

10. Пестриков Д.В. Развитие установки на толерантное поведение в общении (на примере курсантов и слушателей образовательных учреждений высшего профессионального образования ФСИН России) // Прикладная юридическая психология. — 2008. — № 2. — С. 86–96.

11. Поздняков В.М. Направления совершенствования психологического обеспечения работы с сотрудниками ФСИН России // Прикладная юридическая психология. — 2012. — № 2. — С. 8–17.

12. Психологические тесты / под ред. А.А. Карелина: в 2 т. — М.: Владос, 2005.

13. Ромашов Р.А. Психологические аспекты восприятия и взаимодействия субъектов пенитенциарных отношений // Прикладная юридическая психология. — 2013. — № 1. — С. 32–37.

14. Сухов А.Н. Социально-пенитенциарная психология: теоретические и прикладные аспекты // Прикладная юридическая психология. — 2013. — № 1. — С. 8–10.

15. Тарасиков М.С. Характеристика основных понятий профессионально-ценностного отношения к функциональной деятельности сотрудника уголовно-исполнительной системы // Прикладная юридическая психология. — 2011. — № 3. — С. 155–162.

16. White R. Fearful Warriors: A Psychological Profil of US-Soviet Relations. — N.Y.: FreePress, 1984.

ИННОВАЦИИ В УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЕ В РАМКАХ ПСИХОЛОГО-АКМЕОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Ю. Е. Сулов

Аннотация: в статье рассматривается проблема исследования инноваций в уголовно-исполнительной системе (УИС). В настоящий момент одной

из проблем изучения инноваций можно считать отсутствие единого и однозначного определения данного понятия. В рамках изучения инноваций в

УИС необходимо дополнительно выделить специфические факторы влияния на них. В приводятся результаты исследования по данной проблематике.

Ключевые слова: инновации, новшества, психолого-акмеологическая готовность к инновациям.

Summary: *In given clause (article) the problem of the study of innovation in the penal system. At the moment, one of the problems the study of innovation is no single and unambiguous definition of the concept. As part of the study of innovation in the penal system, in addition to select the specific factors of influence on innovation. This article presents the results of a study on the subject.*

Keywords: *innovation, innovation, innovation, psychological acmeological willingness to innovate.*

В современном мире понятие «инновации» занимает значительное место. В различных сферах профессиональной деятельности важна именно инновационная составляющая происходящих процессов. Вероятно, наличие инноваций в деятельности можно считать показателем ее успешности, современности, эффективности.

Анализ современной литературы показал, что «инновации» является универсальным, то есть повсеместно упоминается в различных науках. Кроме того, было отмечено значительное количество определений данного понятия. Как правило, понятие «инновации» употребляются совместно с такими понятиями, как «новшество», «новации», «творчество», «новое». Ряд авторов отмечают данные понятия как синонимичные понятию «инновация» (Н.М. Платонова, М.Ю. Платонов [7], Б.В. Прыкин [9]), дру-

гие же отмечают различия (С.В. Валдайцев [1], А.В. Пузиков [10]).

Наличие значительного количества толкований понятия «инновация», выделение различных ее аспектов, с одной стороны, позволяет более детально рассмотреть данную проблему в выбранных сферах профессиональной деятельности, как, например, в УИС, с другой — усложняют указанное понятие, делая его размытым для понимания и затрудняя применение в исследовательской деятельности.

В рамках проводимого реформирования в уголовно-исполнительной системе происходит внедрение нововведений, являющихся инновационными (по нашему мнению, данные понятия схожи по значению, но не в полной мере, поэтому их следует различать), в деятельность сотрудников исправительных учреждений. Для более полного и всестороннего изучения этого процесса нами было проведено психолого-акмеологическое исследование инноваций в УИС. В рамках исследования мы хотели выяснить представление сотрудников об инновациях, отношение к их внедрению в УИС, необходимые качества сотрудников для успешной работы с инновациями в УИС. Особое внимание нами было уделено проблеме психолого-акмеологической готовности к инновациям сотрудников пенитенциарных учреждений.

На первом этапе исследования нами была проанализирована научная литература, касающаяся вопроса инноваций. В результате мы остановились на такой градации инновации, которая рассматривает ее с трех позиций: как процесс, как явление, как деятельность.

В результате мы выявили, что актуальным в рамках исследования данной

проблемы является изучение психолого-акмеологической готовности к инновациям, что и стало в основном предметом нашего исследования. При его проведении мы опирались на понимание инновации как явления. Данное решение было определено целесообразностью при исследовании психолого-акмеологической готовности к инновациям сотрудников УИС, так как это предполагает наличие у них сформировавшегося в той или иной мере образа инноваций и отношения к ним.

Теоретически мы выделили следующие компоненты психолого-акмеологической готовности к инновациям: эмоционально-волевой, мотивационно-ценностный, когнитивный, коммуникативный, мобилизационный, креативный, операциональный.

В дальнейшем в исследовании приняли участие 120 сотрудников исправительных учреждений Владимирской области, предпочтение отдавалось сотрудникам, которые в соответствии с должностными обязанностями непосредственно контактируют с осужденными. По нашему предположению, данное условие позволит отразить влияние специфики службы в исправительных учреждениях на формирование у сотрудников психолого-акмеологической готовности к инновациям и понимание ими термина «инновации». Дополнительно данная выборка была разделена на две группы в соответствии со стажем службы в УИС: менее 5 лет и более 5 лет. Данный фактор мы выделили для выяснения наличия или отсутствия его влияния на изучаемый предмет исследования. Стаж службы, как мы считаем, важен тем, что в нем может быть отражено влияние таких процессов, как адап-

тация [2, 3, 8], формирование стереотипов восприятия и мышления и другие, а это, в свою очередь, может отразиться на понимании сотрудниками инноваций и готовности к ним.

Сравнение двух выборок по мотивационной составляющей готовности к инновациям по критерию Манна — Уитни ($U = 1281$, $p < 0,01$) показало достоверность различия между ними. Сотрудники со стажем менее 5 лет более мотивированы на изменения. Мы предполагаем, что во многом данное явление объясняется тем, что у них еще не сформировались жесткие, привычные взгляды на службу, они более гибки в восприятии новых идей в контексте своей профессиональной деятельности, у них нет стереотипов восприятия и мышления, которые можно наблюдать у более опытных сотрудников.

Представители второй выборки за длительный период своей службы могли сформировать некие касающиеся ее стереотипы, и любые нововведения могут не укладываться в их систему понимания и несения службы. Дополнительно можно предположить, что у них нет желания вникать в нечто новое. Кроме того, своеобразным барьером мотивационной составляющей психолого-акмеологической готовности к инновациям может быть нежелание обучаться новым техническим средствам и возможностям современного мира (освоение компьютера, овладение возможностями сети Интернет).

Данные по когнитивному блоку методики «Оценка уровня психолого-акмеологической готовности к инновациям» показали, что сотрудники с большим стажем службы оказались больше готовы к инновациям ($U = 1273$, $p <$

0,01). Опыт работы у них солиднее, они знают и умеют применять на практике методы своей профессиональной деятельности. Ими усвоены различные аспекты деятельности. Они способны оптимально организовать свою работу, предвидеть результаты своего труда, а также анализировать их причины (объективные и субъективные). Таким образом, при условии, что у такого сотрудника будет отсутствовать сопротивление внедрению инноваций, он будет более готов ее принять и обеспечить реализацию.

Сотрудники с меньшим стажем, а значит, и опытом в сфере профессиональной деятельности в УИС по данному показателю менее готовы к инновациям. Без опыта работы, без знания основ профессиональной деятельности в УИС (правовых, специальных, психологических) привнесение инноваций и их реализация могут лишь усугубить уже устоявшуюся систему. Кроме того, без достаточного опыта работы невозможно в полной мере оценить последствия и результаты внедрения инноваций. У них отсутствует полноценное знание нюансов и различных аспектов специфики службы в пенитенциарной системе по сравнению с более опытными коллегами.

Аналогичные результаты были получены при анализе данных процессуального компонента ($U = 1275, p < 0,01$). Более опытные сотрудники могут затрачивать меньше времени на выполнение заданий, связанных со своим направлением деятельности, поставленные задачи выполняют в срок. Как правило, недочетов и неточностей в работе них гораздо меньше, понимание своей функции в системе более полное и глубокое, а стрессоустойчивость выше.

Результаты по личностно-акмеологическому компоненту показали, что достоверных различий между двумя выборками не выявлено ($U = 1273, p < 0,01$). Предположительно данный компонент является независимым от стажа службы и опыта работы сотрудников. Мы считаем, что личностно-акмеологический компонент можно назвать относительно постоянной характеристикой человека, он формируется независимо от специфики профессиональной деятельности (вероятно, воспитывается на ранних этапах развития личности) и является более общим, чем перечисленные компоненты.

Креативный компонент психолого-акмеологической готовности к инновациям достоверно более развит у сотрудников с меньшим стажем. ($U = 1277, p < 0,01$). Стремление искать новые способы решения проблем, предлагать собственные идеи, творчески относиться к службе, скорее всего, обусловлено тем, что данная категория сотрудников еще не до конца погрузилась в специфику профессиональной деятельности УИС. Один из аспектов этой деятельности — соблюдение служебной дисциплины, жесткая регламентация профессиональной деятельности сотрудников. Указанные особенности в большей мере препятствуют развитию креативности у сотрудников, чем способствуют. Таким образом, у сотрудников с большим стажем данный компонент менее выражен.

Специально для исследования психолого-акмеологической готовности к инновациям была разработана анкета «Определение психолого-акмеологической готовности к инновациям», учитывающая специфику службы в УИС. Она включает в себя ряд блоков: мотива-

ционный, эмоционально-волевой, операциональный, коммуникативный, креативный, мобилизационный и когнитивный. В ходе анкетирования испытуемым предлагалось оценить каждый блок по важности выраженности перечисленных в них качеств по 10-балльной системе и отметить выраженность данных качеств у самих испытуемых. Дополнительно испытуемые высказывали свое мнение относительно возможности развить указанные качества.

Полученные результаты мы сравнивали по двум шкалам: первая — «Я» отражает результаты самооценки сотрудников по указанным параметрам, вторая — «Важно» — представления сотрудников о том, как должны быть развиты представленные компоненты. Исследование показало, что между результатами существует расхождение. Мы предполагаем, это вызвано тем, что на первоначальных этапах служебной деятельности сотрудники объективно считают свои возможности развитыми в недостаточной степени для того, как требует служба. Возможно, здесь имеет место некоторая «скромность» сотрудников с небольшим стажем, а, следовательно, занижение собственной оценки.

Были получены результаты оценивания важности выраженности компонентов психолого-акмеологической готовности к инновациям сотрудников со стажем службы в УИС более 5 лет, а также данные самооценки указанных сотрудников по тем же компонентам.

В отличие от предыдущих результатов здесь шкала «Я» превышает шкалу «Важно». Как мы считаем, данное явление объясняется тем, что сотрудники с большим опытом знают службу и понимают, какие качества и на каком уровне

не развития необходимы для службы в УИС. Собственные качества, как следует из полученных результатов, они оценивают в среднем выше, чем необходимо для службы. Это явление, на наш взгляд, можно связать с адекватной либо с нескролько завышенной самооценкой.

Особое внимание мы обратили на то, что в среднем результаты самооценки исследованных с помощью анкеты «Определение психолого-акмеологической готовности к инновациям» качеств сотрудников, чей стаж службы в УИС больше 5 лет, выше, чем результаты сотрудников со стажем службы в УИС менее 5 лет.

Данное явление мы объясняем тем, что опытные сотрудники значительно более уверены в своих профессиональных возможностях, чем менее опытные. Первые длительной практикой имели возможность проверить соответствие своих качеств личности с предъявляемыми. В результате относительно указанных пунктов в анкете средний балл у сотрудников со стажем службы в УИС более 5 лет выше.

Результаты оценивания степени важности компонентов психолого-акмеологической готовности к инновациям показали, что в среднем сотрудники со стажем менее 5 лет завышают оценку указанных компонентов. Более же опытные сотрудники в среднем имеют показатели ниже. В данном случае, мы предполагаем, что завышение оценки у менее опытных сотрудников происходит в результате действия фактора максимализма, результатом чего является излишнее преувеличение степени важности каждого компонента.

Сотрудники со стажем службы в УИС более 5 лет имеют в среднем меньшие значения по указанным компонентам.

Причину мы видим в том, что они в отличие от менее опытных в своих оценках руководствовались принципом оптимизации, под которым мы понимаем наличие соотношения ими понятий «эффективность» и «оптимальность» со степенью выраженности указанных в анкете компонентов.

В завершение подчеркнем, что исследование психолого-акмеологической готовности к инновациям у сотрудников УИС является перспективным в том плане, что позволит выявить необходимые качества и уровень их развития у личности, позволяющие продуктивно выполнять свои обязанности, особенно в условиях реформирования. Кроме того, это даст возможность создать надежный научно обоснованный диагностический инструментарий, а следовательно, выявлять лиц с различным уровнем психолого-акмеологической готовности. Подобное исследование будет практически полезно в таких направлениях, как профессиональный отбор кандидатов на службу, анализ эффективности работы сотрудников, профессиональная подготовка сотрудников, составление развивающих коррекционных программ [4, 5, 6, 11, 12, 13, 14].

Литература

1. Валдайцев С.В. Оценка бизнеса и инновации. — М., 1997.
2. Гаврина Е.Е. Специфика проявления коррумпированного поведения сотрудников правоохранительных органов // Прикладная юридическая психология. — 2010. — № 3. — С. 64–69.
3. Датий А.В., Дикопольцев Д.Е., Федосеев А.А. Интернет-конференция «Преобразование воспи-

тательных колоний в учреждения для содержания лиц, совершивших преступления в несовершеннолетнем возрасте» // Прикладная юридическая психология. — 2011. — № 3. — С. 181–182.

4. Датий А.В., Казберов П.Н. Создание базовых (типовых) психокоррекционных программ для работы с осужденными // Прикладная юридическая психология. — 2011. — № 1. — С. 216–218.

5. Датий А.В., Павленко А.А., Шаталов Ю.Н. Интернет-конференция «Совершенствование медико-санитарного обеспечения в уголовно-исполнительной системе» // Прикладная юридическая психология. — 2012. — № 1. — С. 178–179.

6. Датий А.В., Трубецкой В.Ф., Селиванов Б.С. Интернет-конференция «Профилактика социально значимых заболеваний в учреждениях уголовно-исполнительной системы» // Прикладная юридическая психология. — 2012. — № 2. — С. 151–152.

7. Платонова Н.М., Платонов М.Ю. Инновации в социальной работе: учеб. пособие для студ. вузов. — М.: Академия, 2011. — 256 с.

8. Кряклин К.В. К вопросу об актуальности изучения психодинамики личности сотрудников в процессе профессиональной адаптации к службе в УИС // Прикладная юридическая психология. — 2012. — № 4. — С. 76–78.

9. Общий курс менеджмента в таблицах и графиках: учеб. для вузов / под ред. Б.В. Прыкина. — М., 1998.

10. Лузиков А.В. Социальные инновации в социальной работе // Организационный журнал социальной работы. — 2003. — № 2. — С. 17.

11. Сочивко Д.В. Психодинамика гештальта открытой и скрытой агрессии в структуре личностного роста // Прикладная юридическая психология. — 2013. — № 3. — С. 35–41.

12. Сочивко Д.В., Крымова Ю.В. Психодинамика лояльности — толерантности: психодинамическая диагностика и эмпирическая типология // Прикладная юридическая психология. — 2012. — № 2. — С. 28–36.

13. Сочивко Д.В., Полянин Н.А., Голышева Ю.Н. Мужской и женский путь духовности в местах лишения свободы // Прикладная юридическая психология. — 2012. — № 1. — С. 60–75.

14. Сочивко Д.В., Чубич В.Э. Психодинамика удовлетворенностью жизнью и переживания счастья // Прикладная юридическая психология. — 2013. — № 3. — С. 59–68.

САМОРЕГУЛЯЦИЯ ФУНКЦИОНАЛЬНОГО СОСТОЯНИЯ У ОФИЦЕРОВ С ВЫСОКОЙ И НИЗКОЙ УДОВЛЕТВОРЕННОСТЬЮ РАБОТОЙ В УСЛОВИЯХ ДЛИТЕЛЬНОГО ВОЕННОГО РЕФОРМИРОВАНИЯ

П. А. Семяничева, А. С. Кузнецова

Аннотация: В статье раскрываются особенности саморегуляции функционального состояния военнослужащих в период проводимых в армии реформ в связи со спецификой субъективной оценки офицерами качества жизни и степенью стрессогенности различных аспектов профессиональной деятельности. Анализируются мотивационные ресурсы, а также актуализируемые стратегии совладания и средства саморегуляции состояния в период инновационных перестроек, провоцирующих рост напряженности жизни и профессионального труда офицеров. На основании собранных эмпирических данных выделяются функциональные компоненты саморегуляции и модели копинг-поведения, типичные для военнослужащих с разным уровнем удовлетворенности работой.

Ключевые слова: саморегуляция функционального состояния, профессиональный стресс, удовлетворенность трудом, копинг-поведение, мотивационные ресурсы, офицеры-военнослужащие, военные реформы.

Summary: The article reveals the characteristics of functional state self-regulation in officers under the long-term period of the military reform in connection with the special aspects of subjective evaluation of the life quality and the occupational stress degree. Motivational resources are analyzed, as well as the coping strategies and the functional state

self-regulation means, actualized under increased in recent years life and work tension. The functional components of self-regulation and coping behavior models, typical for military officers with different job satisfaction level, are identified.

Keywords: functional state self-regulation, occupational stress, job satisfaction, coping behavior, motivational resources, military officers, military reforms.

Инновационные преобразования, затрагивающие в настоящее время многие области государственного управления, представляют собой процессы широкомасштабных отраслевых реформ, нацеленных на модернизацию труда и повышение эффективности работы организаций отрасли [4, 14]. Очевидно, что отраслевые перестройки и организационные нововведения, встречающие позитивный отклик у специалистов, осознающих необходимость и своевременность изменений, в то же время воспринимаются как сложный и стрессогенный процесс. Исследования показывают, что при конструктивном отношении к отраслевым и организационным инновациям сотрудники рассчитывают в итоге на позитивные изменения в содержании и условиях труда и готовы с пониманием относиться к неизбежным трудностям, сопровождающим любой процесс изменений [9]. Вместе с тем характерная для переходных периодов выражен-

ная напряженность труда требует повышенной активизации индивидуальных ресурсов, способствующих успешному преодолению новизны и сложности инновационных задач. Среди них ресурсы саморегуляции функционального состояния (ФС) занимают особое по значимости положение, поскольку предполагают осознанную актуализацию и адекватное применение психологических средств, позволяющих профессионалу быть стрессоустойчивым к действию инновационных факторов и успешно адаптироваться к динамичной организационной среде [7].

Одним из ключевых интегральных критериев успешной адаптации к инновационному процессу выступает удовлетворенность работой, понимаемая как конструкт, обобщающий субъективное видение человеком всех составляющих трудового процесса в конкретных (в том числе организационных) условиях его осуществления с учетом баланса между уровнем притязаний сотрудника и возможностями их осуществления [1, 5, 13, 16]. Эффективная саморегуляция текущего функционального состояния может рассматриваться как один из ключевых факторов, обеспечивающих удовлетворенность работой: успешное применение адекватных ситуационным требованиям приемов и средств саморегуляции ФС усиливает стрессоустойчивость сотрудника, способствует поддержанию его работоспособности на высоком (либо приемлемом) уровне и тем самым повышает субъективное соответствие возможностей человека требованиям профессионального труда.

Инновационные преобразования, которые в настоящее время развернуты в сфере обороны, во многом основа-

ны на решении задач кадрового реформирования и повышения качества жизни офицеров в системе Министерства обороны РФ [12, 15]. За 5 лет, истекших с начала реформирования, изменились многие обстоятельства, касающиеся жизни и работы кадровых офицеров: установлены новая организационная структура армии и приоритеты страны в сфере обороноспособности, сокращены численный состав армии, количество воинских частей и офицерских должностей, увеличено денежное довольствие военнослужащих. Результат произошедших перемен стал весьма ощутимым, и военнослужащие пришли к определенному выводу о том, **что** именно реформа Вооруженных Сил изменила в их жизни и службе. Оценка результатов реформы отражается и в уровне удовлетворенности работой. Учитывая, что специалисты выделяют *субъективные факторы* (включающие интересы, потребности, возможности самореализации на основе актуализации потенциальных ресурсов) как одну из групп факторов, обуславливающих динамику удовлетворенности работой (наряду с *объективными факторами* как особенностями выполняемой работы по нормативным документам, включая полученный результат труда, и *организационными факторами*, представляющими собой организационный и социально-психологический контекст работы) [1], можно предположить, что у офицеров с высоким уровнем удовлетворенности работой система средств саморегуляции ФС поддерживает высокую способность адаптации к инновационным стрессорам.

Для проверки данного предположения было проведено исследование, *цель* которого — анализ субъективной оценки

качества жизни и стрессогенности рабочих ситуаций на фоне интенсивных отраслевых изменений как предпосылок к актуализации разных механизмов саморегуляции функционального состояния в профессиональной деятельности офицеров. Среди основных задач исследования были поставлены: 1) анализ восприятия офицерами специфики профессионального труда в условиях проводимых в армии реформ; 2) выявление различий в оценке сложившейся ситуации и особенностей саморегуляции функционального состояния у офицеров с высокой и низкой удовлетворенностью работой.

Для сбора эмпирических данных был сформирован диагностический пакет, в который включены: анкета «Оценка удовлетворенности работой» В.А. Розановой [2], опросник «Оценка качества жизни» И.А. Гундарова и А.А. Полесского [11], опросник трудового стресса Ч. Спилбергера в адаптации А.Б. Леоновой и С.Б. Величковой [8], опросник «Стиль саморегуляции поведения» (ССПМ) В.И. Моросановой [10], опросник «Копинг-поведение в стрессовых ситуациях» (КПСС – CISS) Н. Эндлера и Дж. Паркера в адаптации Т.Л. Крюковой [6], опросник «Стратегии преодоления стрессовых ситуаций» С. Хобфолла в адаптации Н.Е. Водопьяновой и Е.С. Старченковой [3], анкета для оценки субъективно важных характеристик деятельности, по данным которой рассчитывается индекс потенциальной мотивации работы [8]. Заполнение методик происходило на условиях полной анонимности и конфиденциальности; ограничений по времени и месту заполнения не было. Полученные данные обрабатывались при

помощи статистического пакета SPSS 16.0 для Windows.

В исследовании приняли участие 130 военнослужащих в возрасте от 20 до 42 лет. Все респонденты — мужчины с высшим профессиональным образованием, в офицерском звании, со средним сроком выслуги 8,5 года. Почти 60% опрошенных на момент исследования состояли в браке, почти 70% из них имели детей (по анкетным данным, 127 человек).

На первом этапе исследования мы изучали особенности субъективной оценки качества жизни, степени стрессогенности работы, мотивационной направленности и характера саморегуляции состояния офицеров в период проведения масштабных реформ и организационных перестановок в армии. Анализ данных позволил выявить следующие факты.

Общий уровень качества жизни респонденты оценивают как нормальный. Максимально высокие оценки по сравнению с другими параметрами военнослужащие дают наличию социальной поддержки ($M=88,14/\sigma=15,948$) и состоянию сексуальной жизни ($M=81,40/\sigma=23,676$); наиболее низко оценивают качество жизни по параметрам материального достатка ($M=48,93/\sigma=22,803$), жилищных условий ($M=45,89/\sigma=26,615$), работы ($M=60,98/\sigma=15,946$) и степени реализации духовных потребностей ($M=57,83/\sigma=22,533$). Отметим, что показателей с чрезмерно низкими оценками нет. Учитывая эти данные, можно констатировать, что уровень своей жизни офицеры относят к нормальному во многом благодаря их основному ресурсу — поддержке близких людей, прежде

Рис. 1. Показатели субъективной оценки качества жизни по всей выборке обследованных (n = 129)
 (штриховкой выделены параметры с наиболее высокими оценками, черным — параметры, попавшие в диапазон сниженного качества жизни)

всего членов семьи, так как они удовлетворены качеством отношений в социальной и межличностной сфере (рис. 1).

Наиболее выраженными *стресс-факторами* в трудовой деятельности военнослужащих являются следующие (рис. 2):

- сверхурочная работа ($M=37,07/\sigma=21,309$);
- чрезмерная нагрузка по работе с документацией ($M=31,76/\sigma=20,618$);
- отсутствие или недостаток времени для удовлетворения личных нужд и отдыха во время рабочих часов ($M=32,60/\sigma=21,587$);
- необходимость выполнять работу за других ($M=35,87/\sigma=22,108$);
- несправедливость в оплате труда или распределении материальных поощрений ($M=34,27/\sigma=23,539$);
- несоответствие поручаемых за-

дач профессиональным обязанностям ($M=34,33/\sigma=20,797$);

- ограниченные возможности профессионального роста ($M=33,26/\sigma=19,860$) (график).

Анализируя данные о субъективной оценке степени стрессогенности профессионально-организационной среды, можно выделить основные группы факторов трудового стресса: 1) в первую очередь, это, безусловно, факторы недовольства содержанием деятельности и вознаграждением за труд (не соответствующий принятым обязанностям характер задач, уровень зарплаты и др.); 2) факторы чрезмерной нагрузки и отсутствия профессиональных перспектив (сверхурочная работа, работа за других, которая дополнительно не оплачивается). Отметим, что потенциальная мотивация на продолжение работы в выбран-

Рис. 2. Профиль субъективных оценок степени стрессогенности профессионально-организационной среды по всей выборке обследованных (n=129)

(черным выделены наиболее выраженные по весу профессиональные стресс-факторы, горизонтальная ось показывает границу умеренного и выраженного стресса)

ном направлении при этом выражена весьма умеренно ($M=88,09/\sigma=59,430$); по сути, офицеры находятся в процессе принятия решения о том, имеет ли для них смысл продолжать данную деятельность.

С целью получения интегральных показателей, отражающих обобщенные причины негативной динамики ФС, была проведена факторизация первичных показателей выраженного трудового стресса и качества жизни (по методу главных компонент с варимакс-вращением). В результате были выделены 6 факторов, объясняющих 83% суммарной дисперсии признаков: 1) высокая нагрузка и недостаток личного времени; 2) несправедливость в оплате труда; 3) выполнение работы за других; 4)

сложность профессионального роста и развития; 5) неблагоприятные условия проживания; 6) неудовлетворенность духовных потребностей (рис. 3).

Данные о характере процессов саморегуляции у обследованных военнослужащих показали, что общий уровень саморегуляции активности достаточно высок ($M=35,71/\sigma=6,109$). При этом все функциональные компоненты данной системы выражены на среднем уровне. Что касается особенностей копинг-поведения офицеров, то первичный анализ позволил установить: применение стратегий проблемно-ориентированного и ориентированного на избегание копинг-поведения выражены у испытуемых на среднем уровне ($M=57,38/\sigma=8,195$ и $M=43,45/$

Рис. 3. Структура субъективно значимых факторов развития неблагоприятного функционального состояния офицеров и их факторный вес, $h^2 = 83\%$

$\sigma=10,615$ соответственно), а стратегия эмоционально-ориентированного копинга свойственна респондентам в гораздо меньшей степени ($M=33,47/\sigma=9,527$ — низкий уровень). Таким образом, несмотря на низкие оценки качества жизни по отдельным параметрам и высокие оценки стрессогенности профессионального труда в инновационный период, военнослужащие обладают неплохими ресурсами для преодоления трудной ситуации: это отражают показатели саморегуляции активности и проблемно-ориентированного копинга. Вместе с тем примерно в той же степени военнослужащие используют избегание как привычную стратегию преодоления стресса.

Удовлетворенность работой респондентов составила 38,64 ($\sigma=9,083$) балла, что говорит о наличии признаков некоторой неудовлетворенности офицеров текущей профессиональной ситуацией. Множественный регрессионный анализ показал, что в качестве наиболее значимых предикторов удовлетворенности работой выступают:

1) обстоятельства жизни и профессионального труда, субъективно интерпретируемые военнослужащими как значимые источники напряженности — выделенные интегральные факторы содержания труда, организационных условий и качества жизни;

2) используемые для преодоления стресса стратегии проблемно-ориентированного копинга, модели асертивного копинг-поведения и импульсивных действий (рис. 4).

Рассчитанная регрессионная модель взаимосвязей удовлетворенности работой, субъективно-значимых причин формирования неблагоприятного функционального состояния и особенностей копинг-поведения объясняет 62% дисперсии показателя удовлетворенности работой ($R^2=0,616$, $p<0,001$) и получена обратным пошаговым методом. Она показывает: чем больше офицеры недовольны качеством жизни и аспектами трудовой деятельности, связанными с факторами нагрузки, профессионального роста, оплаты и условий проживания, тем меньше они удовлетворе-

Рис. 4. Предикторы удовлетворенности работой (сплошной линией обозначены прямые корреляционные связи, штриховой — обратные)

ны своей работой. При этом проявление военнослужащими уверенных действий в трудных ситуациях может повышать их удовлетворенность. В то же время чем больше активности офицеры направляют на решение своих проблем для снижения степени стрессогенности работы, тем ниже их удовлетворенность работой — возможно, вследствие того, что они используют малоэффективные модели копинг-поведения (например, импульсивные действия).

Таким образом, собранные данные показали: субъективная оценка офицерами качества своей жизни, содержания и условий труда в сочетании с уровнем неудовлетворенности работой показывают наличие заметной психологической напряженности и недовольства текущей профессиональной ситуацией, включающей в себя неопределенность статуса военнослужащего и его социальную незащищенность, а также проведение масштабных реформ в рамках всей отрасли. Среди вероятных объективных причин этого можно указать на нестабильность социального обеспече-

ния военнослужащих, улучшение которого проходит медленно и с переменным успехом в глазах самих офицеров: интенсивные инновационные процессы в армии, создающие ситуацию неопределенности из-за частой смены регламентов и условий работы, наряду с позитивными результатами влекут за собой высокую нагрузку, жесткие условия карьерного продвижения, чувство неуверенности в будущем и другие негативные последствия. При этом важно, что уровень потенциальной мотивации показывает сохраняющуюся направленность офицеров на продолжение своей профессиональной деятельности.

Анализируя ресурсы саморегуляции, можно сделать вывод о том, что в условиях длительного военного реформирования офицеры проявляют достаточно высокий уровень саморегуляции своей активности, а при столкновении с трудными ситуациями склонны достаточно активно искать пути их преодоления, не погружаясь в эмоциональную оценку происходящего — несколько лет существования в постоянно меняющейся

организационной среде показали им неэффективность такого подхода. Вместе с тем ограниченные возможности влияния на нововведения, возможно, провозируют их на обращение к копинг-стратегии избегания как субъективно приемлемого выхода из-под давления обстоятельств. Как показали данные регрессионного анализа, для обеспечения достаточно высокого уровня удовлетворенности важно не только активно работать с имеющимися проблемами, но и проявлять ассертивные действия, не давая, например, выхода импульсивным реакциям на происходящее.

На втором этапе исследования сравнивались особенности саморегуляции функционального состояния у офицеров с разным уровнем удовлетворенности работой (УР). Для выявления различий в актуализации конкретных стратегий и приемов саморегуляции функционального состояния были выделены две крайние группы респондентов — с высокими и низкими показателями УР:

группа 1 — офицеры, удовлетворенные работой или имеющие минимальные признаки неудовлетворенности (нормальный уровень удовлетворенности): $УР \leq 34$; $M=29,63 / \sigma=4,307$ (всего — 46 чел., или 35,7% выборки);

группа 2 — офицеры, не удовлетворенные своей работой (сниженный уровень удовлетворенности: $УР \geq 41$; $M=48,43 / \sigma=5,376$ (всего — 47 чел., или 36,4% выборки).

Сравнение групп офицеров с высоким и низким уровнем УР производили при помощи критериев t — Стьюдента и U — Манна-Уитни.

По результатам описательной статистики офицеры группы 1 с нормальным уровнем УР достаточно низко оце-

нивают качество своей жизни по параметрам материального достатка ($M=58,37 / \sigma=21,809$) и жилищных условий ($M=54,35 / \sigma=28,218$). Основными источниками напряженности в профессиональной деятельности для них являются сверхурочная работа ($M=27,65 / \sigma=19,505$), нагрузка при работе с документацией ($M=28,91 / \sigma=21,015$), жесткие сроки исполнения заданий ($M=28,59 / \sigma=17,537$), недостаток времени для удовлетворения личных нужд и отдыха ($M=29,26 / \sigma=19,621$), необходимость выполнять работу за других ($M=27,91 / \sigma=18,546$). При этом существенно, что ни один из показателей не попадает в диапазон выраженного стресса.

По результатам исследования особенностей саморегуляции функционального состояния уровень выраженности большинства копинг-стратегий средний, а эмоционально-ориентированного копинга — низкий ($M=31,61 / \sigma=10,325$). Показатели всех моделей копинг-поведения попадают в диапазон низких оценок, за исключением импульсивных действий, степень выраженности которых ($M=16,98 / \sigma=3,214$), остальные типы действий попадают в диапазон средних оценок. Офицеры данной группы имеют высокий общий уровень саморегуляции активности ($M=36,22 / \sigma=5,719$) и развитый функциональный компонент моделирования условий ($M=7,17 / \sigma=1,495$). Индекс потенциальной мотивации военнослужащих данной группы составил 101,13 балла ($\sigma=65,671$), что отражает умеренную мотивацию на продолжение работы на прежнем месте.

Офицеры группы 2 со сниженным уровнем УР характеризуются более ши-

роким набором негативных оценок качества жизни, которые при этом значимо ниже значений показателей респондентов первой группы. К ним относятся: материальный достаток ($M=36,91/\sigma=22,374$; $t=4,682$, $p<0,001$), жилищные условия ($M=37,45/\sigma=23,680$; $t=3,131$, $p=0,002$), экология и быт в месте проживания ($M=54,11/\sigma=18,788$; $t=3,669$, $p<0,001$), развлечения и отдых ($M=52,87/\sigma=18,730$; $t=4,522$, $p<0,001$), работа ($M=50,73/\sigma=14,319$; $t=5,916$, $p<0,001$), духовные потребности ($M=49,36/\sigma=23,257$; $t=3,819$, $p<0,001$).

В данной группе количество источников трудового стресса больше, степень их стрессогенности более высока, чем у офицеров из группы 1 (по данным статистического сравнения). К этим источникам относятся:

неприятные обязанности ($M=34,34/\sigma=16,629$; $z=-3,011$, $p=0,003$);

сверхурочная работа ($M=48,19/\sigma=21,001$; $z=-4,367$, $p<0,001$);

ограниченные возможности профессионального роста ($M=45,60/\sigma=20,737$; $z=-5,087$, $p<0,001$);

невыполнение сотрудниками обязанностей ($M=32,34/\sigma=16,952$; $z=-2,935$, $p=0,003$);

недостаточная поддержка руководства ($M=40,77/\sigma=18,488$; $t=-5,375$, $p<0,001$);

отсутствие одобрения и похвалы ($M=37,02/\sigma=19,710$; $t=-4,201$, $p<0,001$);

несоответствие поручаемых задач обязанностям ($M=43,34/\sigma=23,265$; $z=-3,944$, $p<0,001$);

плохое оборудование ($M=36,15/\sigma=19,609$; $t=-3,285$, $p=0,001$);

повышенная ответственность

($M=31,81/\sigma=19,268$; статистически значимые различия не обнаружены);

несправедливость в оплате ($M=45,00/\sigma=24,545$; $t=-4,028$, $p<0,001$);

борьба за продвижение по службе ($M=31,51/\sigma=20,327$; $z=-2,850$, $p=0,004$);

нагрузка по работе с документацией ($M=37,53/\sigma=20,294$; $t=-2,012$, $p=0,047$);

необходимость выполнять работу за других ($M=46,38/\sigma=22,939$; $t=-4,265$, $p<0,001$);

низкая мотивация сослуживцев ($M=40,89/\sigma=19,532$; $t=-4,385$, $p<0,001$).

Эти показатели попадают в диапазон выраженных источников стресса. Кроме того, по результатам сравнения групп респонденты более высоко оценивают стрессогенность и ряд других факторов профессионально-организационной среды, например: «необходимость выполнять новые или совершенно незнакомые задания» ($M=27,70$, $\sigma=17,361$; $z=-2,554$, $p=0,011$), «необходимость преодолевать кризисные ситуации» ($M=28,98$, $\sigma=13,329$; $t=-3,303$, $p=0,001$).

Показатели функциональных компонентов саморегуляции активности, а также выраженности всех стратегий и моделей копинг-поведения находятся в среднем диапазоне. Общий уровень саморегуляции активности у респондентов группы 2 высокий ($M=36,64/\sigma=6,208$). Индекс потенциальной мотивации у офицеров, не удовлетворенных своей работой, составил 74,31 балла ($\sigma=58,231$), что гораздо ниже, чем у офицеров из группы 1. Значимые различия по параметрам саморегуляции функционального

Таблица 1

Значимые различия составляющих системы средств саморегуляции функционального состояния и мотивационной направленности у респондентов с нормальным и сниженным уровнем удовлетворенности работой

Показатели	Нормальный уровень УР	Данные сравнения	Сниженный уровень УР
Стратегия эмоционально-ориентированного копинга	M=31,61 ($\sigma=10,325$)	t=-2,252 (p=0,027)	M=36,04 ($\sigma=8,600$)
Модель копинг-поведения «Манипулятивные действия»	M=19,04 ($\sigma=3,777$)	t=-2,310 (p=0,023)	M=20,77 ($\sigma=3,409$)
Модель копинг-поведения «Агрессивные действия»	M=15,67 ($\sigma=4,899$)	t=-2,418 (p=0,018)	M=18,04 ($\sigma=4,544$)
Моделирование условий как компонент саморегуляции	M=7,17 ($\sigma=1,495$)	t=2,212 (p=0,029)	M=6,43 ($\sigma=1,754$)
Индекс потенциальной мотивации	M=101,13 ($\sigma=65,671$)	t=2,085 (p=0,040)	M=74,31 ($\sigma=58,231$)

состояния у офицеров с высокой и низкой удовлетворенностью работой представлены в таблице 1.

Таким образом, по результатам сравнительного анализа субъективных оценок качества жизни, степени стрессогенности факторов профессиональной деятельности и организационной среды можно констатировать, что офицеры группы сниженного уровня удовлетворенности работой в большей степени чувствительны к негативным последствиям сложившейся социально-экономической ситуации в армии и аспектам проводимых изменений; по видимому, данная группа обследованных военнослужащих более подвержена негативному влиянию факторов напряженности в жизни и работе и более остро реагирует на «вызовы» современной ситуации и многочисленные реформы в армии [9, 14]. Существенно, что для этих респондентов характерно заде-йствование менее эффективных с точки зрения организационных норм стратегий и моделей совладания с инноваци-

онным стрессом и трудными профессиональными ситуациями: они в большей степени, чем остальные респонденты, прибегают к агрессивным действиям, эмоционально фиксируются на ситуации, не чувствуя контроля над происходящим.

Можно предположить, что различия в восприятии процессов реформирования в Вооруженных Силах РФ и субъективной оценке социально-экономической ситуации в армии и ее будущих перспектив связаны с актуализацией разных ресурсов саморегуляции функционального состояния офицеров. Снижение уровня их удовлетворенности своей работой можно рассматривать как результат применения средств саморегуляции, не адекватных требованиям текущей ситуации инновационных преобразований. Данное предположение подтверждает тот факт, что офицеры, удовлетворенные своей работой, обладают более развитым компонентом моделирования своей активности, связанным с анализом и выде-

лением условий, значимых для достижения целей.

В качестве основных выводов проведенного исследования можно сделать следующие заключения.

Реформы в крупных отраслях государственного функционирования, тем более в такой значимой для страны сфере, как Вооруженные Силы РФ, далеко не всегда проходят гладко и безболезненно: обследованные офицеры рассматривают возрастающую рабочую нагрузку и сложные условия труда и жизни как весомые стрессогенные факторы.

Напряженность обстановки в период длительного реформирования армии создает предпосылки к развитию хронических функциональных состояний сниженной работоспособности и провоцирует у некоторых военнослужащих актуализацию неэффективных стратегий и средств саморегуляции состояния по типу избегания, агрессивных форм поведения и эмоциональной фиксации на неприятностях.

Применение неэффективных стратегий и моделей копинг-поведения характерно для офицеров, более остро воспринимающих негативную сторону естественных для инновационного периода трудностей в период проводимых реформ и не удовлетворенных своей работой. В противовес этому опора на опережающее моделирование своих действий с учетом значимых для текущей ситуации условий является важной составляющей более успешной саморегуляции у офицеров, уровень удовлетворенности работой у которых выше.

Литература

1. Абдуллаева М.М. Диагностика особенностей субъективного смысла профессиональной деятель-

ности // Психология психических состояний / под ред. А.О. Прохорова. — Казань: Отечество, 2009. — Вып. 7. — С. 128–145.

2. Верещагина Л.А. Оценка удовлетворенности работой // Практикум по психологии менеджмента / под ред. Г.С. Никифорова, М.А. Дмитриевой, В.М. Снеткова. — СПб.: Питер, 2003. — С. 311–321.

3. Водопьянова Н.Е., Старченкова Е.С. Стратегии и модели преодолевающего поведения // Практикум по психологии менеджмента / под ред. Г.С. Никифорова, М.А. Дмитриевой, В.М. Снеткова. — СПб.: Речь, 2003. — С. 311–321.

4. Кабаченко Т.С. Психология в управлении человеческими ресурсами. — СПб.: Питер, 2003. — 400 с.

5. Кирхлер Э., Хельцл Э. Дизайн работ в организациях. — Харьков: Гуманитар. центр, 2003. — 212 с.

6. Крокова Т.Л. Методы изучения совладающего поведения: три копинг-шкалы. — Кострома: Аванти-тул, 2007.

7. Кузнецова А.С., Ерипова В.А., Титова М.А. Саморегуляция функционального состояния на разных этапах профессионального развития // Вестн. Моск. ун-та. — Сер. 14. Психология. — 2010. — № 2. — С. 82–91.

8. Леонова А.Б., Величковская С.Б. Дифференциальная диагностика состояний сниженной работоспособности // Психология психических состояний / под ред. А.О. Прохорова. — Казань: Центр инновационных технологий, 2002. — Вып. 4. — С. 326–343.

9. Леонова А.Б., Мотовилина И.А. Профессиональный стресс в процессе организационных изменений // Психолог. журнал. — 2006. — Т. 27. — № 2. — С. 79–92.

10. Моросанова В.И. Опросник «Стиль саморегуляции поведения» (ССПМ): руководство. — М.: Когито-Центр, 2004. — 44 с.

11. Практикум по психологии здоровья / под ред. Г.С. Никифорова. — СПб.: Питер, 2005. — 351 с.

12. Семянищева П.А. Психологические ресурсы преодоления стресса в ситуации отраслевых организационных изменений (на контингенте военнослужащих) // Вестн. Моск. ун-та. — 2013. — № 1. — С. 123–135.

13. Свенцицкий А.Л. Удовлетворенность персонала своей работой // Психология управления: хрестоматия (под ред. Д.Я. Райгородского). — М.: Бахрах-М, 2006. — С. 587–600.

14. Советова О.С. Основы социальной психологии инноваций. — СПб.: Изд-во Санкт-Петерб. ун-та, 2000. — 152 с.

15. О некоторых вопросах Вооруженных Сил Российской Федерации: Указ Президента Рос. Федерации от 29 декабря 2008 г. № 1878 (выписка) [Электронный ресурс] // Официальный сайт Президен-

та России. — URL: <http://text.document.kremlin.ru/SESSION/PILOT/main.htm>.

16. Bessing A., Bissels Th. (1998). Different forms of work satisfaction: Concept and qualitative research // European Psychologist. Vol. 3(3). — Pp. 209–218.

17. Leonova A.B. (1996). Occupational stress, personnel adaptation, and health. In CD / Spielberg & I.G. Sarason (Eds.), Stress and emotion: Anxiety, anger, and curiosity. — Vol. 16. — Pp. 109–125. — Washington, DC: Taylor & Francis.

КОНФЛИКТ КАК ИНСТРУМЕНТ РАЗВИТИЯ ЛИЧНОСТИ

Ю. В. Оболонский, И. С. Кожевников

Аннотация: в конфликтологической практике при детальном разборе конфликтов и психологических особенностей оппонентов выяснилось, что многие конфликты, будь то межличностные, политические или организационные, направляются субъективно-личностными факторами, в том числе спровоцированными, неосознаваемыми, психическими явлениями, а также внутриличностными конфликтами. Следовательно, если необходимо устранить конфликт, надо заниматься в первую очередь не только декларируемыми объективными причинами, а психологическими особенностями оппонентов, реальными мотивами их конфликтного поведения, разбираться во внутренних условиях их возникновения и скорректировать их за счет осуществления влияния на оппонентов, причем таким образом, чтобы противоречие, приведшее к конфликту, воспринималось ими как задача, имеющая конструктивное решение.

Ключевые слова: психология, развитие личности, конфликт, система Дилтса, пирамида Маслоу.

Summary: in conflict-coping practice during the detailed parsing of conflicts, psychological peculiarities opponents revealed that many conflicts, whether per-

sonal, political or organizational, toward subjectively-private factors, including, in-cited, unconscious, psychic phenomena, and, inword conflicts. Hence, if you want to resolve the conflict, we need doing-not only the declared objective reasons, and psychological features of opponents, the real motivation of their conflict behavior. Need to sort out their internal conditions and adjust them by exercising influence on opponents, and thus to a contradiction, which led to the conflict is perceived as a problem of having a constructive solution.

Keywords: psychology of personality development; conflict; system of Diltis; Maslow's pyramid.

Возможно ли использовать кризис, который возник в душе человека для рывка вперед, для развития личности? Для ответа на этот вопрос раскроем механизм возникновения конфликта и его дальнейшего использования в психотерапевтической практике.

В проблемах конфликтов совершенно справедливо утверждается, что источниками конфликтов являются разного рода противоречия, имеющие объективный или субъективный характер. При этом объективные противоречия могут быть устранены, а это нейтрализи-

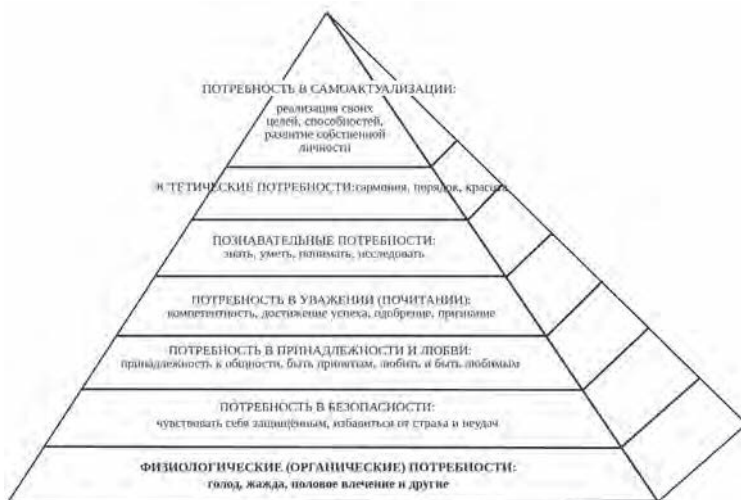

Рис. 1. Диаграмма иерархии человеческих потребностей по А. Маслоу.
Ступени (снизу вверх): 1) физиологические; 2) безопасность; 3) любовь / принадлежность к чему-либо; 4) уважение; 5) познание; 6) эстетические; 7) самоактуализация

зует причину конфликта, в результате он не возникает. Существенно сложнее ситуация, когда объективные противоречия трансформируются в субъективные, причем последние реально начинают играть главную роль. В итоге внутриличностный конфликт становится определяющим, внося разлад в его систему ценностей, потребностей и мотивации человека.

Термины «потребность» и «мотив» давно устоялись в психологии и других гуманитарных науках, сохранив и модифицировав значения, закрепившиеся в русском языке.

Как связать жизненную активность, проявление энергии, включенной в энергетические отношения со средой, с потребностью? Различаются ли потребности и мотивы? Ряд психологов начала XX в. рассуждали об элементах личности, состоящих из знаний и стремлений,

врожденных и приобретенных, об элементах, сочетающихся в группах, сопровождающихся переживаниями, чувствами. В личности возникает центр стремлений, уравнивающий их. Стремления и переживания при их концентрации порождают действия.

Я совершенно убежден, что человек живет хлебом единым только в условиях, когда хлеба нет, разъяснял Абрахам Маслоу. Но что случается с человеческими стремлениями, когда хлеба вдоволь и желудок всегда полон? Появляются более высокие потребности, и именно они, а не физиологический голод, управляют нашим организмом. По мере удовлетворения одних потребностей возникают другие, все более и более высокие. Так постепенно, шаг за шагом человек приходит к потребности в саморазвитии — наивысшей из них. А. Маслоу прекрасно осознавал, что удовлетворе-

ние примитивных физиологических потребностей — основа основ. В его представлении идеальное счастливое общество — это в первую очередь общество сытых людей, не имеющих повода для страха или тревоги. Если человек, например, постоянно испытывает недостаток в еде, вряд ли он будет остро нуждаться в любви. Однако тот, кто переполнен любовными переживаниями, все равно нуждается в пище, причем регулярно (даже если дамские романы и утверждения обратное). Под сытостью А. Маслоу подразумевал не только отсутствие перебоев с питанием, но и достаточное количество воды, кислорода, сна и секса. Формы, в которых проявляются потребности, могут быть разными, здесь нет единого стандарта. У каждого из нас свои мотивации и способности. Поэтому, например, потребность в уважении и признании у разных людей может проявляться неодинаково: одному необходимо стать выдающимся политиком и завоевать одобрение большинства своих сограждан, а другому вполне достаточно, чтобы собственные дети признавали его авторитет. Такой же широчайший диапазон в рамках одной и той же потребности можно наблюдать на любой ступени пирамиды, даже на первой (физиологические потребности).

Последние три уровня — «познание», «эстетические» и «самоактуализация» — в общем случае называют потребностью в самовыражении (или потребностью в личностном росте).

А. Маслоу признавал, что люди имеют множество различных потребностей, и полагал, что эти потребности можно разделить на пять основных категорий:

физиологические: голод, жажда, половое влечение и т. д.;

потребности в безопасности: комфорт, постоянство условий жизни;

социальные: связи, общение, привязанность, забота о другом и внимание к себе, совместная деятельность;

престижные: самоуважение, уважение со стороны других, признание, достижение успеха и высокой оценки, служебный рост;

духовные: познание, самоактуализация, самовыражение, самоидентификация.

По мере удовлетворения низлежащих потребностей все более актуальными становятся потребности более высокого уровня, но это вовсе не означает, что место предыдущей потребности занимает новая, только когда прежняя удовлетворена полностью. Также потребности не находятся в неразрывной последовательности и не имеют фиксированных положений, как это показано на схеме. Такая закономерность имеет место как наиболее устойчивая, но у разных людей взаимное расположение потребностей может варьировать.

На каждом уровне возникает стремление к переходу на более высокий, и как венец стремления — самоактуализация. Важно заметить, что каждая из потребностей необязательно должна быть утолена полностью — достаточно частично насыщения для перехода на следующую ступень. Для удовлетворения потребности необходим образ, набор качеств и требований, к реализации которых на каждом уровне стремится человек. Это есть наше Я-идеальное, и для соответствия ему в нас возникает активность.

Человек на каждом уровне пирамиды представляет из себя Я-реальное — образ себя, который складывается из

Рис. 2. Пирамида логических уровней Р. Дилтса

собственных представлений и мнений окружающих людей. В жизненной динамике постоянно идет соотнесение в сознании этих двух образов: Я-идеальное и Я-реальное. При их совпадении возникает внутренняя гармония и удовлетворение моментом. В обратном случае возникает недовольство, расстройство и, как следствие, внутриличностный конфликт.

Не всегда человек может качественно оценить и построить образ Я-реальное. Обычно множественные роли, которые он на себя примеряет в повседневных делах, переплетаются, накладываются друг на друга, путаются одно с другим. Обычно в психотерапевтической практике для построения образа Я-реального используют пирамиду логических уровней Р. Дилтса.

Наверное, многие знают притчу о слепых мудрецах, которые пытались понять, что же представляет собой слон. Один ощупал ухо, другой — ногу, тре-

тий — хобот, четвертый — хвост, и каждый пытался рассказать только о том, что потрогал сам. В результате ни одно из описаний не соответствовало реальности, а мудрецы только напрасно спорили между собой. Примерно такая же ситуация возникает у человека, который изучил несколько типологий личности: с одной стороны, вроде бы каждая из них описывает что-то вполне правдиво, с другой — при попытке совместить их между собой часто оказывается, что они в чем-то противоречат друг другу.

Возникает вопрос: как же перейти от этих фрагментарных описаний к целостному видению и существует ли оно? Представим себе, что мудрецы из притчи вдруг перестали спорить между собой, а внимательно выслушали друг друга, да еще и учли при этом, кто из них где стоял по отношению к слону, когда они его ощупывали. Очевидно, что описание, которое они составят после это-

го, на настоящего слона будет похоже гораздо больше. Иными словами, чтобы собрать из разрозненных описаний целостное видение, нужна некая схема того, как эти описания соотносятся между собой, где кончается одно и начинается другое, а также где проходят границы между ними. Следовательно, имеет смысл структурировать суждения типологов относительно тех или иных свойств типов личности, принадлежащих к определенным типологиям, а соответственно — и типологий. Как мы покажем далее, удобной основой для такого структурирования может служить пирамида логических уровней Дилтса, используемая в НЛП для описания убеждений.

Пирамида предлагает классификацию убеждений в зависимости от той информации, которую они несут; для определения уровня (класса, в который попадает убеждение) часто используют «вспомогательный вопрос», на который «отвечает» убеждение. Перечислим логические уровни («снизу вверх», от самого конкретного к самому абстрактному) с соответствующими вопросами:

окружение (применительно к типологиям личности обычно это физиология) — как он выглядит?

поведение — что он делает?

стратегии и способности — как он это делает? что он может?

ценности — что для него важно, ради чего он это делает?

самоидентификация — кто он? как он себя представляет?

миссия — кто он в контексте внешнего мира?

Как видим, чем ниже уровень в пирамиде, тем более формально описание личности и ее типа; чем более вы-

соким и абстрактным является уровень — тем больше в ответе на его вопрос доля субъективных убеждений личности (которые, при всей их субъективности, описываются соответствующими типологиями).

Таким образом, с помощью пирамиды Дилтса мы описываем не только убеждения типировщика о типах личности и их свойствах, но и личные убеждения типлируемого, расставляя по уровням его картину мира.

Почти все типологии личности дают ответы на вопросы, соответствующие нескольким логическим уровням. Однако, как мы увидим далее, для большинства рассматриваемых типологий личности можно найти такой уровень, на котором будет сосредоточена та часть ответов, которая составляет основу, суть этой типологии, таких ответов, без которых применение типологии просто не имеет смысла.

Это уровень будем называть рабочим уровнем типологии. На остальные уровни (чаще всего соседние), как правило, попадают второстепенные с точки зрения этой типологии проявления свойств личности. Такие уровни будем называть вспомогательными. Например, соционика — типология третьего уровня, описывающая способности и стратегии восприятия различных видов информации, но каждый социотип имеет ряд признаков, которые проявляются в поведении и особенностях мимики и жестов, то есть попадают на второй уровень, иногда даже на первый, как статная осанка, типичная для логико-сенсорного экстраверта — «Штирлица». При этом в соционике из стратегий работы с информацией выводятся стратегии поведения, оптимального для обладателя того или

Таблица рабочих и вспомогательных уровней типологий личности

Типология	Область применения	Рабочий уровень	Вспомогательные уровни
Уровни развития личности по А. Подводному	Описание этапов личностно-го развития: восприятия своего места в мире и отношения к социальным программам на каждом этапе	6 — Миссия	5 — Самоидентификация
Архетипы Эль-Тат	Архетипическое описание глобальных жизненных задач	6 — Миссия	4 — Ценности
Архетипы Т. Четуинда	Роли человека в мистерии жизни	5 — Самоидентификация	6 — Миссия
Системно-векторная психология	Способы получения удовольствия от различных видов деятельности, их связь с определенными органами человека и архетипическими представлениями о ролях в первобытном социуме	5 — Самоидентификация	4 — Ценности 3 — Стратегии 2 — Поведение 1 — Окружение
Психософия	Отношение к четырем сферам Бытия: Воле, Эмоции, Логике, Физике: приоритеты, субъективная значимость и предпочитаемые способы самореализации в этих сферах	4 — Ценности	3 — Стратегии, 2 — Поведение, 1 — Окружение
Режиссура социальных игр	Стратегии и цели, определяющие стиль поведения человека в обществе и участие его в тех или иных психологических играх в берновском понимании	4 — Ценности	3 — Стратегии
Соционика	Особенности информационного метаболизма: восприятия информации об окружающем мире и ее усвоения, а также формы выдачи ответной реакции	3 — Стратегии и способности	2 — Поведение
ТУДИ	Стратегии мышления и фокусировки внимания на различных областях мира (отдельные объекты, процессы, карты, картины мироздания в целом)	3 — Стратегии	нет
Типология «Кроме людей»	Эмпирическим путем установленные поведенческие особенности и проблемы с социализацией, объясняемые через физиологию	2 — Поведение	1 — Окружение
Типология Юнга и МВТІ	Поведенческие особенности и стратегии мышления, связанные с преобладанием одних функций психики над другими	2 — Поведение	3 — Стратегии и способности

Типология Н. Мак-Вильямса	Акцентуации (избыточное проявление) тех или иных черт характера	2 — Поведение	3 — Стратегии
Травмы Л. Бурбо	Телесные проявления психологических травм, полученных в раннем детстве	1 — Окружение	2 — Поведение

иною социотипа, и ценностные аспекты как разновидности стратегии — какую информацию получать, какой избегать. И, наоборот, перечисление характерных для представителя типа действий занимает большую часть описания типов МВТИ или в типологии Юнга. Но много внимания уделено и способностям к действию и вытекающим из способностей макростратегиям (что хорошо, а что плохо получится, скажем, у мыслительного интроверта или у чувствующего экстраверта; каковы привычные для них паттерны, вытекающие из их способностей).

Рабочие и вспомогательные уровни для рассматриваемых нами типологий личности представлены в таблице.

В предложенной пирамиде типологий верхние уровни определяют цели, ради которых человек что-то делает, а более низкие являются инструментами для достижения этих целей и определяют, как человек будет эти цели достигать, какие инструменты будут ему доступны.

Если рассмотреть связь различных уровней на примере нескольких типологий, то получим следующее: типология Эль-Тат, «светлая» часть архетипов по Четуинду и уровни развития личности по Подводному описывают в виде метафорических образов глобальные жизненные задачи человека, то, ради чего он живет.

Архетипы по Четуинду и системно-векторная психология характеризуют са-

моощущение человека, его отношение к самому себе. Психософский тип и тип по режиссуре социальных игр описывают то, как выглядят локальные цели, связанные с реализацией этих жизненных задач, в каких областях они лежат, а также те ценности, которые мотивируют человека на движение к этим целям.

Соционика и ТУАИ отвечают за то, какие подходы человек будет использовать для достижения этих целей (например, сенсорик-экстраверт будет активно воздействовать на свое окружение для достижения нужных целей здесь и сейчас, не считаясь с затратами сил и средств, а интуит-интроверт — выжидать наиболее благоприятного момента, выискивать возможности добиваться той же самой цели, пусть за большее время, но с меньшими затратами), а типологии более низких уровней — описывают особенности поведения и физиологии, которые могут либо помогать, либо мешать двигаться к этим целям.

Таким образом, пирамида типологий предлагает целостный и объемный взгляд на личность человека сквозь сочетание типологических призм, разрезающая «противоречия» между ними; зная, какие детали значимы, какие нет, проще сохранить видение картины в целом, «видеть лес за деревьями». Четкое понимание принадлежности рабочего уровня типологии к тому или иному уровню пирамиды позволит отделить основные признаки от второстепенных и в резуль-

тате избежать ряда ошибок при проведении типирования. Например, в соционике стратегии информационного метаболизма более важны, чем поведенческие составляющие (а часто кажется в точности до наоборот: люди находят какую-то поведенческую составляющую, не подходящую им, и из-за этого отрицают свой тип).

Однако полезность пирамиды не исчерпывается разграничением типологий. На практике ее можно использовать для формализованного сбора информации о человеке по всем логическим уровням, о его представлениях о мире и о себе. Немаловажно, что также при помощи знания, формализованного в типологиях, проще будет выявлять и уточнять то, что осталось за кадром осознания самого человека. Все это дает возможности более полного изучения личности, выявления слабых и сильных сторон, поиска и подключения незадействованных ресурсов, проработки нересурсных убеждений и прочих ограничений. В этом и состоит суть решения возникающих внутриличностных конфликтов — необходимо посмотреть на себя с более высокого уровня. Было отмечено, что решение либо то, что может активно сдвинуть с мертвой точки проблему к совершенствованию, находится на 2 уровня выше проблемы. Именно оттуда и надо строить или перестраивать образ Я-реальный.

«Никакую проблему нельзя решить на том уровне, на котором она возникла», — так говорил А. Эйнштейн. После прохождения пути от первого до последнего уровня человек сможет ответить на главный вопрос: «Кто Я?». Ответ на него расставит все точки и над *i*, поможет в построении образа «Я», что-то до-

бавит, а что-то совсем уберет за ненадобностью.

Литература

1. *Антонян Ю.М.* Возможности архетипических объяснений криминологических явлений // Прикладная юридическая психология. — 2007. — № 1. — С. 6–14.
2. *Антонян Ю.М.* Образ человека как архетип // Прикладная юридическая психология. — 2008. — № 1. — С. 12–25.
3. *Арестова О.Н.* Искажения в мыслительной деятельности как результат мотивационного конфликта // Прикладная юридическая психология. — 2009. — № 1. — С. 86–98.
4. *Датий А.В., Дикопольцев Д.Е., Федосеев А.А.* Интернет-конференция «Преобразование воспитательных колоний в учреждения для содержания лиц, совершивших преступления в несовершеннолетнем возрасте» // Прикладная юридическая психология. — 2011. — № 3. — С. 181–182.
5. *Зазыкин В.Г., Оболонский Ю.В.* Психологическая реальность конфликтов. — М., 2012.
6. *Коваленко Б.В.* Психология конфликта: учеб. пособие. — М.: МОРСУ, 2000.
7. *Коваленко Б.В.* Конфликты: психологический анализ, диагностика и разрешение. — М.: МОРСУ; Академия ФПС России, 2001.
8. *Левин К.* Разрешение социальных конфликтов: пер. с англ. — СПб.: Речь, 2000.
9. *Леонгард К.* Акцентуированные личности. — Ростов н/Д: Феникс, 2000.
10. *Оболонский Ю.В.* Акмеологические условия и факторы управления организационным конфликтом. — М.: МААН, 2012.
11. *Савченко Т.Н.* Математическая психология в гуманитарных исследованиях // Прикладная юридическая психология. — 2009. — № 4. — С. 55–62.
12. *Сочивко Д.В.* Психология молодежных субкультур, или «Хлеба и зрелищ» на современный лад // Прикладная юридическая психология. — 2008. — № 1. — С. 131–141.
13. *Сочивко Д.В., Савельева Т.И.* Предимпозитивное «Я» — фокус эмпирических, теоретических и психотехнологических исследований в юридической психологии // Прикладная юридическая психология. — 2009. — № 1. — С. 45–55.
14. *Стрижов Е.Ю.* Теоретические и методические основы оценки нравственной надежности личности // Прикладная юридическая психология. — 2009. — № 1. — С. 6–16.
15. *Фролов А.И.* Новые книги по психологии // Прикладная юридическая психология. — 2009. — № 2. — С. 122–125.

ПРОФИЛАКТИКА АГРЕССИВНОГО ПОВЕДЕНИЯ, КАК ОДНОЙ ИЗ СОСТАВЛЯЮЩИХ ДЕСТРУКТИВНОГО ПОВЕДЕНИЯ ЛЮДЕЙ, НАХОДЯЩИХСЯ В МЕСТАХ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ.

А. Ф. Федоров

Аннотация: в статье отмечается, что существуют особенности личности осужденных, влияющие на их деструктивное поведение в местах отбывания наказания. Автор разработал мероприятия, направленные на профилактику снижения агрессивности поведения и рекомендации для администрации исправительного учреждения. Результаты исследования могут быть использованы для профилактики деструктивного поведения в исправительных учреждениях.

Ключевые слова: элементы деструктивного поведения, профилактика, агрессия, озлобленность, враждебность, адаптация, личность осужденного, отклоняющееся поведение.

Summary: In article it is specified, that there are features of the person condemned influencing destructive behavior in places of serving of punishment. The author has developed actions the decrease in aggressive behavior directed on preventive maintenance and recommendations for correctional facility administration. Results of research can be used for preventive maintenance of destructive behavior in correctional facilities.

Keywords: Elements of destructive behavior, preventive maintenance, aggression, embitterment, animosities, adaptation, the person condemned, deviating behavior.

В настоящее время в пенитенциарной системе России сложилась напряженная ситуация в связи с увеличением числа случаев агрессивного поведения, суицидов и аутоагрессии, то есть деструктивного поведения осужденных.

Элементы деструктивного поведения влияют на все стороны и механизмы общественной жизни. Прежде чем говорить об агрессии и агрессивном поведении людей, находящихся в местах лишения свободы, дадим понятие деструктивного (девиантного) поведения. Предметом рассмотрения будут только те аспекты поведения, которые можно расценивать как отклоняющееся, или девиантное, поведение. Все элементы деструктивного поведения, в том числе агрессивного, относятся к категории отклоняющегося поведения. Е.В. Змановская дает следующее определение деструктивного поведения: это устойчивое поведение личности, отклоняющееся от наиболее важных социальных норм, причиняющее реальный ущерб обществу или самой личности, а также сопровождающееся ее социальной дезадаптацией [10, с. 15]. Существует множество психологических классификаций видов отклоняющегося поведения. Так, Ю.А. Клейберг выделяет три основные группы поведенческих девиаций: негативные (например, употребление наркотиков), позитивные (социальное творчество и др.)

и социально-нейтральные (попрошайничество и др.) [11, с. 50].

Ц.П. Короленко и Т.А. Донских также систематизировали виды отклоняющегося поведения. По их мнению, все поведенческие девиации делятся на две большие группы: нестандартное и деструктивное поведение. Нестандартное поведение имеет форму нового мышления, новых идей, оно предполагает действия, которые выходят за рамки социальных стереотипов поведения, и большую активность вне пределов принятых норм, но играют позитивную роль в развитии общества. Типология деструктивного поведения выстраивается в соответствии с его целями. В одном случае это внешне деструктивные цели (нарушение социальных норм — правовых, морально-этических, культурных) и соответственно внешне деструктивное поведение. Во втором случае — внутри деструктивные цели (дезинтеграция самой личности, ее регресс) и соответственно внутреннее деструктивное поведение [12]. Агрессивное поведение, особенно в местах лишения свободы, надо отметить особо. Агрессия является одной из составляющих деструктивного поведения [2, 4, 5, 6, 7]. Согласно Р. Бэруну и Д. Ричардсону принято ее следующее рабочее определение: «Агрессия — любая форма поведения, нацеленная на оскорбление или причинение вреда другому живому существу, не желающему подобного обращения» [1, с. 26].

Существует мнение о том, что агрессивность и деструктивность — синонимы. Но большинство исследователей приходят к выводу: агрессия — одно из проявлений деструктивного поведения.

Если говорить о деструктивном поведении в местах лишения свободы, то

изоляция преступников в исправительных колониях приводит лишь к декомпенсации процесса. Субкультура насилия в условиях тюремного заключения не только усугубляет озлобленность, но и деформирует личность правонарушителя, нередко лишая его возможности дальнейшей ресоциализации. Если говорить о субкультуре, то она в любой социальной среде усугубляет криминальную обстановку. «В настоящее время молодежные субкультуры различных слоев российского общества, а также складывающиеся в различных учебных и иных учреждениях, обретают все большее влияние на развитие современного молодого человека. Это влияние может принимать опасные формы (криминализации или криминоподобности), складывающиеся в тех или иных субкультурах молодежи.

Изучение психологических механизмов формирования мировоззренческих установок и индивидуально-психологических особенностей молодых людей в современных условиях воспитания и развития в России является чрезвычайно важной исследовательской задачей, решение которой позволит дать ответы на вопрос о тех средовых (семейных, учебных, социальных) и об индивидуально-психологически-личностных детерминантах, которые лежат в основе формирования психологии современного молодого человека в пространстве социокультурных и субкультурных влияний» [13]. В связи с этим чрезвычайно остро стоит проблема профилактики деструктивного поведения осужденных в местах лишения свободы, в которой особую роль играет стратегия учета их личностных особенностей. Для ее решения необходимо использо-

вать специальные психологические методики, особенно те, которые позволяют дать наиболее полную характеристику личности, ориентированные на проведение коррекционной работы с осужденными, что влияет на снижение отрицательных показателей деструктивного поведения осужденных и облегчение решения задач исправления [3, 8, 14, 15, 16].

Для экспериментального исследования, которое проводилось в ИК-7 УФСИН России по Владимирской области в 2012 году, были отобраны 20 человек (мужчин), отбывающих наказание за убийство. Назначенный им срок лишения свободы составлял: минимальный — 6 лет 2 месяца, максимальный — 20 лет. Исследование проводили с целью изучения деструктивного поведения осужденных в местах лишения свободы, в частности психологических особенностей личности осужденных за убийство.

Образовательный уровень исследуемых лиц был следующим: один из 20 человек имел высшее образование, один неполное высшее, пять — среднее специальное, двое — среднее техническое, восемь — среднее, три человека имели неполное среднее образование.

Один исследуемый состоял на диспансерном учете у врача-психиатра в связи с психическими отклонениями поведенческого характера, один — на учете у врача-нарколога, а двое имели попытки суицида.

Данная группа была протестирована по трем методикам: характерологический опросник Леонгарда — Шмишека; сокращенный многофакторный опросник для исследования личности (Мини-Мульт); личностный опросник Басса — Дарки.

В ходе исследования по методике Леонгарда — Шмишека установлено: 10% осужденных имеют выраженный гипертимный тип акцентуации; осужденных застревающего типа акцентуации личности в ходе исследования не выявлено; 20% осужденных имеют выраженный педантичный тип акцентуации личности; 10% — акцентуированные черты эмотивного типа личности; осужденных тревожного типа акцентуации личности не выявлено; 5% осужденных имеют акцентуированные черты циклотимного типа личности; 10% — выраженный возбудимый тип акцентуации; не выявлено осужденных, которые имеют выраженный дистимический тип акцентуации личности; у 15% осужденных выявлены акцентуации демонстративного типа, еще у 15% — выраженный аффективно-экзальтированный тип акцентуации.

По методике Мини-Мульт: шкала «Ипохондрия» — у 8% испытуемых осужденных высокие показатели; шкала «Депрессия» — 3% — высокие показатели; по шкалам «Истерия», «Психопатия», «Паранойяльность», «Психастения», «Шизоидность», «Гипотония» — низкие и средние показатели.

Агрессивность и враждебность осужденных исследовали при помощи опросника Басса — Дарки: результаты показали, что для большинства осужденных (90%) характерен средний уровень агрессивности, для 10% — высокий уровень. Осужденных с низким уровнем агрессии не выявлено. Анализ враждебности испытуемых показал, что у большинства осужденных (65%) высокий уровень враждебности, у 35% — средний уровень.

Многочисленные исследования агрессии в рамках различных наук осмысливают детерминанты и механизмы агрессии, а также способы регуляции и контроля агрессивности человека. Большое внимание в психологических исследованиях, посвященных феномену агрессивности, уделено вопросу о связи агрессии с особенностями характера.

Агрессивность рассматривается как особая форма организации поведения, имеющая личностный и ситуационно-обусловленный характер детерминации. Данное различие в понимании агрессивности является принципиальным, поскольку здесь имеет место противоречие: с одной стороны, ведущим уровнем детерминации агрессии может выступать агрессивность как устойчивое свойство деформированной личности, с другой — агрессивное поведение может быть обусловлено механизмами подражания и нарушениями процессов саморегуляции, при которых агрессивные действия носят защитно-демонстративный характер.

В исследуемом пенитенциарном учреждении была проведена программа профилактики деструктивного поведения осужденных, отбывающих наказание в местах лишения свободы. В ходе исследования были выявлены высокие показатели по параметрам вербальной агрессии, подозрительности и аутоагрессии (чувство вины) у осужденных за насильственные преступления. Кроме того, была реализована программа тренинга «модификация агрессивного поведения», которую разделили на три основных этапа. На первом этапе происходило знакомство участников тренинговой группы; расширение объема

информации о собственной личности и проблеме агрессивного поведения; делались попытки осознать и оценить свое поведение и его последствия для самого участника и окружающих его людей. Второй этап предполагал совместный поиск и обучение альтернативным способам поведения и эмоционального реагирования в ситуациях, провоцирующих агрессию. На третьем этапе шло закрепление социально приемлемых способов удовлетворения собственных потребностей во взаимодействии с окружающими; происходило осознание раскрытия собственных возможностей в социальной жизни в связи с отказом от агрессивного поведения.

На протяжении всех тренинговых занятий формировались положительные установки в общении через развитие способности к эмпатическому пониманию, принятию индивидуальности других, происходила переоценка негативных эмоций по отношению к другим людям.

При проведении тренинга возникли некоторые трудности, например при проведении таких упражнений, как «Ассоциации», «Меня зовут...», «Я люблю себя за то, что...» и других, направленных на повышение самооценки и выработку умения дать себе объективную характеристику. Трудности возникали по причине того, что многие из осужденных не могли правильно оценить себя, а некоторые просто не находили у себя положительных качеств. Но после проведения нескольких занятий, у 60% уже не возникало таких затруднений, и они могли проанализировать свои качества и выявить наиболее значимые. Так, при выполнении упражнений «Комиссионный магазин» осужденные могли охарактере-

ризовать себя и даже найти в себе те отрицательные черты характера, от которых они хотели бы избавиться, или наоборот — положительные, которые хотели бы приобрести. Такие упражнения способствуют пробуждению у осужденных интереса к себе как к личности.

Для создания атмосферы открытости, доверия, сплоченности в группе и такого состояния участника, которое позволяло бы успешно работать и в дальнейшем, для тренинга были использованы упражнения «Единство», «Снежный ком», «Привет, индивидуальность». Наибольшую актуальность приобрели упражнения пантомима «Нет, я не иду с Вами», «Ответ — нет», которые призваны сформировать адекватную психологическую защиту от отрицательного влияния среды, в которой осужденные неминуемо могут оказаться после выхода на свободу.

Человек очень трудно расстается со своими принципами, взглядами и социальными установками и потому не всегда адекватно может поступить в той или иной ситуации. Как показала практика, у 80% осужденных при первичном проигрывании ситуаций нередко спонтанно срабатывает старая негативная установка. Но в ходе группового обсуждения и нахождения способов выхода из негативной ситуации появлялся новый социальный опыт поведения в той или иной ситуации. Подобные упражнения способствуют формированию ответственности осужденных за свои поступки, умения анализировать, объективно оценивать свое поведение и делать выводы на будущее.

Для снижения уровня агрессивности был проведен тренинг «Коррекция агрессивного поведения через форми-

рование социально приемлемых способов удовлетворения собственных потребностей со взаимодействием с окружающими». После его проведения исследуемая группа осужденных вновь была протестирована при помощи опросника Басса — Дарки. Полученные данные показывают, что уровень агрессии и враждебности снизился. После проведения коррекционной работы не выявлено осужденных с высоким уровнем агрессии.

Поведенные исследования позволяют нам дать рекомендации администрации исправительных учреждений. Целесообразно разработать, с учетом местных условий, систему показателей оценки трудовой и общественной активности осужденных, которая позволяла бы объективно и правильно определять их поведение и величину личного вклада в совместную деятельность. Критерии оценки любых действий должны быть ясными, понятными для всех групп, независимо от статусных различий. В этом случае применение системы поощрения или наказания будет вполне оправданным в глазах низкостатусных и высокостатусных осужденных, поскольку открыто аргументируется.

Для профилактики деструктивных межгрупповых конфликтов, в основе которых лежит, как правило, обострение противоречий между формальной и неформальной нормативно-ценностной системами, регулирующими поведение осужденных, целесообразно: на основании данных наблюдения и диагностики выявлять высокостатусные группы и «элитный слой» субкультуры, вокруг которых строятся процессы общения и которые являются потенциальными источниками неформального влияния; своев-

ременно устанавливать участников конфликта, анализировать их психологические особенности, способы разрешения конфликтных ситуаций в целях выбора (а иногда и прогноза) оптимальных мер воздействия; публично информировать осужденных о последствиях и применяемых санкциях в отношении нарушителей; пресекать различного рода дезинформацию, слухи, которыми умело манипулирует асоциальная часть осужденных для «восстановления социальной справедливости» или оправдания своих действий; использовать специальные мероприятия для выявления конкретных носителей ценностей асоциальной субкультуры; раскрывать на частных примерах ущербность групповой морали; применять для нейтрализации напряженных и конфликтных отношений организационные, психологические или иные средства, не нарушая при этом права, достоинство личности и не выходя за рамки закона; оказывать психологическую поддержку лицам, прибывшим в пенитенциарное учреждение, особенно в период их нахождения в карантине, для безболезненного выполнения ими своих ролей в различных сферах совместной деятельности; ориентировать их на сознательный выбор положительного круга общения и своевременно блокировать неформальные связи с асоциальной частью осужденных.

Чтобы достичь указанных целей, важно обучить осужденных наиболее рациональным способам установления конструктивных взаимоотношений в среде ближайшего окружения и показать перспективу в случае принятия асоциальных ценностей, носителями которых являются малые группы, а также их лидеры.

Помимо прочего, первостепенное значение нужно придавать вовлечению в группы организованного общения лиц молодежного возраста, поскольку именно они для разрядки агрессивности или поднятия своего статуса в субкультуре нередко используют так называемые компенсирующие формы взаимодействия, в основе которых лежит употребление наркотиков, алкоголя, совершение гомосексуальных актов и других дискриминационных действий; привлекать к исправлению указанных категорий социальных и медицинских работников, а если необходимо — психиатров, потому что среди указанных категорий осужденных наблюдается значительное число лиц, страдающих психическими расстройствами.

Наблюдения показывают, что развитие позитивных взаимоотношений во многом определяется психологической компетентностью персонала пенитенциарных учреждений. «Компетентность определяется как характеристика личности, владеющей профессионально-ориентированными компетенциями, обеспечивающими высокий уровень реализации теоретических знаний, умений, опыта на практике» [9, с. 21]. В связи с этим представляется необходимым применить некоторые психологические приемы обращения с осужденными, соблюдение которых позволит ослабить уровень напряженности и создать предпосылки для коррекции противоправного поведения членов неформальных групп.

Таким образом, осужденным, совершившим тяжкие преступления, свойственны определенные личностные и психологические характеристики, с уче-

том которых следует проводить с ними коррекционную работу с целью снижения показателей их деструктивного поведения.

Литература

1. Бэрон Р., Ричардсон Д. Агрессия. — СПб.: Питер, 2000. — 352 с.
2. Гаврина Е.Е., Балашов А.А. Типология осужденных за коррупционные и экономические преступления // Прикладная юридическая психология. — 2011. — № 2. — С. 68–74.
3. Датий А.В. Характеристика женщин, осужденных к лишению свободы (по материалам специальной переписи 2009 г.) // Прикладная юридическая психология. — 2013. — № 3. — С. 68–75.
4. Датий А.В., Бовин Б.Г. Анализ динамики умышленных убийств и численности осужденных за убийства в России // Прикладная юридическая психология. — 2011. — № 2. — С. 23–29.
5. Датий А.В., Дикопольцев Д.Е., Федосеев А.А. Интернет-конференция «Преобразование воспитательных колоний в учреждения для содержания лиц, совершивших преступления в несовершеннолетнем возрасте» // Прикладная юридическая психология. — 2011. — № 3. — С. 181–182.
6. Датий А.В., Казберов П.Н. Рецензия на словарь по пенитенциарной психологии «Преступление и наказание от «А» до «Я» (под общей редакцией Д.В. Сочивко) // Прикладная юридическая психология. — 2010. — № 3. — С. 193.
7. Датий А.В., Казберов П.Н. Создание базовых (типовых) психокоррекционных программ для работы с осужденными // Прикладная юридическая психология. — 2011. — № 1. — С. 216–218.
8. Дьяченко А.П., Датий А.В., Митропольская К.В. Характеристика ВИЧ-инфицированных осужденных мужчин, отбывающих наказание в исправительных учреждениях ФСИН России // Уголовно-исполнительное право: науч. журн. / Академия ФСИН России. — 2010. — № 1. — С. 71–74.
9. Железкина И.И. Теоретико-прикладные основы подготовки специалистов социальной сферы для уголовно-исполнительной системы: квалиметрический подход // Прикладная юридическая психология. — 2012. — № 4. — С. 20–27.
10. Знамовская Е.В. Девиантология: Психология отклоняющегося поведения: учеб. пособие для студентов вузов. — 4-е изд., испр. — М.: Академия, 2007.
11. Клейберг Ю.А. Психология девиантного поведения: учеб. пособие для вузов. — М., 2001.
12. Короленко Ц.П., Донских Т.А. Семь путей к катастрофе: Деструктивное поведение в современном мире. — Новосибирск, 1990.
13. Сочивко Д.В. Психодинамика гештальта открытой и скрытой агрессии в структуре личностного роста // Прикладная юридическая психология. — 2013. — № 3. — С. 35–41.
14. Сочивко Д.В., Крымова Ю.В. Психодинамика лояльности — толерантности: психодинамическая диагностика и эмпирическая типология // Прикладная юридическая психология. — 2012. — № 2. — С. 28–36.
15. Сочивко Д.В., Полянин Н.А., Голышева Ю.Н. Мужской и женский путь духовности в местах лишения свободы // Прикладная юридическая психология. — 2012. — № 1. — С. 60–75.
16. Сочивко Д.В., Чубич В.Э. Психодинамика удовлетворенностью жизнью и переживания счастья // Прикладная юридическая психология. — 2013. — № 3. — С. 59–68.

СТРАТЕГИЯ ТРУДОВОЙ ЖИЗНИ КАК ХАРАКТЕРИСТИКА САМОРЕАЛИЗАЦИИ ЧЕЛОВЕКА В ТРУДЕ

В. Б. Рябов

Аннотация: в статье рассматривается понятие стратегии трудовой жизни. На основе анализа литературных источников и собственного эмпирического исследования выводится перечень наиболее распространенных стратегий трудовой жизни. Предлагается способ применения стратегий трудовой жизни в эмпирическом исследовании качества трудовой жизни в организации.

Ключевые слова: качество трудовой жизни, самореализация, стратегия трудовой жизни.

Summary: An idea of work life strategy is considered. A list of most widespread work life strategies is lead out of literature and empirical research. A method of using of idea of work life strategy for empirical research of quality of working life in organization is suggested.

Keywords: quality of working life, self-realization, work life strategy.

Проблема изучения факторов, определяющих благополучие людей, качество их жизни, в том числе трудовой, находится в фокусе внимания профессиональных работников правоохранительной системы разной специализации [1, 3, 10]. Знание этих факторов и психологических механизмов формирования у человека оценок удовлетворенности своей трудовой деятельностью и собственной жизнью в целом определяет в конечном счете профессиональную успешность в соответствующих профессиональных сферах организационно-правовой, учеб-

ной, воспитательной и управленческой деятельности этих специалистов. Методы и модели оценки собственного качества трудовой жизни разрабатываются нами в Институте психологии РАН начиная с 2006 г. [7, 8, 9].

Возможность личностной самореализация человека в трудовой жизни является важнейшим фактором позитивной оценки им качества трудовой жизни [8]. Именно успешность самореализации определяет высокий уровень как его удовлетворенности трудом, так и положительного эмоционального восприятия труда, вплоть до ощущения счастья, получаемого в процессе трудовой деятельности.

Самореализация в трудовой жизни у людей может быть направлена на удовлетворение достаточно разных потребностей. Каждому человеку присущ индивидуальный способ самореализации в труде, который сформировался в процессе его воспитания и становления как профессионала. При этом возникает вопрос, с помощью какой интегральной характеристики можно идентифицировать индивидуальный способ самореализации человека. По мнению Г.М. Зараковского, самореализация — это осуществление индивидом такой деятельности, которая принята им как стратегическая цель жизни или отдельного ее этапа [4, с. 239–240]. В соответствии с этой точкой зрения мы предлагаем в качестве основного индикатора самореализации использовать поня-

тие стратегии жизни или стратегии трудовой жизни.

Стратегия трудовой жизни — это устойчивые на длительном промежутке времени (от нескольких лет и больше) характеристики поведения человека, определяющие его выборы и предпочтения в трудовой жизни. Стратегия трудовой жизни является содержательной характеристикой проявления активности человека, включающей в себя ее общую направленность и принцип реализации. Стратегии описывают желаемое состояние человека и ситуацию, в которой он находится, в терминах выбора способа достижения этого состояния, поведения и принятия решений при выборе того или иного способа поведения. Например, такая характеристика в терминах ценностей, как «деньги», в терминах стратегий может иметь вид «максимизация финансового благополучия», «максимизация прибыли или дохода» или, напротив, быть совсем другой стратегией, а именно «минимизацией финансовых затрат».

Стратегии трудовой жизни лежат в основе сознательных и бессознательных выборов, которые делает каждый человек при принятии решений. В большей степени эти решения относятся к принятию важных жизненных решений, таких как выбор профессии, выбор наиболее привлекательного места работы. Если сделанный выбор соответствует стратегической направленности конкретной личности, то он принимается им как свой, соответствующий своей природе, вызывающий чувство наибольшей удовлетворенности и приводящий в будущем к положительным эмоциональным результатам и чувствам. Таким образом, жизненные стратегии

лежат в основе детерминации поведения человека.

Для того чтобы сформулировать перечень стратегий трудовой жизни человека, нами было организовано и проведено эмпирическое исследование, позволяющее выявить стратегические направления приложения активности человека в трудовой жизни. С этой целью мы определяли критерии, которые лежат в основе выбора новой работы при ее смене у людей разного пола и возраста. Эмпирическое исследование проведено методом интервью 78 специалистов (юристов, финансистов и экономистов), осуществляющих свою профессиональную деятельность в различных коммерческих, банковских, аудиторских и консультативных фирмах. В опросе принимали участие сотрудники фирмы, от рядовых должностей до уровня топ-менеджеров обоего пола. Возраст опрошенных изменялся в пределах от 18 до 61 года. Опрошенным в рамках данного исследования предлагался один вопрос: «Назовите не более трех характеристик работы, которые являются для Вас самыми главными при выборе нового места работы».

В таблице 1 представлены полученные ответы, частоты их воспроизведения участниками опроса, в ее последней колонке приводятся стратегии трудовой жизни, соответствующие этим высказываниям. Заметим, что критерии выбора работы, указанные в первой колонке таблицы 1, в рамках структуры анализа, который мы осуществляли выше, могут быть интерпретированы как условия, соответствующие успешной реализации данной стратегии трудовой жизни.

Таблица 1
Стратегии трудовой жизни, полученные в эмпирическом исследовании
критериев выбора работы

Критерий выбора работы	Частота воспроизведения ответа опрошенными	Соответствующая данному критерию стратегия трудовой жизни
Высокая зарплата	56	Ориентация на материальную выгоду
Хорошие возможности для профессионального развития, повышения своего профессионального уровня	52	Стратегия развития (максимизация профессионального ресурса)
Работа, дающая гарантии стабильности и создающая уверенность в завтрашнем дне	47	Стратегия стремления к избеганию неопределенности
Хорошие, доброжелательные люди, работающие в организации	43	Стратегия отношений
Хорошая психологическая атмосфера в коллективе	31	Стратегия отношений
Интересная работа	28	Стратегия удовольствия
Работа, позволяющая приобрести необходимый стаж, практический опыт для того, чтобы перейти на лучшую работу	28	Стратегия накопления ресурса, развития
Работа в эффективной команде профессионалов	19	Стратегия эффективного взаимодействия, сотрудничества
Работа, дающая достаточно времени и возможностей для отдыха, личной и семейной жизни	18	Стратегия гармонизации
Регламентированная, вполне определенная и заранее обговоренная работа	15	Стратегия стремления к избеганию неопределенности
Комфортная и приятная атмосфера на рабочем месте	14	Стратегия минимизации энергетических затрат, стратегия удовольствия
Работа, позволяющая занимать определенное, достаточно престижное положение в обществе	8	Стратегия позиционирования, стратегия доминирования
Работа, дающая возможность управлять людьми, власть над ними	7	Стратегия доминирования
Работа, предоставляющая свободу творчества	5	Стратегия свободы творчества, стремление к автономии
Работа в дружелюбном, бесконфликтном коллективе	3	Стратегия дружеских отношений
Работа, дающая возможность общаться с разными людьми	2	Стратегия стремления к открытым коммуникациям
Работа, позволяющая чувствовать свою нужность, полезность	1	Стратегия причастности
Работа, позволяющая постоянно совершенствовать свое мастерство	1	Стратегия качества
Работа, связанная с возможностью рисковать, играть и выигрывать	1	Стратегия риска

Таким образом, полученный в результате список стратегий трудовой жизни выглядит следующим образом:

- 1) максимизация материальной выгоды;
- 2) максимизация профессионального ресурса (стратегия развития);
- 3) минимизация неопределенности;
- 4) стратегия дружеских отношений;
- 5) стратегия открытых коммуникаций;
- 6) максимизация удовольствия от работы;
- 7) максимизация эффективности делового взаимодействия, стратегия сотрудничества;
- 8) стратегия гармонизации работы с другими сферами жизни человека (личной, семейной и другими);
- 9) минимизация затрат (энергетических и других);
- 10) стратегия позиционирования;
- 11) стратегия доминирования, стремления к власти;
- 12) максимизация свободы, самостоятельности, независимости;
- 13) стратегия причастности;
- 14) стремление к совершенству, стратегия качества;
- 15) стратегия риска.

Дополнительно нами были проанализированы литературные источники, позволяющие установить конкретные способы стратегической направленности активности человека в трудовой деятельности и сформулировать на основе анализа возможные варианты стратегий трудовой жизни, которые не удалось выявить в результате собственного эмпирического исследования. В качестве использованных нами для этой цели литературных материалов были выбраны следующие

концепции, теории и результаты исследований:

- концепции менеджмента организации (концепция иерархии потребностей А. Маслоу, концепция ERG К. Альдерфера, концепция приобретенных потребностей Д. МакКлелланда) [2];
- психологические тесты (тест «Якоря карьеры» [6], диагностирующий направленность человека в трудовой жизни на определенные содержательные аспекты трудовой деятельности, морфологический тест ценностей (<http://azps.ru/tests/2/tt21.html>), тест мотивов выбора профессии (<http://www.eti-deti.ru/det-test/68.html>);
- результаты эмпирических исследований ценностных ориентаций в трудовой деятельности, проведенных Т.С. Кабаченко [5].

Вследствие ограниченности объема статьи приведем только результаты проведенного литературного анализа, позволившего сформулировать несколько стратегий трудовой жизни, которые не были выявлены в ходе проведенного нами и описанного эмпирического исследования (табл. 2). В таблице 2 в колонках цифрами отображаются упоминание признаков стратегий трудовой жизни в следующих литературных источниках:

- 1 — концепция иерархии потребностей А. Маслоу («пирамида Маслоу»);
- 2 — концепция ERG К. Альдерфера;
- 3 — приобретенных потребностей Д. МакКлелланда;
- 4 — психологический тест «Якоря карьеры»;
- 5 — морфологический тест трудовых ценностей;
- 6 — психодиагностический тест «Мотивы выбора работы»;

Таблица 2

Стратегии трудовой жизни по результатам анализа литературных источников

Стратегии трудовой жизни	Упоминание в литературном источнике						
	1	2	3	4	5	6	7
Стратегия признания	+	+	+				+
Стратегия служения	+			+			+
Стратегия вызова, преодоления				+			
Стратегия продуктивности, эффективности					+		+
Стратегия свободы самовыражения, творчества							
Стремление к формированию и культивированию собственной уникальности				+	+	+	
Стратегия созидания					+		+
Стремление к новизне, неопределенности, стратегия поиска						+	+

7 — результаты эмпирического исследования организационных ценностей, проведенного Т.С. Кабаченко.

В строках таблицы 2 обозначены стратегии трудовой жизни, которые могут быть сформулированы на основе анализа концепций, моделей и результатов исследований, описанных в отмеченных плюсами литературных источниках.

Обобщение результатов комплексного анализа разных информационных источников, отражающих ценностные и потребностные аспекты трудовой жизни, позволило нам сформировать список из 24 наиболее распространенных стратегий трудовой жизни человека.

Полученные списки стратегий трудовой жизни в значительной степени пересекаются. Таким образом, стратегические выборы человека в различных ситуациях и по отношению к разным объектам в организационно-экономических

системах сводятся к сформулированному нами ограниченному перечню стратегий. В список наиболее часто встречающихся стратегий трудовой жизни входят:

- 1) максимизация материальной выгоды;
- 2) максимизация профессионального ресурса (стратегия развития);
- 3) минимизация неопределенности;
- 4) стратегия дружеских отношений;
- 5) стратегия открытых коммуникаций;
- 6) максимизация удовольствия от работы;
- 7) максимизация эффективности делового взаимодействия, стратегия сотрудничества;
- 8) стратегия гармонизации работы с другими сферами жизни человека (личной, семейной и другими);
- 9) минимизация затрат (энергетических и других);

- 10) стратегия позиционирования;
- 11) стратегия доминирования, стремления к власти;
- 12) максимизация свободы, самостоятельности, независимости;
- 13) стратегия причастности;
- 14) стремление к совершенству, стратегия качества;
- 15) стратегия риска;
- 16) стратегия признания;
- 17) стратегия служения;
- 18) стратегия вызова, преодоления;
- 19) стратегия продуктивности, эффективности;
- 20) стратегия культивирования собственной уникальности, незаменимости;
- 21) стратегия созидания;
- 22) стратегия поиска, стремление к новизне, неопределенности.

Сформулированный список стратегий трудовой жизни использован нами при разработке инструментария для диагностики субъективного качества трудовой жизни и проведения эмпирических исследований качества трудовой жизни в организации [9]. В частности, на основе списка стратегий трудовой жизни был создан список условий труда, который был заложен в анкету опроса сотрудников организации. При этом формулировки названий стратегий были преобразованы в формулировки условий труда в организации. Например, стратегия удовольствия от работы нашла отражение в формулировке условия труда «интересная работа», стратегия развития в формулировке «перспективы профессионального роста» и т. д. В процессе опроса участники исследования давали оценки субъективной важности данного условия лично для них и реального состоя-

ния данного условия на их рабочем месте. По результатам проведенного эмпирического исследования проводилась оценка качества трудовой жизни в организации и на основе разработанной модели качества трудовой жизни осуществлялось прогнозирование реакции разных групп работников организации на возможные управляющие воздействия.

Литература

1. *Абдуллаева М.М.* Особенности «образа Я» профессиональных юристов // Прикладная юридическая психология. — 2008. — № 2. — С. 108 — 121.
2. *Виханский О.С., Наумов А.И.* Менеджмент: человек, стратегия, организация, процесс: учебник. — М.: Изд-во Моск. ун-та, 1995. — 415 с.
3. *Дмитриева Л.А.* Удовлетворенность служебной деятельностью сотрудников оперативных подразделений ОВД и УИС // «Прикладная юридическая психология. — 2007. — № 1. — С. 79–83.
4. *Заракровский Г.М.* Качество жизни населения современной России: Психологические составляющие. — М.: Смысл, 2009. — 319 с.
5. *Кабаченко Т.С.* Психология управления: в 2 ч. — М., 1997.
6. Лучшие психологические тесты для профотбора и профориентации / отв. ред. А.Ф. Кудряшов. — Петрозаводск: Петроком, 1992. — 318 с.
7. *Рябов В.Б.* Качество трудовой жизни в структуре качества жизни // Материалы итоговой научной конференции Ин-та психологии РАН (Москва, 1–2 февр. 2006 г.) / отв. ред. А.Л. Журавлёв, Т.И. Артемьева. — М.: Изд-во Ин-та психологии РАН, 2006. — С. 189–200.
8. *Рябов В.Б.* Качество трудовой жизни как конструкт согласования интересов работников и интересов организации // Социальная психология труда: теория и практика / отв. ред. А.Л. Журавлёв, Л.Г. Дикая. — М.: Изд-во Ин-та психологии РАН, 2010. — Т. 2 с. 214–231.
9. *Рябов В.Б.* Гуманитарная технология организационного проектирования и развития. — М.: Изд-во Ин-та психологии РАН, 2011. — 224 с.
10. *Сочивко Д.В., Савченко Т.Н., Головина Г.М.* Субъективное качество жизни в различных по характеру социальной закрытости социумах // Прикладная юридическая психология. — 2010. — № 4. — С. 8–22.

ОБЩИЕ МЕРЫ ПРОФИЛАКТИКИ ПРЕСТУПНОСТИ ОСУЖДЕННЫХ, БОЛЬНЫХ ТУБЕРКУЛЕЗОМ

В. В. Ким

Аннотация: в статье раскрываются общие меры профилактики преступности осужденных, больных туберкулезом, предложены пути выхода из сложных ситуаций.

Ключевые слова: туберкулез, заболеваемость, преступность, пенитенциарные учреждения.

Summary: in this article the general prevention of crime for prisoners with tuberculosis. Ways to solve the situation.

Keywords: tuberculosis, morbidity rate, criminality, penal jurisdictions.

Основными мерами, имеющими первостепенное значение для предупреждения преступности осужденных, больных туберкулезом, будет непосредственно профилактика инфекции и меры воздействия на сознание осужденных в направлении формирования гуманного отношения к ним в условиях изоляции путем просвещения и информирования.

Назначение уголовного наказания лицу, имеющему тяжелое заболевание, не означает, что в его отношении будет осуществляться соответствующее исправительно-профилактическое воздействие с целью недопущения его дальнейшего неправомерного поведения. Это является следствием многих факторов: отсутствие отношения к состоянию собственного здоровья как критерия оценки степени исправления осужденных (в результате они не стремятся улучшить здоровье, нередко шантажируя администрацию учреждения нали-

чием заболевания); лечение, в том числе применение принудительных медицинских мер, не относится к средствам исправления (в результате целенаправленное ухудшение состояния своего здоровья не приводит к применению мер возыскания) и не является приоритетным в воздействии на осужденных, несмотря на наличие у них тяжелых форм заболевания, приводящих к правонарушающему поведению, и т. д. В связи с этим упор на состояние здоровья осужденного при оказании на него исправительно-профилактического воздействия необходимо делать путем применения соответствующих лечебных и иных мер, так называемых мер безопасности.

В своем исследовании А.П. Скиба полагает, что совершение лицом, имеющим психическое, ВИЧ-инфекционное или иное тяжелое заболевание либо большим наркотизмом, токсикоманией или алкоголизмом, административного правонарушения или девиантного поступка может стать основанием постановки его на учет для применения соответствующих мер (контроля за его поведением, принудительного лечения и т. д.) [1].

Применительно к современности речь идет о возможности лечения осужденного (и исправления, если он отбывает наказание) преимущественно в условиях изоляции до тех пор, пока не излечится. Уголовное наказание на определенный срок в отношении осужденных должно сопровождаться их обязатель-

ным и постоянным медицинским обследованием и лечением, которое не должно прерываться и после освобождения из мест лишения свободы [2].

Вместе с тем в настоящее время нет критериев, опираясь на которые можно судить о потенциальной общественной опасности человека, больного туберкулезом и совершившего общественно опасное деяние. Очевидна необходимость построения медико-исправительного (медико-профилактического) воздействия в отношении осужденных с учетом их психических и иных особенностей [3].

Полагаем, что вопрос о наличии заболевания туберкулезом у лица после совершения им общественно опасного деяния должен иметь значение в основном для обязательного применения в ходе исполнения уголовных наказаний сугубо исправительных мер (режима, воспитательной работы, труда и др.), вплотную взаимосвязанных с лечебным воздействием, либо наоборот — принудительных лечебных мер одновременно с профилактическими. В этом контексте следует рассматривать указанные меры системно, как меры безопасности, применяемые к осужденным, имеющим заболевания, для предупреждения правонарушающего поведения и их излечения.

Пресловутая «выгода» для осужденных наличия заболевания должна быть устранена. Основной упор должен делаться на выработку у осужденного стремления улучшить состояние своего здоровья, стимулирование его к этому. Как указывают исследователи, выздоровлению любого человека способствуют оптимизация его отношения к процессу болезни и создание перспективных взглядов на улучшение здоро-

вья, а следовательно необходимость изменения его отношения к своему заболеванию [4].

Для изменения отношения осужденных к своим болезням нужны законодательные и иные предпосылки, побуждающие их не болеть, а также коррективы их возможности досрочного освобождения из мест свободы.

В процессе отбывания наказания обычным является негативное, шантажно-демонстративное отношение осужденных к состоянию своего здоровья (вплоть до совершения членовредительства). Вместе с тем профилактическое значение рассмотренных мероприятий может стать достаточно значимым ввиду того, что оно применяется и при выявлении заболеваний, препятствующих отбыванию наказания, которые возникают в результате членовредительств или негативного отношения к состоянию своего здоровья.

Принятые меры помогут администрации более качественно отслеживать не только состояние здоровья осужденного, в том числе выявлять факты членовредительства осужденных и способы ухудшения состояния здоровья, но и представлять в суд более аргументированные материалы об их отношении к своему здоровью, что будет учитываться при условно-досрочном освобождении, освобождении от наказания в связи с болезнью и т. д.).

Таким образом, в рамках стратегии профилактики заражения туберкулеза в исправительных учреждениях мы предлагаем следующие рекомендации:

- организовать активную деятельность осужденных, больных туберкулезом, в частности спортивные и культурные мероприятия и интеллектуальные

занятия, использовать возможности для физической загрузки осужденных (выполнение работ по уборке территории и т. д.);

– персонал исправительных учреждений должен быть вовлечен в осуществление всех перемен. Если реформа не отразится на их благополучии, они будут сопротивляться любым мерам, направленным на улучшение условий содержания осужденных. Слабый контроль способствует коррупции. Нехватка персонала приводит к ослаблению надзора за теми осужденными, которые находятся в уязвимом положении. Улучшение условий их службы должно быть увязано с повышением уровня дисциплины.

Профилактика преступности лиц, больных туберкулезом в местах лишения свободы, — это не разовое мероприятие. Целесообразно оказывать систематическое предупредительное воздействие на весь причинный комплекс дан-

ного явления. Воздействие на отдельные из причины дает определенные результаты, но они направлены на устранение или локализацию лишь отдельных факторов, а не всего комплекса. Значит, при проведении профилактики данного вида преступности в исправительных учреждениях необходим комплексный подход.

Литература

1. Скиба А.П. Меры безопасности при досрочном освобождении от отбывания наказания лиц, имеющих заболевания: монография / под ред. А.Я. Гришко, Ю.А. Кашубы. — Рязань: Академия ФСИН России, 2012. — С. 15.
2. Наказание и исправление преступников: пособие / под ред. Ю.М. Антояна. — М., 1992. — С. 302-314.
3. Сучкова Е.Л. Влияние криминогенной среды в местах лишения свободы на правосознание осужденных // Прикладная юридическая психология. — 2011. — № 2.
4. Решетникова А.И. Правовые вопросы подготовки к освобождению осужденных, больных туберкулезом, и их социальной адаптации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — М., 2003. — С. 78.

МЕТОД ИЗВЛЕЧЕНИЯ ЭКСПЕРТНЫХ ЗНАНИЙ В ПРОЦЕССЕ РАБОТЫ С ЮРИДИЧЕСКОЙ ТЕКСТОВОЙ ИНФОРМАЦИЕЙ

А. С. Баканов

Аннотация: в статье описан метод извлечения экспертных знаний в процессе работы с юридической текстовой информацией. Юридическая наука обладает особой терминологией, поэтому юридический язык, как и любой другой специализированный или профессиональный язык, имеет некоторые особенности. В связи с этим представляется актуальной разработка метода извлечения экспертных знаний в процессе работы с юридическими текстами.

Ключевые слова: специализированная текстовая информация, извлечение знаний, системы поддержки принятия решений.

Summary: the article describes the method of extraction of expert knowledge in the process of working with the legal text information. Jurisprudence has a special terminology that is used heavily in the professional language of lawyers. Like any specialized or professional language, legal language has a number of special features. By reading the legal literature in students and young lawyers there may be difficulties associated with the perception of certain terms or conceptual blocks. In this context, it is advisable to develop a method of extraction of expert knowledge in the process of working with the legal text information. The developed method is proposed to use in teaching law students.

Keywords: specialized textual information, legal text information, knowledge extraction, a decision support system.

Юридическая наука отличается особой терминологией, активно используемой в профессиональном языке юристов, который обладает рядом характерных особенностей. В процессе работы с юридической литературой у студентов и начинающих юристов могут возникать сложности, связанные с восприятием определенных терминов или смысловых блоков. Одним из направлений совершенствования психологического обеспечения работы с сотрудниками ФСИН России является совершенствование профессионально-психологического отбора кандидатов на службу, психологического сопровождения адаптации молодых сотрудников и работы с резервом кадров на руководящие должности в УИС [6]. Чтобы облегчить этот процесс, необходимо разработать метод извлечения экспертных знаний в ходе работы с юридической текстовой информацией, который можно будет использовать при обучении студентов юридическим специальностям, а также в ходе психологического сопровождения адаптации молодых сотрудников и работы с резервом кадров на руководящие должности в УИС.

Методологию можно определить как систему принципов и способов организации, построения теоретической и практической деятельности, направленной на изучение какого-либо объекта. Расширяя это определение, его можно отнести и к деятельности человека вообще. Методология обосновывает пра-

вильность выбранного метода — способ и последовательности действий для достижения заданной цели. «Методы, т.е. пути познания, — это способы, посредством которых познается предмет науки... Под методом науки — в единственном числе — можно разуметь систему ее методов в их единстве» [7].

Основными методами исследования в любой науке в целом и в психологии в частности являются наблюдение и эксперимент. Научный интерес представляет проведение исследования процесса чтения юридической литературы профессиональными и начинающими юристами в управляемых и изменяемых условиях.

Психологические механизмы взаимодействия человека с компьютерными системами и информационной средой вообще описаны в литературе [1, 2, 3]. В процессе профессиональной работы с документами человеку приходится учитывать значительное количество различных факторов, а также решать задачи, в том числе и многокритериального выбора. Для человеческой системы переработки информации такие задачи сложны [4, 5].

В соответствии с поставленной задачей извлечения экспертных знаний в процессе профессиональной работы юристов с юридической литературой дадим обоснование проводимым исследованиям. Объект исследования — как профессиональные юристы, так и студенты, обучающиеся юридическим специальностям. С позиций когнитивной психологии будут проведены исследования, направленные на выявление когнитивного стиля испытуемых. С позиции психологии труда в проводимом исследовании должен быть изучен процесс чтения

юридической литературы, точнее текстовой информации, профессиональными юристами и студентами, обучающимися юридическим специальностям, а также взаимосвязь эффективности принимаемых решений с качеством жизни [8].

Для изучения процесса чтения будет использоваться специальное оборудование для отслеживания траектории взора испытуемого, обладающее следующими возможностями: отслеживание траектории взора испытуемого, фиксация времени чтения, скорости и ускорения в процессе чтения, изменений диаметра зрачка в процессе чтения. Оборудование должно предоставлять возможность экспериментатору в режиме реального времени наблюдать за ходом эксперимента.

В ходе эксперимента необходимо исследовать взаимосвязи между смысловыми текстовыми блоками — фрагментами текста, со стимульным материалом — опорными словами, вопросами и т. д. Для этой цели первоначально будет предъявляться стимульный материал, а потом в течение времени, пока этот материал сохраняется в оперативной памяти испытуемого [10], — тексты юридической направленности. Для чистоты эксперимента испытуемому будут предъявляться тексты юридической направленности без стимульного материала (опорных слов, вопросов и т. д.). Порядок их предъявления должен меняться, чтобы исключить привыкание испытуемого к какой-либо последовательности либо закономерности.

Таким образом, в результате проведенных экспериментов могут быть получены определенные зависимости по следующим параметрам: когнитивный стиль испытуемого, опыт работы испыту-

емого, стиль чтения текста без опорных слов, стиль чтения текста с опорными словами, количество выявленных текстовых блоков и взаимосвязь выявленных тестовых блоков с опорными словами. Сравнение количественных и качественных показателей и взаимосвязь выявленных тестовых блоков с опорными словами и с опытом работы испытуемого (опытный юрист или студент юридической специальности) позволят судить об эффективности метода извлечения экспертных знаний в процессе работы с юридической текстовой информацией.

Цель проводимого исследования — раскрытие специфических психологических зависимостей восприятия и анализа текстовой информации различными индивидуумами. Анализ конкретных индивидуумов представляет значительный научный интерес потому, что «действительность конкретна, и лишь ее конкретным анализом можно раскрыть реальные зависимости. Принцип индивидуализации исследования должен быть существеннейшим принципом методики» [7]. Следующей нашей задачей будет переход от единичного ко всеобщему, то есть выявление всеобщих закономерностей.

Для апробации предлагаемого метода было проведено экспериментальное исследование. В качестве испытуемых в исследованиях участвовали:

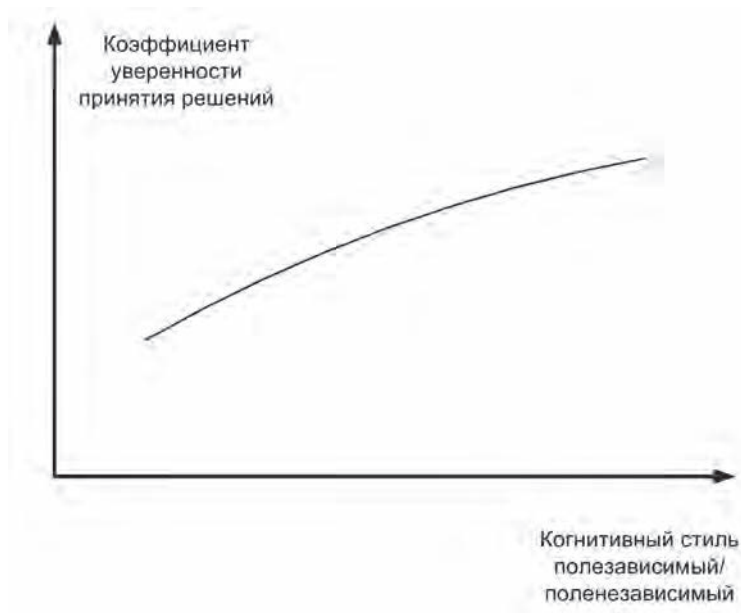
- 1) эксперты — лица, имеющие опыт профессиональной работы;
- 2) новички — лица, не имеющие опы-

та профессиональной работы, — студенты высших учебных заведений г. Москвы.

Исследования проводили с использованием оборудования, отслеживающего траекторию движения глаз пользователя в процессе считывания текстовой информации, а также принятия решений (www.smivision.com). Параллельно с экспериментами проводили исследования когнитивного стиля: импульсивный/рефлексивный, узкий/широкий диапазон эквивалентности, полезависимость/полнезависимость [9]. Испытуемым первоначально предъявляли стимульный материал, а затем текст. Последовательность предъявления текстов на мониторе компьютера менялась, чтобы нивелировать привыкание испытуемого. В результате чтения текста испытуемым устанавливались взаимосвязи стимульного материала со смысловыми текстовыми блоками, которые они выявляли в процессе чтения текста. Экспериментатор наблюдал и фиксировал (в том числе в формате *.mpeg) траекторию движения глаз испытуемого в процессе чтения текста и принятия решения.

Кроме траектории взгляда, экспериментатор фиксировал время, в течение которого испытуемый читал предъявленный текст и принимал решение. В настоящее время исследования продолжаются, в них уже приняли участие более 30 человек. В таблице даны корреляции, выявленные в результате проведенного исследования.

	Импульсивный/ рефлексивный	Время чтения предъявленного текста	Время ответа на вопрос	Коэффициент правильности ответа
Профессиональный опыт испытуемого	0,64	- 0,72	0,72	0,68

Графическое изображение выявленных зависимостей

На рисунке графически представлены выявленные зависимости.

На основании приведенных результатов можно сделать следующие выводы:

1. Эксперты по сравнению с новичками значительно быстрее и успешнее справлялись с решением задач на выявление взаимосвязи между стимульным материалом и смысловыми текстовыми блоками, в процессе решения демонстрировали стабильность результатов. Новички допускали ошибки при решении задач, у них наблюдалось расхождение временных результатов.

2. Количественные характеристики, то есть количественная оценка степени, в которой выявленный смысловой фрагмент текста соотносится с предъявленным стимульным материалом, у экспертов были незначительно выше.

Результаты экспериментов показывают необходимость проведения дальнейших исследований, направленных на совершенствование и экспериментальное подтверждение метода извлечения экспертных знаний в процессе работы с юридической текстовой информацией.

Литература

1. Интеллектуальная информационная среда обитания и субъективное восприятие качества жизни / Т. Атанасова, Т.Н. Савченко [и др.] // Методы исследования психологических структур и их динамики: тр. Ин-та психологии РАН. — М., 2010.

2. Баканов А.С. Особенности психологического подхода к моделированию человеко-компьютерного взаимодействия // Вестн. Гос. ун-та управления. — 2009. — № 6. — С. 15–18.

3. Баканова Н.Б. Использование программно-технических комплексов для повышения эффективности контроля в системах документооборота // Электросвязь. — 2007. — № 6. — С. 51–53.

4. Ларичев О.И., Петровский А.Б. Системы поддержки принятия решений. Современное состоя-

ние и перспективы развития // Итоги науки и техники. Сер. Техническая кибернетика. — М.: ВИНТИ, 1987. — Т. 21. — С. 131–164.

5. Петровский А.Б. Многокритериальное принятие решений по противоречивым данным: подход теории мультимножеств // Информационные технологии и вычислительные системы. — 2004. — № 2. — С. 56–66.

6. Поздняков В.М. Направления совершенствования психологического обеспечения работы с сотрудниками ФСИН России // Прикладная юридическая психология. — 2012. — № 2. — С. 8–17.

7. Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. — СПб.: Питер, 2000.

8. Савченко Т.Н., Головина Г.М. Субъективное качество жизни осужденных и интеллектуальная информационная среда // Прикладная юридическая психология. — 2012. — № 4. — С. 41–51.

9. Холодная М.А. Когнитивные стили: О природе индивидуального ума: учеб. пособие. — М.: Пер Сэ, 2002.

10. Baddeley A.D., Eysenck M., Anderson M.C. Memory. — Hove: Psychology Press, 2009.

ХАРАКТЕРИСТИКА МУЖЧИН, ОСУЖДЕННЫХ К ЛИШЕНИЮ СВОБОДЫ (по материалам специальной переписи 2009 г.)

А. В. Датий

Аннотация: в статье приведена социально-демографическая, уголовно-правовая и уголовно-исполнительная характеристики осужденных к лишению свободы по материалам специальной переписи 2009 г.

Ключевые слова: осужденные, характеристика осужденных, специальная перепись осужденных, число судимостей, срок наказания, дополнительные виды наказания, гражданство осужденных, место отбывания наказания.

Summary: this article shows the socio-demographic, criminal law and criminal executing characteristics of sentenced to imprisonment, based on a special census in 2009.

Keywords: prisoners, the characteristic of the prisoners, a special census of prisoners, the number of convictions, sentences have additional types of punishment, the nationality of the convicted, place of incarceration, social ties to convicted persons.

При проведении переписи осужденных, проводившейся в местах лишения свободы на территории Российской Федерации в 2009 г., ей подлежал каждый десятый мужчина, осужденный к наказанию в виде лишения свободы. В статье дана социально-демографическая, уголовно-правовая и уголовно-исполнительная характеристики указанных лиц.

Социально-демографическая характеристика. Социологией, психологией, педагогикой в последние годы были выявлены закономерности, позволяющие учитывать при работе по исправлению осужденных и предупреждению совершения новых преступлений те или иные особенности граждан разного возраста, образовательного уровня, семейного положения [2, 3, 4, 7, 8, 17, 19, 20]. Эти характеристики могут быть использованы и в проводимой нами работе [2, 6, 9].

В статье анализируются данные о распределении осужденных по возра-

сту, семейному положению, образованию, роду занятий, состоянию здоровья и трудоспособности, гражданству.

Возраст. В исследованиях разных лет многими авторами отмечалось, какое влияние на личность осужденного, его интересы, возможность исправления и перевоспитания оказывает возраст. С увеличением возраста, естественно, происходят и изменения личности: меняются ее социальные роли и функции, жизненный опыт, привычки и наклонности, мотивация поступков, реакция на различные жизненные ситуации. Все эти факторы оказывают существенное влияние на поведение человека [2, 5, 16].

Анализ данных показал, что осужденные мужчины, содержащиеся в исправительных учреждениях, распределялись по возрастным группам следующим образом. В возрасте от 30 до 39 лет находились 33,1 % осужденных, от 25 до 29 лет — 24,9, от 20 до 24 лет — 19,0, от 40 до 49 лет — 13,4, от 50 до 54 лет — 4,0 % осужденных. Доля лиц крайних возрастных групп незначительна.

Семейное положение. Наличие семьи в большинстве случаев благоприятно воздействует на лиц, отбывающих наказание в исправительных учреждениях, облегчает их социальную адаптацию после освобождения. С учетом важности поддержания осужденными социально полезных связей в законодательстве предусмотрена возможность реализации ими права на вступление в брак. В связи с этим при проведении исследования мы уделили вопросу о семейном положении осужденных большое внимание.

Данные проведенного исследования показали, что 76,2 % осужденных муж-

чин в браке не состояли, 16,6 % — состояли в браке и у них сохранилась семья, 7,2 % осужденных состояли в браке, но их семья распалась. Вступили в брак за время отбывания наказания 5,4 % осужденных мужчин, участвовавших в переписи.

Образование. Ранее проведенные исследования свидетельствуют о важной роли образования как антикриминального фактора [4, 13]. Полученные нами данные подтверждают, что образовательный уровень является существенной характеристикой личности человека в целом и осужденного в особенности. Образовательный уровень человека тесным образом связан с формированием его потребностей, интересов, ценностных ориентаций, мотивов и целей его деятельности, привычек, правил поведения, способов и форм реагирования на конкретные (в том числе неблагоприятные) жизненные ситуации.

В то же время известно, что образовательный уровень в значительной степени определяет творческие, интеллектуальные и трудовые возможности человека, его общественную значимость. Между тем пребывание осужденного в исправительном учреждении является временным, и одна из основных задач исполнения наказания сводится к подготовке осужденных к освобождению, причем к такой подготовке, в результате которой лица, отбывшие наказание, не только не совершали бы новых преступлений, но и были в состоянии принести максимум пользы обществу после освобождения [5, 11, 12, 14, 15, 18].

Проведенный нами анализ уровня образования осужденных мужчин показал, что среднее полное общее (сред-

нее) образование имели 37,7%, основное общее (неполное среднее) — 28,3, среднее профессиональное (среднее специальное и незаконченное высшее) — 25,4, начальное общее (начальное) — 4,9, высшее профессиональное (высшее) — 2,5, не имели образования — 1,2% осужденных мужчин.

Образовательный уровень, являясь, как правило, показателем развития человека, связан и с некоторыми другими значимыми свойствами личности.

Результаты проведенного нами исследования показали, что по мере увеличения возраста наблюдаются существенные изменения в образовательном уровне осужденных. Так, увеличивается доля лиц, имевших образование в пределах начального общего, и достаточно интенсивно возрастает процент тех, кто получил среднее специальное и высшее образование.

Род занятий до осуждения. Многочисленные исследования разных лет показали, какое большое значение имеет трудовая деятельность в формировании мировоззрения человека и его нравственных взглядов.

Вместе с тем само по себе участие человека в трудовой деятельности еще не является гарантией его правопослушного поведения в обществе. Так, данные нашего исследования показывают, что подавляющее большинство осужденных мужчин не были заняты до ареста общественно полезным трудом или учебой. Это, однако, не помешало им совершить преступление.

Без определенных занятий было 49,0% осужденных мужчин, 1,0% получали пенсионное обеспечение, а 2,7% официально признаны безработными. Как видно из полученных нами резуль-

татов, по сравнению с данными статистики существенных изменений в составе осужденных в зависимости от рода занятий не произошло. Как и раньше, большинство осужденных не работали и не учились.

Рабочие составляли 33,3%, служащие — 1,8%, лица, занимающиеся предпринимательской деятельностью, — 1,7%, иной деятельностью занимались 4,9% осужденных. Доля остальных осужденных была незначительна.

Состояние здоровья и трудоспособность. Трудоспособными являются 89,6% осужденных мужчин, ограниченно годны к физическому труду 6,6%, инвалидами признаны 3,0% и достигли пенсионного возраста 0,8% осужденных мужчин.

Гражданство. Гражданами Российской Федерации являются 96,5% осужденных, иностранными гражданами — 2,9, лицами без гражданства — 0,6% осужденных мужчин.

Таковы основные показатели социально-демографической характеристики осужденных мужчин.

Уголовно-правовая характеристика. Личность преступника нельзя изучать в отрыве от совершенного им преступления, поскольку антиобщественная направленность личности находит свое внешнее выражение именно в объективной стороне преступного посягательства и в конкретном характере действий преступника [2, 4, 18].

Важнейшие компоненты личности осужденных связаны с их уголовно-правовой характеристикой, то есть с теми свойствами и качествами лица, отбывающего наказание, которые привели его в места лишения свободы. К их числу отнесены: категория совершенного пре-

ступления, число судимостей, срок наказания, назначенный судом, вид учреждения, дополнительные виды наказания, фактически отбытый срок наказания и неотбытый срок наказания.

Категория преступления, за которое лицо отбывает наказание. В процессе проведения переписи изучался вопрос о том, преступления какой категории в основном совершают мужчины. 41,9% осужденных совершили преступление, которое относится к особо тяжким, 38,1 — к тяжким, 16,8 — средней тяжести, 3,2% — небольшой тяжести.

Характеризуя осужденных, находящихся в исправительных учреждениях, можно отметить корреляцию возраста отбывающих наказание осужденных мужчин и характера совершенного ими преступления.

Число судимостей является одним из важнейших показателей, характеризующих личность осужденного и его поведение. Оно дает возможность судить, насколько устойчивы у осужденного антисоциальные черты личности.

По нашим данным, по числу судимостей осужденные распределились следующим образом. У большинства осужденных мужчин (49,5%) это первая судимость, у 27,9 — вторая, у 12,8 — третья, у 5,1 — четвертая, у 2,1% осужденных это пятая судимость, у остальных — шесть и более судимостей.

Срок наказания, назначенный судом. С точки зрения организации исполнения наказания в отношении осужденных изучение срока назначенного наказания представляет интерес в двух отношениях. С одной стороны, срок наказания в определенной мере можно рассматривать как меру общественной опасности совершенного преступления и преступ-

ника, с другой — это время предстоящего пребывания в исправительном учреждении (разумеется, с учетом возможности досрочного освобождения) и, следовательно, период исправительного воздействия на осужденного.

Согласно результатам наших исследований осужденные распределились в зависимости от срока лишения свободы следующим образом. Назначено наказание до 1 года включительно — 1,9%, от 1 года до 2 лет включительно — 7,7, от 2 до 3 лет включительно — 14,5, от 3 до 5 лет включительно — 23,2, от 5 до 8 лет включительно — 24,4, от 8 до 10 лет включительно — 13,1, от 10 до 15 лет включительно — 10,7, от 15 до 20 лет — 3,6 и более 20 лет — 0,9% осужденных мужчин.

Вид учреждения, в котором суд назначил отбывать наказание. Подавляющему большинству мужчин (60,0%) назначено отбывать наказание в исправительной колонии строгого режима, 30,9% — в исправительной колонии общего режима, 3,1% — в исправительной колонии особого режима и 6,0% — в колонии-поселении.

Дополнительные виды наказания. Полученные данные переписи позволили также определить частоту назначения мужчинам дополнительных наказаний. Так, только 8,0% осужденных мужчин было назначено дополнительное наказание. Удельный вес осужденных, которым в качестве дополнительного наказания был назначен штраф, составил 5,8%. Следует отметить, что штраф в качестве дополнительного наказания стал применяться чаще. Конфискация имущества (до 2003 г.) к 1,4% осужденных мужчин. Всего 0,7% составила доля тех, кому назначено лишение права зани-

мать определенные должности или заниматься определенной деятельностью, и 0,1% — лишение специального, воинского или почетного звания, классного чина и государственных наград.

Фактически отбытый срок наказания также представляет интерес. На день исследования отбыли наказание до 1 года включительно — 19,9% осужденных, от 1 года до 2 лет включительно — 25,8, от 2 до 3 лет включительно — 17,4, от 3 до 5 лет включительно — 20,1, от 5 до 8 лет включительно — 11,2, от 8 до 10 лет включительно — 3,7, свыше 10 лет — 1,9% осужденных. Иными словами, почти две трети осужденных мужчин (63,1%) отбыли в местах лишения свободы до 3 лет от назначенного им срока.

Анализ *неотбытого срока наказания* показал, что предстоит отбывать наказание до 6 месяцев включительно — 7,1% осужденных, от 6 месяцев до 1 года включительно — 9,9, от 1 года до 2 лет включительно — 20,4, от 2 до 3 лет включительно — 18,6, от 3 до 5 лет включительно — 21,6, от 5 до 8 лет включительно — 14,4, от 8 до 10 лет включительно — 4,0, от 10 до 15 лет включительно — 3,1, от 15 до 20 лет включительно — 0,7, более 20 лет — 0,2% осужденных мужчин.

Таковы основные показатели уголовно-правовой характеристики осужденных мужчин, содержащихся в исправительных учреждениях.

Важность **уголовно-исполнительной характеристики** осужденных определяется тем, что она позволяет судить о них в период пребывания в исправительном учреждении и показывает, где и в каком учреждении отбывает наказание осужденный, как воздействует на него наказание, как характе-

ризуются его поведение, отношение к труду, учебе, другим осужденным, какова его общая характеристика [1, 2, 10, 20].

Место отбывания наказания. Данные о распределении осужденных по месту отбывания наказания показали, что 59,9% осужденных мужчин отбывают наказание в пределах территории субъекта Российской Федерации по месту постоянного жительства, а 20,5% — даже в том районе (городе), где они проживали до ареста. В другом субъекте Российской Федерации по месту осуждения отбывали наказание 2,6% осужденных, в другом субъекте Российской Федерации не по месту жительства и не по месту осуждения — 15,0%, не имели постоянного места жительства — 2,0%. Приведенные результаты необходимо учесть при решении вопроса о месте строительства новых исправительных учреждений или перепрофилировании имеющихся.

Условия отбывания наказания. Подавляющее большинство осужденных (79,7%) отбывают наказание в исправительных колониях в обычных условиях, в облегченных условиях — 15,7%, в строгих условиях — 3,4%. В тюрьме на общем режиме отбывают наказание 0,3% и на строгом режиме 0,9% осужденных мужчин.

Учреждение, в котором находился осужденный в момент переписи. Подавляющее большинство опрошенных осужденных мужчин на момент переписи находились в исправительной колонии — 80,9%, в колонии-поселении — 6,8, в тюрьме — 1,2, в лечебном исправительном учреждении — 6,4, в лечебно-профилактическом учреждении — 1,5, в следственном изоляторе — 3,2%.

Основание нахождения в исправительном учреждении. Подавляющее большинство осужденных мужчин отбывают наказание по приговору суда — 91,6%, по постановлению судьи об отмене условного осуждения — 3,0, по постановлению судьи о переводе из исправительной колонии в колонию-поселение — 1,8%, доля других оснований незначительна.

Социальные связи осужденных. Уголовно-исполнительным кодексом РФ (1997) был отменен ряд ограничений, в частности ограничения в переписке, увеличено число разрешенных осужденным свиданий, посылок, бандеролей и передач. Были сняты ограничения в расходовании денежных средств, заработанных в исправительном учреждении или полученных в виде пенсии, увеличен размер присылаемых осужденному денежных средств, которые он имеет право расходовать для покупки в магазине исправительного учреждения продуктов питания и предметов первой необходимости. Рассмотрим, как и в какой мере осужденные мужчины реализуют эти права.

Право на получение посылок и передач. Действующее уголовно-исполнительное законодательство Российской Федерации разрешает получать посылки и передачи всем осужденным, их число зависит от вида режима учреждения и условий отбывания наказания. Анализ результатов проведенного исследования показал, что правом на получение посылок и передач воспользовались 81,6% осужденных.

Право на получение бандеролей. В соответствии с результатами исследования правом на получение бандеролей воспользовались 43,3% осужденных мужчин.

Право на свидания. Правом на краткосрочные свидания воспользовались 47,0%, на длительные свидания — 37,9% осужденных мужчин.

Право на телефонные переговоры. Достоинство телефонных переговоров для осужденных состоит в быстрой передаче информации, возможности сразу же решить какие-то проблемы. Важно и то, что разговор по телефону значительно дешевле приезда на свидание. Наконец, весьма существенен и фактор психологического общения.

К сожалению, этот вид контактов с родственниками должного развития пока не получил. Используют право на телефонные переговоры 43,1% осужденных, 48,6% осужденных мужчин не изъявили желаний воспользоваться этим правом.

Право на получение и отправление денежных переводов. 70,2% осужденных мужчин не получали денежные переводы, а 94,6% — не отправляли денежные переводы.

Число поощрений осужденных. 59,2% осужденных не имели поощрений, 17,6 — имели одно поощрение, 11,1 — два, 6,9% — три, остальные осужденные имели четыре и более поощрения.

Число взысканий осужденных. 66,4% осужденных не имели взысканий, 15,8 — имели одно взыскание, 7,2 — два, 3,9% — три, остальные осужденные имели четыре и более взыскания.

Участие в работе самодеятельных организаций. Активно участвуют в этой работе 21,9% осужденных, не участвуют — 56,5, участвуют, но активности не проявляют 15,6, сейчас не участвуют, но раньше участвовали 6,0% осужденных мужчин.

Характеристика отношения осужденных к труду, по мнению администрации учреждения. К работе относятся добросовестно 44,2% осужденных, недобросовестно — 7,5, от работы отказываются — 10,0, не работают по не зависящим от них или уважительным причинам — 33,1%, недостаточно изучены, поэтому нельзя сделать выводы о 5,2% осужденных мужчин.

Характеристика отношения осужденных к учебе, по мнению администрации учреждения. Не учатся по уважительным причинам 22,7% осужденных, из-за отсутствия школы — 2,3, по неуважительным причинам — 5,8% осужденных. Учатся и к учебе относятся добросовестно 10,6% осужденных, недобросовестно — 3,3% осужденных мужчин.

Общая характеристика осужденных, по мнению администрации учреждения. Характеризуются положительно 37,2% осужденных, нейтрально — 37,9, отрицательно — 21,8 и являются злостными нарушителями 3,1% осужденных мужчин.

Таковы основные показатели уголовно-исполнительной характеристики осужденных мужчин.

Литература

1. Воронин Р.М., Датий А.В., Юсуфов Р.Ш. Уголовно-исполнительная характеристика ВИЧ-инфицированных осужденных женщин // Уголовно-исполнительное право. — 2012. — № 2. — С. 79–80.
2. Датий А.В. Характеристика женщин, осужденных к лишению свободы (по материалам специальной переписи 2009 г.) // Прикладная юридическая психология. — 2013. — № 3. — С. 68–75.
3. Датий А.В. Профилактика ВИЧ-инфекции и других социально значимых заболеваний: курс лекций для повышения квалификации врачей — организаторов здравоохранения Федер. службы исполнения наказаний. М., 2005.
4. Датий А.В., Бовин Б.Г. Анализ динамики умышленных убийств и численности осужденных за убийства в России // Прикладная юридическая психология. — 2011. — № 2. — С. 23–29.

5. Датий А., Данилин Е., Макеев А. Система социальных лифтов в действии // Человек: преступление и наказание: науч. Журн. / Академия ФСИН России. — 2011. — № 9. — С. 9.

6. Датий А.В., Дикопольцев Д.Е., Федосеев А.А. Интернет-конференция «Преобразование воспитательных колоний в учреждения для содержания лиц, совершивших преступления в несовершеннолетнем возрасте» // Прикладная юридическая психология. — 2011. — № 3. — С. 181–182.

7. Датий А.В., Дикопольцев Д.Е., Федосеев А.А. Некоторые характеристики осужденных, отбывающих наказание в воспитательных колониях в 2011 году // Прикладная юридическая психология. — 2011. — № 4. — С. 121–124.

8. Датий А.В., Казберов П.Н. Рецензия на словарь по пенитенциарной психологии («Преступление и наказание от «А» до «Я» / под общ. ред. Д.В. Соичикова) // Прикладная юридическая психология. — 2010. — № 3. — С. 193.

9. Датий А.В., Казберов П.Н. Создание базовых (типовых) психокоррекционных программ для работы с осужденными // Прикладная юридическая психология. — 2011. — № 1. — С. 216–218.

10. Датий А.В., Кармовский В.В., Макаревич З.Б. Уголовно-исполнительная характеристика осужденных женщин, отбывающих наказание в исправительных учреждениях // Уголовно-исполнительное право: науч. журн. / Академия ФСИН России. — 2011. — № 1. — С. 43–45.

11. Проблемы медико-социальной адаптации страдающих социально значимыми заболеваниями лиц, отбывающих наказания и освобожденных из мест лишения свободы / А.В. Датий, А.С. Кузнецова, Р.Ш. Юсуфов [и др.] // Рос. медико-биол. вестн. им. академика И.П. Павлова. — 2010. — № 2. — С. 151.

12. Датий А.В., Павленко А.А., Шаталов Ю.Н. Интернет-конференция «Совершенствование медико-санитарного обеспечения в уголовно-исполнительной системе» // Прикладная юридическая психология. — 2012. — № 1. — С. 178–179.

13. Датий А., Тенета Е. Характеристика ВИЧ-инфицированных осужденных в учреждениях ФСИН России // Закон и право. — 2006. — № 12. — С. 40–41.

14. Датий А.В., Трубецкой В.Ф., Селиванов Б.С. Интернет-конференция «Профилактика социально значимых заболеваний в учреждениях уголовно-исполнительной системы» // Прикладная юридическая психология. — 2012. — № 2. — С. 151–152.

15. Датий А., Хохлов И. Проблема оказания противотуберкулезной помощи осужденным в учреждениях ФСИН России // Закон и право. — 2006. — № 11. — С. 23–24.

16. Дьяченко А.П., Датий А.В., Митропольская К.В. Характеристика ВИЧ-инфицированных осуж-

денных мужчин, отбывающих наказание в исправительных учреждениях ФСИН России // Уголовно-исполнительное право: науч. журн. / Академия ФСИН России. — 2010. — № 1. — С. 71–74.

17. *Климанов Г.Б., Датий А.В., Кокурин А.В.* Опасность профессиональной деформации. Что это такое? // Человек: преступление и наказание: науч. журн. / Академия ФСИН России. — 2011. — № 3. — С. 11.

18. *Кузьмин А.Н., Казберов Д.Е., Дикопольцев П.Н.* Результаты мониторинга апробации системы социальных лифтов в уголовно-исполнительной системе Российской Федерации в 2011 году (в части соответствия осужденных основным критериям си-

стемы и изменения осужденным условий отбывания наказаний) // Прикладная юридическая психология. — 2012. — № 2. — С. 94–100.

19. *Молоствов А.В.* Социально-психологические особенности личности осужденных женщин, совершивших тяжкое насилие в отношении своих детей // Прикладная юридическая психология. — 2011. — № 4. — С. 55–62.

20. *Тенета Е.Л., Датий А.В.* Некоторые аспекты характеристики ВИЧ-инфицированных осужденных в учреждениях ФСИН России // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. — 2007. — № 2. — С. 32–34.

ИСТОРИКО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ ВОИНСКОГО, НАУЧНОГО И ДУХОВНОГО ПОДВИГА МИТРОПОЛИТА СЕРАФИМА (ЧИЧАГОВА).

Н. Е. Шафажинская

Аннотация: статья посвящена раскрытию воинского, историко-психологического и духовно-нравственного значения трудов видного русского офицера, ученого, богослова и писателя Леонида Михайловича Чичагова — будущего священномученика, митрополита Серафима (Чичагова) — для отечественной науки и культуры. Представитель одного из прославленных родов России, Л.М. Чичагов прошел сложный путь личностного и профессионального становления, соединив в своем многогранном служении христианские ценности и практическую созидательную деятельность, направленную на укрепление государственности, научное развитие и духовное просвещение российского общества. Достижения Л.М. Чичагова — митрополита Серафима — и в современную эпоху сохраняют свою актуальность и ценность для областей медицины, психологии, образования, церковного искусства, исторической литературы, богословия, представляя собой образец единства доблести и святости, выраженный в патриотическом служении русского воинства.

Ключевые слова: Л.М. Чичагов, митрополит Серафим (Чичагов), воинское служение, христианские ценности, научная деятельность, историко-психологическое значение трудов, духовно-нравственный подвиг, научное и культурное наследие, религиозная культура, христианская антропология, отечественная история.

Summary: article is devoted to disclosure military, historical and psychological and spiritually-moral value of works of the prominent Russian officer, the scientist, the theologian and writer Leonid Mikhailovich Chichagov — future martyr, metropolitan Serafim (Chichagov) — for a domestic science and culture. The representative of one of the glorified childbirth of Russia, L.M. Chichagov passed a difficult way of personal and professional formation, having connected in the many-sided service Christian values and the practical creative activities directed on strengthening of statehood, scientific development and spiritual education of the Russian society. L.M. Chichagova's achievements — metropolitan Serafim — and keep in present period the urgency and value in the field of medicine, psychology, educations, church art, historical literature, divinity, representing an example of unity of valor and the sanctity, expressed in patriotic service of Russian troops.

Keywords: L.M. Chichagov, metropolitan Serafim (Chichagov), military service, Christian values, scientific activity, historical and psychological value of works, spiritually-moral feat, a scientific and cultural heritage, religious culture, Christian anthropology, national history.

Статья посвящена раскрытию воинского, историко-психологического и духовно-нравственного значения трудов видного русского офицера, ученого, богослова и писателя Леонида Михайло-

вича Чичагова — будущего священно-мученика, митрополита Серафима (Чичагова). Представитель одного из прославленных родов России, Л.М. Чичагов прошел сложный путь личностного и профессионального становления, соединив в своем многогранном служении христианские ценности и практическую созидательную деятельность, направленную на укрепление государственности, научное развитие и духовное просвещение российского общества. Достижения Л.М. Чичагова — митрополита Серафима — и в современную эпоху сохраняют свою актуальность и ценность в области медицины, психологии, образования, церковного искусства, исторической литературы, богословия, представляя собой образец единства доблести и святости, выраженный в патриотическом служении русского воинства.

Имя Леонида Михайловича Чичагова (1856–1937) входит в плеяду лучших представителей родов России, чья воинская, научная, духовно-культурная и государственная деятельность может быть по праву причислена к отечественному национальному достоянию. Считаем важным кратко отразить контекст, в котором происходило становление и формирование личности выдающегося деятеля. Славные традиции рода Чичаговых правомерно определить как духовно-нравственные универсалии общего психологического характера служения русского дворянства, в котором воинская служба воспринималась как априорная и неотъемлемая миссия исполнения христианского долга Отечеству. Такое восприятие касалось всех членов семьи Чичаговых, среди которых назовем В.Я. Чичагова (1726–1809), посвятившего свою жизнь исследова-

ниям Северного Ледовитого океана, и одного из знаменитых военных и государственных деятелей Александровской эпохи П.В. Чичагова.

Павел Васильевич Чичагов (1762–1849) — известный адмирал — с 1782 г. находился на морской военной службе и отличился в войне со шведами. В 1802 г. он был назначен управляющим Морским министерством, а в 1807 — стал морским министром. В 1812 г. П.В. Чичагов сменил М.И. Кутузова в командовании молдавской армией и заключил Бухарестский мир [7, с. 1206].

Следуя семейной традиции, Леонид Михайлович Чичагов избрал поприще военной службы. Образование он получил в знаменитом Пажеском корпусе, являлся кадровым офицером, служил в Гвардейской конной артиллерии и в 34 года удостоился звания полковника царской армии. Леонид Михайлович стал героем русско-турецкой войны 1877–1878 гг. За храбрость при осаде Плевны и взятии Телиша генерал Михаил Дмитриевич Скобелев наградил его личным оружием. Незаурядная интеллектуальная и творческая одаренность Л.М. Чичагова проявилась очень рано и была с успехом востребована в воинском искусстве. Так, в 1881 г. его в качестве высококомпетентного специалиста по артиллерии направили в Париж на маневры французских войск, где его знания и опыт получили высокую оценку.

В числе пятнадцати российских и иностранных орденов и знаков отличий, которыми был награжден Л.М. Чичагов, имеются, в частности, ордена Святой Анны первой, второй, третьей и четвертой степени; Святого Станислава второй и третьей степени; болгарского ордена Святого Александра третьей степени;

румьинский Железный крест и темно-бронзовая медаль на Александровской ленте в память Св. коронования Их Императорских Величеств в Успенском соборе 15 мая 1883 г. Не менее ценным достижением в реализации творческого потенциала Л.М. Чичагова стали его литературные труды, посвященные анализу и освещению разных аспектов воинского служения, в которых уже явно просматривалась научная, духовно-нравственная и церковная перспектива его дальнейшего личностного роста. Еще до избрания своего церковного пути полковник царской армии Л.М. Чичагов создал ряд интересных и важных литературных трудов: «Примеры из прошлой войны 1877–1878 годов», «Описание отдельных солдатских подвигов», «Рассказы о подвигах офицеров» и «Дневник пребывания царя-освободителя в Дунайской армии в 1877 году». Основные вопросы, над которыми все чаще задумывался молодой офицер в период военной кампании, — это онтологические и экзистенциальные проблемы смысла земного бытия, состояние личности на рубеже жизни и смерти, поиск возможностей эффективной помощи ближним, терпящим бедствия, пути и способы преодоления отчаяния людей, находящихся в стрессовой, критической ситуации.

Сопереживая физическим и психологическим страданиям раненых воинов, Леонид Михайлович, не имевший специального образования, самостоятельно изучил медицину и сумел применить приобретенные знания в практической деятельности. Глубокое исследование и энциклопедическая эрудиция в области истории медицины позволили Чичагову стать в один ряд с преемниками идей выдающихся врачей античности и

последующих эпох — Гиппократ, Гален, Парацельс, Гарвей, Ганеман и их учеников. Обнаружив много общего в подходе к лечению у Гиппократ и родоначальника гомеопатии Самуэля Ганемана (1755–1843), Л.М. Чичагов становится приверженцем одного из главных подходов к оказанию необходимой медицинской и психологической помощи человеку: «Все части организма так тесно взаимосвязаны, что образуют неразрывное единство чувствования и деятельности... каждое истинное лечение заболевания наружной части тела должно быть направлено на целое, на уничтожение и излечение общего страдания» [1, с. 282–283]. Кроме того, исследования Л.М. Чичагова способствовали созданию его собственной системы лечения организма лекарствами растительного происхождения. Она базировалась на принципах индивидуального подхода к лечению, законах подобия и строгой регламентации растительных неядовитых средств, приготовленных по авторской рецептуре и технологии. В труде «Что служит основанием каждой науки?» Л.М. Чичагов сформулировал концептуальное положение, в котором отражена взаимосвязь трех аспектов — *психологического, религиозного и медицинского*. Автор, в частности, пишет о том, что «...медицина как наука, более других необходимая для людей как помощь и облегчение в их страданиях, должна и более всякой другой науки опираться на религию и изыскивать средства в природе, созданной самим Творцом на пользу человечества, — не забывая, однако, что врачу необходимо иметь в виду не только одну большую плоть, но стараться искать корень болезни в духе или в душе человека» [5, с. 13–14]. Примечатель-

но, что взгляд Л.М. Чичагова на медицину, с точки зрения ряда современных ученых, не только не устарел, но приобретает новое значение в связи с осознанием духовных и психологических причин возникновения патологических состояний. По свидетельству профессора медицины Ю.М. Квитницкого-Рыжова, труд «Что служит основанием каждой науки?» написан профессионально, на основе лучших учебных руководств того времени, с лечебными рекомендациями, подкрепленными собственным опытом» [4, с. 252]. Описание лечебной системы, созданной Л.М. Чичаговым, составляет значительную часть его фундаментального труда «Медицинские беседы», который был опубликован в 1891–1895 гг. Знаменательно, что в этот же период Леонид Михайлович, офицер, ученый и писатель, начал углубленно изучать богословие, послужившее в дальнейшем основой его нового поприща — церковной и пастырской деятельности на пути христианского служения Отечеству.

Таким образом, в научно-исследовательском диапазоне Чичагова соединились три главных компонента его комплексной системы духовной и практической помощи человеку — медицинский, психологический и богословский. Опираясь в своих рассуждениях на идеи ученого и богослова святителя Феофана (Говорова), Затворника Вышенского, Л.М. Чичагов приходит к убеждению, что наука, в частности наука о человеке, не только не противоречит, но и должна идти рука об руку с религией, поскольку человек — это целостность, единство духа, души и тела. В своих трудах он пишет о необходимости тщательного изучения души, однако подчеркивает, что не все ее действия, несмотря на тесней-

шую взаимосвязь с телом, сводятся к телесности, чувственности. В душевной области психологического устройства человека особую роль ученый отводит важнейшему компоненту — *слову*, полагая, что «именно орган слова — исключительно есть орган души, назначенный для служения ей одной» [5, с. 19]. Данный факт означает то, что в христианско-антропологической парадигме тема значения слова и особой роли *речи* в психическом развитии личности была обозначена еще до разработки этой идеи в академической психологии в рамках культурно-исторической теории Л.С. Выготского.

Как один из первых отечественных мыслителей, соединивших академические представления о психофизиологической деятельности человека с категориями христианской антропологии, Л.М. Чичагов раскрывает понятие *духа* как доминантной характеристики личности, интерпретируя его сущность и значение с теологических позиций. Содержание духа ученый, в соответствии с христианским учением о человеке, определяет как «ту силу, которую вдохнул Бог в лицо человека, завершая сотворение его» [5, с. 22–23]. В качестве проявлений *жизни духа* Чичагов называет «страх Божий», «совесть» и «жажду Бога», предлагая собственное понимание и разъяснение указанных феноменов. По его мнению, всем людям, независимо от их социального статуса и интеллектуального развития, присуще внутреннее чувство и знание некой высшей, сверхъестественной силы, «верховного существа, которое все содержит и всем управляет» (страх Божий). Совесть — это важнейшее нравственное чувство человека — ученый квали-

фицирует как указатель на то, «что право и что неправо, что угодно Богу и что не угодно». «Жажда Бога», по Л.М. Чичагову, выражается «во всеобщем стремлении к благу», любви, красоте и представляет собой ту силу, которая влечет человека «от земли и всего земного к небесному и которая успокаивается лишь в союзе и сочетании с Богом». Этой силой, имплицитно присущей и непрерывно действующей в каждом индивидуе, ученый-богослов объясняет наличие религиозности как неотъемлемого свойства всех, без исключения, народов и цивилизаций в истории развития человечества [5, с. 22].

Богословская деятельность, более всего отвечающая насущным потребностям души Л.М. Чичагова, постепенно становилась для него приоритетной, и, по благословению выдающегося российского пастыря, святого праведного Иоанна Кронштадтского, с которым Чичагов познакомился еще в 1878 г. и стал его духовным сыном, боевой гвардейский офицер принимает окончательное решение оставить военную службу и посвятить дальнейшую жизнь служению «Богу, царю и Отечеству» в сане священника Русской Православной Церкви. В 1890 г., 15 апреля, Высочайшим указом Л.М. Чичагов был уволен в отставку и в 1891 г. переехал семьей в Москву, где 26 февраля 1893 г. в московском синодальном храме Двенадцати апостолов был рукоположен в сан диакона, а 28 февраля в той же церкви — в сан священника. Символично, что в своем церковном служении Леонид Михайлович использовал опыт недавней военной службы. Так, 14 февраля 1896 г. священник Леонид Чичагов был определен к московской церкви для част-

ных учреждений и заведений артиллерии Московского военного округа. Данное определение состоялось по распоряжению Протопресвитера военного и морского духовенства [2].

Дальнейшая духовная эволюция, обусловленная стремлением к аскетической, молитвенной жизни, способствовала тому, что после кончины жены, Наталии Николаевны Дохтуровой, священник Леонид Чичагов решает принять монашеский постриг: летом 1898 г. его зачислили в состав братии Свято-Троице-Сергиевой Лавры, а пострижение в мантию состоялось 14 августа 1898 г. с именем Серафим. Это событие имело особое значение не только для самого Л.М. Чичагова, но также для истории Русской Православной Церкви и соответственно истории Отечества, в освещение которой этот удивительный человек внес весомый вклад. Несколько лет он собирал материал и трудился над созданием «Летописи Серафимодивеевского монастыря» — одной из знаменитейших святынь русской монастырской культуры, с которой связаны монашеские подвиги великого русского подвижника, преподобного Серафима Саровского. В 1902 г. усилиями Серафима (Чичагова) «Летопись...» была переиздана, что в немалой степени способствовало осуществлению канонизации Саровского чудотворца. Будучи уже архимандритом (1899), Серафим (Чичагов) входил в состав комиссии, созданной по настоянию императора Николая II и возглавляемой митрополитом Московским Владимиром (Богоявленским). 29 января 1903 г. он стал свидетелем открытия мощей, а в дальнейшем — прославления в лике святых Серафима Саровского (впоследствии очеред-

ной арест владыки 16 апреля 1924 г. по указанию ГПУ был мотивирован именно его участием в этом событии).

Упомянув лишь о некоторых сторонах пастырского служения святителя Серафима (Чичагова) в начале XX столетия, отметим, что в феврале 1904 г. он был назначен настоятелем Воскресенского Ново-Иерусалимского монастыря — прославленной обители, основанной Патриархом Никоном (1656), и всего лишь за год своего игуменства произвел реставрацию величественного Воскресенского собора — реликвии церковного искусства. Надо особо отметить, что, пребывая уже в епископском сане, в период своего самоотверженного служения владыка Серафим всегда назначался на особенно трудные кафедры, требующие значительного таланта, опыта, интеллекта и организаторского мастерства в процессе их возрождения и укрепления епархиальной жизни.

Касаясь творческого диапазона святителя, в рамках данной статьи можно лишь перечислить области, кроме военной и врачебной, в которых реализовались его дарования во вверенных ему епархиях: он был блестящим проповедником, богословом, писателем, историком, композитором, музыкантом, иконописцем. В качестве некоторых иллюстраций назовем, в частности, написанные им иконы Спасителя, преподобного Серафима Саровского, а также изображения евангелистов в храме Святителя Николая в Старом Ваганькове.

Тяжелым испытанием в преддверии дальнейших драматических, переломных событий в России стала начавшаяся в 1914 г. Первая мировая война, во время которой владыка Серафим (Чичагов) проявил себя не только как архи-

пастырь, оказывающий всяческую поддержку и молитвенную помощь страдающим соотечественникам, но и как опытный русский офицер, глубоко осознающий все аспекты происходящей войны. На протяжении военного периода архиепископ Серафим совершал богослужения, провозглашал проповеди, в которых призывал к консолидации гражданского общества и к деятельному патриотизму; вел сбор пожертвований в пользу раненых; как врач, он лично принимал участие в организации санитарных поездов, госпиталей и оказании медицинской помощи воинам и пострадавшему населению. Необходимо сказать и о том, что мужественная, принципиальная позиция святителя Серафима так же решительно проявилась на следующей волне испытаний — в марте 1917 г.: он сохранил верность церковной и государственной властям, выразив однозначно отрицательное отношение к разрушению монархии и происходящим в России радикальным переменам. Твердость и бескомпромиссность позиции святителя Серафима не могла не отразиться на его дальнейшей судьбе — трагической и возвышенной.

В заключительной части статьи считаем более важным кратко остановиться на последних годах жизни и деятельности митрополита Серафима (Чичагова) — в этот чин он был возведен в 1920 г. выдающимся деятелем Русской Православной Церкви, Патриархом Московским и всея Руси Тихоном (Белавиным). В марте 1928 г. заместителем Патриаршего Местоблюстителя митрополитом Сергием (Страгородским) — одним из лучших отечественных ученых-богословов — владыка Серафим был назначен в Ленинградскую епархию — ме-

сто, где прошла первая, светская половина жизни святителя, которому были отданы теперь все его оставшиеся силы. Уже тяжело больной, испытывающий нарастающую ненависть к нему со стороны государственных властей Ленинграда, грозившую скорым арестом, решением Временного Патриаршего Священного Синода он был уволен на покой 14 октября 1933 г. Свои последние годы, вплоть до мученической кончины, владыка провел сначала в Москве, а затем в Подмосковье. Святитель Серафим (Чичагов) отчетливо осознавал всю катастрофичность происходящих событий для Русской Православной Церкви и предвидел, какие искупительные страдания еще предстоят народу России. В преддверии тяжелейших испытаний и подвигов за веру митрополит Серафим выступал как пророк, и его слова поддерживали многих: «Православная Церковь переживает сейчас время испытаний. Кто останется сейчас верен Святой Апостольской Церкви — тот спасен будет. Многие сейчас из-за преследований отходят от Церкви, другие даже предают ее. Но из истории хорошо известно, что и раньше были гонения, но все они окончились торжеством христианства. Так будет и с этим гонением. Оно окончится. И Православие снова восторжествует. Сейчас многие страдают за веру, но это золото очищается в духовном горниле испытаний. После этого будет столько священномучеников, пострадавших за веру Христову, сколько не помнит вся история христианства» [3, с. 351].

Пророческие предвидения митрополита Серафима сбылись и в отношении его самого. Он был арестован сотрудниками НКВД в ноябре 1937 г., и, поскольку немощный, уже умирающий 82-лет-

ний владыка не мог передвигаться самостоятельно, его вынесли на носилках из дома и доставили на машине «скорой помощи» в Таганскую тюрьму. Мужественно преодолевая физические и моральные страдания, священномученик Серафим Чичагов не признал ни одного из предъявленных ему ложных обвинений и 11 декабря 1937 г. был расстрелян в деревне Бутово, находящейся недалеко от Москвы. Знаменательно, что столь различные миссии христианского служения Л.М. Чичагова, как воинская защита Отечества и лечение людей, соединились в его высоком церковном служении в сане митрополита, когда ему — воину Христову — пришлось встать на защиту веры, укрепляя героев-мучеников в их подвиге в эпоху гонений.

Наряду с другими подвижниками русский воин, офицер, ученый, богослов, писатель, выдающийся деятель православной культуры и пастырь Русской Православной Церкви был причислен к лику святых Новомучеников и Исповедников Российских на юбилейном Архиерейском Соборе 2000 года. Символическим фактом в истории рода Чичаговых — как части общей российской истории — можно считать то, что внучка митрополита Серафима стала его преемницей и в сфере научной деятельности, и в религиозном служении. Оставив пост видного ученого, профессора МГУ имени М.В. Ломоносова, доктор технических наук, кандидат химических наук Варвара Васильевна Черная-Чичагова (1914–1999) трудилась вначале послушницей, затем настоятельницей и игуменией Серафимой Московского Новодевичьего монастыря. Матушка Серафима приложила значительные усилия для систематизации и издания медицинского насле-

дия своего деда [6], а в качестве настоятельницы знаменитой обители способствовала восстановлению ее церковной жизни и монастырской культуры.

Обобщая изложенное, правомерно утверждать, что воинский и христианский подвиг, научное, богословское наследие священномученика митрополита Серафима (Чичагова) представляют значительную историко-психологическую ценность. Труды святителя Серафима существенно обогатили содержание естественнонаучного и гуманитарного направлений отечественной науки и культуры, включая многие аспекты медицинских, психологических и духовных феноменов. Мы полагаем, что знакомство представителей современного секулярного общества, находящихся в психологическом и духовном поиске ценностей, жизнеопределяющих ориентиров, с личностью и судьбой священномученика митрополита Серафима (Чичагова) содержит новые возможности для более глубокого осмысления человеком свое-

го истинного предназначения и понимания нравственных оснований становления национального характера в контексте отечественной истории, психологии и культуры.

Литература

1. *Ганеман С.* Органон врачебного искусства / под ред. А.В. Высоканского. — 6-е изд. — М.: Симилия, 1998. — С. 282–283.

2. Житие священномученика митрополита Серафима (Чичагова). — СПб.: Сатисъ, 2000.

3. Заветы Новомучеников и Исповедников Российских. — М.: Изд-во Сретенского монастыря, 2004. — С. 351.

4. *Квитницкий-Рыжов Ю.М.* Из истории популяризации медицинских знаний в России. Л.М. Чичагов и его «Медицинские беседы» // Сов. здравоохранение. — 1984. — № 8. — С. 252.

5. Медицинские труды Л.М. Чичагова // Медицинское наследие священномученика митрополита Серафима (Чичагова). История и современность. — М.: Изд-во Сретенского монастыря, 2007.

6. *Серафима (Черная-Чичагова), игуменья.* «Да будет воля Твоя». Житие и труды священномученика Серафима (Чичагова). — М.: Изд-во Сретенского монастыря, 2003.

7. Словарь исторический и социально-политический / под ред. В.В. Битнера. — СПб.: Вестник Знания (В.В. Битнера), 1906. — С. 1206.

ПРОБЛЕМЫ МЕДИКО-САНИТАРНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ И СОЦИАЛЬНОЙ АДАПТАЦИИ ЛИЦ, ОТБЫВАЮЩИХ НАКАЗАНИЕ И ОСВОБОЖДАЮЩИХСЯ ИЗ МЕСТ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ

Р. Ш. Юсуфов

В марте-сентябре 2014 г. планируется проведение научно-практической интернет-конференции, где будут рассмотрены вопросы медико-санитарного обеспечения и социальной адаптации лиц, отбывающих наказание и освобождающихся из мест лишения свободы. Она станет продолжением ранее проводившихся конференций по этой тематике [6, 8, 11, 13, 17].

Противодействие распространению социально значимых заболеваний — одно из приоритетных направлений деятельности пенитенциарной медицины [3, 4, 5]. Социальный характер этих заболеваний требует специальных подходов для их лечения [10, 14, 15, 18].

В России вопросы оказания социальной помощи правонарушителям относятся к компетенции различных органов исполнительной власти, в том числе ФСИН России, учреждений здравоохранения, органов занятости и общественных организаций [12, 16].

Деятельность, направленную на укрепление здоровья, в сочетании с мероприятиями по реабилитации, проводимыми в комплексе, следует рассматривать как эффективное средство формирования социально здоровой личности и профилактики совершения новых преступлений [1, 2, 7, 9].

Литература

1. Воронин Р.М., Датий А.В., Трубецкой В.Ф. Некоторые характеристики осужденных, больных наркоманией // Человек: преступление и наказание: науч. журн. / Академия ФСИН России. — 2012. — № 3. — С. 118–121.

2. Воронин Р.М., Датий А.В., Юсуфов Р.Ш. Уголовно-исполнительная характеристика ВИЧ-инфицированных осужденных женщин // Уголовно-исполнительное право: науч. журн. / Академия ФСИН России. — 2012. — № 2. — С. 79–80.

3. Датий А.В. Характеристика женщин, осужденных к лишению свободы (по материалам специальной переписи 2009 г.) // Прикладная юридическая психология. — 2013. — № 3. — С. 68–75.

4. Датий А.В. Профилактика ВИЧ-инфекции и других социально значимых заболеваний: курс лекций для повышения квалификации врачей-организаторов здравоохранения Федеральной службы исполнения наказаний. — М., 2005.

5. Датий А., Данилин Е., Макеев А. Система социальных лифтов в действии // Человек: преступление и наказание: науч. журн. / Академия ФСИН России. — 2011. — № 9. — С. 9.

6. Датий А.В., Дикопольцев Д.Е., Федосеев А.А. Интернет-конференция «Преобразование воспитательных колоний в учреждения для содержания лиц, совершивших преступления в несовершеннолетнем возрасте» // Прикладная юридическая психология. — 2011. — № 3. — С. 181–182.

7. Датий А.В., Дикопольцев Д.Е., Федосеев А.А. Некоторые характеристики осужденных, отбывающих наказание в воспитательных колониях в 2011 году // Прикладная юридическая психология. — 2011. — № 4. — С. 121–124.

8. Датий А.В., Казберов П.Н. Создание базовых (типовых) психокоррекционных программ для работы с осужденными // Прикладная юридическая психология. — 2011. — № 1. — С. 216–218.

9. Датий А.В., Кармовский В.В., Макаревич З.Б. Уголовно-исполнительная характеристика осужденных женщин, отбывающих наказание в исправительных учреждениях // Уголовно-исполнительное право: науч. журн. / Академия ФСИН России. — 2011. — № 1. — С. 43–45.

10. *Датий А.В., Павленко А.А.* К вопросу о совершенствовании действующего законодательства в области пенитенциарной медицины // Человек: преступление и наказание: науч. журн. / Академия ФСИН России. — 2011. — № 1. — С. 58–61.

11. *Датий А.В., Павленко А.А., Шаталов Ю.Н.* Интернет-конференция «Совершенствование медико-санитарного обеспечения в уголовно-исполнительной системе» // Прикладная юридическая психология. — 2012. — № 1. — С. 178–179.

12. *Датий А., Тенета Е.* Характеристика ВИЧ-инфицированных осужденных в учреждениях ФСИН России // Закон и право. — 2006. — № 12. — С. 40–41.

13. *Датий А.В., Трубецкой В.Ф., Селиванов Б.С.* Интернет-конференция «Профилактика социально значимых заболеваний в учреждениях уголовно-исполнительной системы» // Прикладная юридическая психология. — 2012. — № 2. — С. 151–152.

14. *Датий А., Хохлов И.* Проблема оказания противотуберкулезной помощи осужденным в учреждениях ФСИН России // Закон и право. — 2006. — № 11. — С. 23–24.

15. *Датий А.В., Юсуфов Р.Ш., Ермолаева Т.В.* Роль клиничко-диагностических лабораторных исследований в диагностике туберкулеза // Клиническая лабораторная диагностика. — 2010. — № 9. — С. 35.

16. *Дьяченко А.П., Датий А.В., Митропольская К.В.* Характеристика ВИЧ-инфицированных осужденных мужчин, отбывающих наказание в исправительных учреждениях ФСИН России // Уголовно-исполнительное право: науч. журн. / Академия ФСИН России. — 2010. — № 1. — С. 71–74.

17. *Климанов Г.Б., Датий А.В., Кокурин А.В.* Опасность профессиональной деформации. Что это такое? // Человек: преступление и наказание: науч. журн. / Академия ФСИН России. — 2011. — № 3. — С. 11.

18. *Тенета Е.Л., Датий А.В.* Некоторые аспекты характеристики ВИЧ-инфицированных осужденных в учреждениях ФСИН России // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. — 2007. — № 2. — С. 32–34.

16 ноября 2013 года ушел из жизни полковник внутренней службы в отставке Сергей Андреевич Рябов, профессиональная жизнь которого в системе органов внутренних дел началась в далеком 1981 году в Центральной научно-исследовательской психофизиологической лаборатории (ЦНИПФЛ) МВД СССР.

Это было романтическое время становления психологической службы Министерства внутренних дел. По всей стране разворачивалась сеть психофизиологических лабораторий, и возникла потребность в научных исследованиях по разработке критериев профессионального отбора в различные службы системы органов внутренних дел. Сергей Андреевич принимал самое активное участие в проведении этих исследований, в ходе которых изучалась профессиональная деятельность различных служб, апробировались методы, проводились эксперименты, разрабатывались критерии психологической пригодности к службе, проходили обучение сотрудники региональных ПФЛ.

Необходимо отметить значительный вклад Сергея Андреевича Рябова в разработку психодиагностических моделей отбора для сотрудников, работающих в экстремальных условиях деятельности

(служба пожаротушения, отряды милиции особого назначения и др.). В 80-е годы, еще до создания службы МЧС, сотрудники ЦНИПФЛ выполняли ее функции, осуществляли многочисленные выезды к месту техногенных и природных аварий и катастроф, оказывали медицинскую и психологическую помощь пострадавшим, проводили полевые исследования. Сергей Андреевич, имеющий медицинское образование, входил в состав группы немедленного реагирования и участвовал во многих оперативных мероприятиях в районах бедствия. В бурные 90-е годы он неоднократно выезжал в Северо-Кавказский регион для оказания медицинской и психологической помощи сотрудникам МВД России, участвовал в отборе сотрудников органов внутренних дел, направляемых в составе миротворческих сил ООН в Сербию.

Результаты проведенных исследований опубликованы в многочисленных методических рекомендациях и учебно-методических пособиях, в разработке которых он принимал самое непосредственное участие на всех этапах научной работы и которые до настоящего времени используются в центрах психодиагностики.

После непродуманного и ошибочного решения о ликвидации Научного центра МВД России в сентябре 1998 года Сергей Андреевич Рябов перешел на работу в уголовно-исполнительную систему, где открылся его талант организатора санитарно-эпидемиологической службы, одним из руководителей которой он был в течение 10 лет.

Весть о его кончине тяжело отозвалась в сердцах всех тех, кто с ним вместе служил и работал в это сложное для страны время.

Друзья и коллеги

К ВОПРОСУ О СОДЕРЖАНИИ ЖЕНЩИН ПОД СТРАЖЕЙ (МЕЖДУНАРОДНЫЙ АСПЕКТ)

О. А. Платошина

Аннотация: в статье рассматриваются вопросы регламентации содержания женщин под стражей международно-правовыми актами, проводится сравнительный анализ международного и российского законодательства по данному вопросу.

Ключевые слова: женщины, международное законодательство, условия содержания под стражей, следственный изолятор.

Summary: the article examines the questions of a regulation of detention by international legal acts, comparative analysis of international and Russian legislation on this issue.

Keywords: women, international legislation, detention conditions, pre-trial detention center.

В любом государстве женщины, находящиеся в пенитенциарных учреждениях, составляют лишь малую часть от общего числа заключенных, поэтому современные международные и российские нормативно-правовые акты не уделяют должного внимания условиям их содержания под стражей. Правовой статус заключенной женщины значительно отличается от правового статуса мужчин, которым в качестве пресечения было назначено содержание под стражей. Нормативные документы содержат лишь отдельные дополнительные нормы, улучшающие положение женщин.

Важную роль среди международных актов общего характера по защите прав

и свобод человека играет Конвенция ООН о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин, принятая 18 декабря 1979 г. В ней осуждается дискриминация в отношении женщин во всех формах. Под дискриминацией в отношении женщин следует понимать любое различие, исключение или ограничение по признаку пола, направленное на ослабление или сведение на нет признания, пользования или осуществления женщинами, независимо от их семейного положения, на основе равноправия мужчин и женщин, прав человека и основных свобод в политической, экономической, социальной, культурной, гражданской или любой другой области.

Международные нормативно-правовые акты провозглашают равноправие всех лиц независимо от пола. Это закреплено в преамбуле Всеобщей декларации прав человека; ст. 3 Международного пакта о гражданских и политических правах; ч. 1 п. 5 Свода принципов защиты всех лиц, подвергаемых задержанию или заключению в какой бы то ни было форме; п. 2 Основных принципов обращения с заключенными. Статья 19 Конституции РФ и ст. 6 Федерального закона «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» также имеют podobные нормы.

Минимальные стандартные правила обращения с заключенными предусматривают раздельное содержание мужчин и женщин. Главным образом, данная

норма необходима для обеспечения безопасности лиц женского пола.

Необходимо отметить, что содержащиеся под стражей лица обладают очень важным правом на возможность получения информации о режиме содержания под стражей, своих правах и обязанностях, требованиях дисциплины, порядке подачи заявлений, жалоб и предложений. Например, этого требует пр. 30 Европейских пенитенциарных правил, пр. 35 Минимальных стандартных правил обращения с заключенными, а также ст. 17 Федерального закона «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» и т. д.

Во время нахождения под стражей очень много значит право на свидания, которые положены любому подозреваемому и обвиняемому, содержащемуся в следственном изоляторе [1, с. 4]. Для 65,8% опрошенных осужденных возможность чаще встречаться с родственниками положительно воздействовала бы на поведение во время содержания под стражей [2, с. 55]. Подробно право на свидание регламентировано в гл. XVI Правил внутреннего распорядка следственных изоляторов и ст. 18 Федерального закона «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений».

Правило 37 Минимальных стандартных правил обращения с заключенными закрепляет для них возможность регулярно общаться не только со своими семьями, но и с друзьями, обладающими незапятнанной репутацией. Европейские пенитенциарные правила (пр. 24) устанавливают, что заключенному разрешено максимально часто общаться по телефону, почте или с помощью прочих средств общения со своей семьей,

друзьями либо представителями каких-либо организаций. В некоторых странах, в частности Англии и Сингапуре, установлены специальные устройства, позволяющие заключенным общаться со своими семьями по видеоканалам связи. Работа в подобном направлении ведется и в России [3].

Материально-бытовое обеспечение лиц, содержащихся в следственных изоляторах нашей страны, остается одним из проблемных вопросов. Международное законодательство очень подробно регламентирует быт заключенных. В пр. 21 Минимальных стандартных правил обращения с заключенными и пр. 18 Европейских пенитенциарных правил указано, что во всех помещениях, где живут и работают заключенные, должны быть большие окна с хорошим естественным освещением и притоком свежего воздуха. Если этого нет, устанавливают систему кондиционирования воздуха и необходимое для зрения искусственное освещение. В пр. 42 Правил внутреннего распорядка следственных изоляторов закреплено, что камеры должны быть оборудованы светильниками ночного и дневного освещения.

Правило 34 Европейских пенитенциарных правил закрепляет, чтобы при принятии любых решений администрация учреждения учитывала физические, социальные, психологические и профессиональные потребности женщин, содержащихся под стражей, а правило 19 устанавливает необходимость принятия во внимание физиологических особенностей женщин и создания необходимых условий для удовлетворения их санитарных потребностей.

В ст. 30 Федерального закона «О содержании под стражей подозреваемых

и обвиняемых в совершении преступлений» закреплено, что в местах содержания под стражей беременным женщинам и женщинам, имеющим при себе малолетних детей, должны создаваться улучшенные материально-бытовые условия. Эти лица расселяются в максимально комфортные, сухие и светлые камеры с естественным светом, по возможности, снабженные горячей водой. Такие камеры оснащают одноярусными спальными местами и находятся в отдельных режимных корпусах или отделенных отсеках режимных корпусов. На окнах камер устанавливают металлические решетки. Аналогичные материально-бытовые условия предусмотрены Правилами внутреннего распорядка в следственных изоляторах органов государственной безопасности Республики Беларусь.

Важно упомянуть и о соблюдении норм санитарной площади, приходящейся на заключенных. Средний размер камерной площади на одного человека, содержащегося в СИЗО, в настоящее время составляет 4,6 м² (при положенной норме в 4 м²), в то время как норма жилой площади для матери с ребенком должна составлять не менее 8 м². В международных и российских нормативных актах ничего не упоминается относительно увеличения камерной площади для беременных женщин и женщин с детьми, содержащихся под стражей, тем не менее было бы целесообразно увеличить размер этой площади до 10 м².

Согласно пр. 36 Европейских пенитенциарных правил разрешается оставлять в местах заключения маленьких детей только тогда, когда это в наибольшей степени отвечает их интересам. Статья

30 Федерального закона «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» разрешает женщинам иметь при себе детей в возрасте до трех лет. Для приема в следственный изолятор женщины, имеющей при себе детей, не достигших трехлетнего возраста, могут быть приняты свидетельства о рождении или другие документы, подтверждающие принадлежность ребенка матери, а если такие документы отсутствуют, то письменное указание лица или органа, в производстве которого находится уголовное дело (п. 7 Правил внутреннего распорядка СИЗО).

В местах лишения свободы, где содержатся женщины, международные документы регламентируют создание специализированных яслей. Туда могут помещаться дети на время, пока их родители участвуют в судебных заседаниях или следственных действиях (например, пр. 36 Европейских пенитенциарных правил и пр. 23 Минимальных стандартных правил обращения с заключенными). В случае рождения ребенка в местах заключения администрация должна создавать соответствующие условия и оказывать необходимую помощь женщине (пр. 34 Европейских пенитенциарных правил).

В заключение хотелось бы отметить, что женщины и тюрьма — несовместимые понятия, хотя в нашей реальности они все же встречаются [4, с. 42]. Несмотря на наличие особых международных документов, определяющих особенности правового статуса женщин, очень мало внимания уделяется условиям их содержания под стражей. Поэтому самостоятельный нормативно-правовой акт международного уровня, регулирующий содержание под стражей подозре-

ваемых и обвиняемых женщин, оказал бы помощь государствам в формировании законодательства в данной сфере.

Литература

1. Ноянова О.Е. Международные стандарты обращения осужденных к лишению свободы с внешним миром и их реализация в российском законодательстве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — М., 2000. — С. 4.

2. Караваев И.В. Международно-правовые стандарты содержания под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений, их роль в развитии следственных изоляторов России: монография. — Рязань, 2012. — С. 55.

3. Куликов В. Кому положено видеосвидание // Рос. газ. — 2008. — 18 сент.

4. Зарипов З.С., Семенец М.Ю. Причины и условия женского рецидивизма в контексте проблем ресоциализации осужденных женщин // Прикладная юридическая психология. — 2011. — № 3. — С. 42.

НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИЙ ОСУЖДЕННЫЙ КАК СУБЪЕКТ ПРЕСТУПЛЕНИЯ В СТ. 321 УГОЛОВНОГО КОДЕКСА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

С. Н. Сухарев

Аннотация: в статье рассматриваются вопросы, касающиеся особенностей определения субъекта преступления, предусмотренного ст. 321 Уголовного кодекса Российской Федерации (УК РФ) «Дезорганизация деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества», его признаков и возрастной характеристики, а также особенности квалификации данного преступления в отношении несовершеннолетних, приведены мнения ученых и практических работников по вопросу определения специального субъекта в ст. 321 УК РФ.

Ключевые слова: преступность несовершеннолетних, воспитательные колонии, дезорганизация, несовершеннолетние осужденные, персонал, профилактика преступлений.

Summary: the author of this article, the issue was the defining characteristics of the perpetrator under Art. 321 of the Criminal Code «Disruption of the activities of providing isolation from society», its

features and characteristics of the age, and especially the qualification of the crime against minors. Cites the opinion of scholars and practitioners on the definition of a special subject in art. 321 of the Criminal Code.

Keywords: juvenile criminality, educational colonies, disorganization, juvenile offenders, staff, crime prevention.

Специфика совершения отдельных видов преступлений предполагает, что в соответствии с положениями закона субъект в каждом конкретном случае должен обладать дополнительными признаками, или свойствами, для выполнения объективной стороны преступления.

Данное обстоятельство дает возможность определить специальный субъект преступления и играет существенную роль для более правильной квалификации общественно опасных деяний. Само же уяснение понятия специального субъекта преступления имеет важное как теоретическое, так и практическое значе-

ние в деятельности правоохранительных органов в борьбе с преступностью. Так, при квалификации преступлений, дезорганизующих деятельность учреждений, обеспечивающих изоляцию преступников от общества, важно в первую очередь установить или выявить специальные признаки субъекта, совершившего данное преступление.

Однако в отношении определения специального субъекта преступления в уголовно-правовой литературе нет единого мнения. Несмотря на неоднозначный подход к трактовке понятия специального субъекта, в уголовном праве большинство авторов едины в том, что, кроме общих признаков, предусмотренных в законе, лицо, совершившее преступление, должно обладать дополнительными, присущими только ему признаками.

Переходя к анализу исследуемой нами проблемы, необходимо отметить, что дезорганизация деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию осужденных от общества, представляет собой ситуацию, при которой невозможно беспрепятственное выполнение этими учреждениями своих задач и функций, определенных действующим законодательством.

Общественная опасность рассматриваемого преступления обусловлена способом его совершения: угрозой применения или применением насилия в отношении лиц, указанных в диспозиции ст. 321 УК РФ. Совершение подобных действий в учреждениях, обеспечивающих изоляцию от общества, способно повлечь за собой не только нарушение их нормальной деятельности и существенно усложнить оперативную обстановку, создать негатив-

ную атмосферу, поколебать авторитет уголовно-исполнительной системы, поставить под сомнение возможности администрации мест лишения свободы контролировать ситуацию, снизить эффективность их деятельности по реализации стоящих перед ними задач [1].

Диспозиция ст. 321 УК РФ не содержит признаков специального субъекта, что порождает различные интерпретации данного понятия. Так, одни ученые считают субъектом исследуемого нами преступления осужденного, содержащегося в местах лишения свободы, достигшего шестнадцатилетнего возраста.

Например, профессор В.С. Комиссаров, говоря о специальном субъекте данных преступлений, полагает, что «субъектом преступления является осужденный, то есть лицо, в отношении которого приговор вступил в законную силу, а также иное лицо, содержащееся в местах содержания под стражей (подозреваемый, обвиняемый, подсудимый или иное лицо, в отношении которого приговор еще не вступил в законную силу), достигшее 16-летнего возраста. Лица в возрасте от 14 до 16 лет, совершающие указанные в ст. 321 УК РФ действия, привлекаются к ответственности за преступления против личности» [2].

Другие исследователи помимо осужденного, содержащегося в местах лишения свободы, к субъекту данного преступления относят подозреваемого или обвиняемого, находящегося под стражей [3].

На наш взгляд, данное определение субъекта в ст. 321 УК РФ является сомнительным, и будет справедливым согласиться с мнением С.В. Назарова, указывающего, что случаев привлечения к уголовной ответственности за дезор-

ганизацию деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества лиц, которые не отбывают уголовное наказание, в практике пока не было.

Наиболее развернутое определение субъекта преступления, предусмотренного ст. 321 УК РФ, дал А.С. Горелик, считающий, что в качестве субъекта предусмотренного ст. 321 УК РФ преступления законодатель выделяет две категории граждан:

- 1) лица, отбывающие наказание;
- 2) лица, находящиеся в предварительном заключении.

К первой категории относятся граждане, реально отбывающие наказание в виде лишения свободы либо ареста, круг которых не ограничивается осужденными к лишению свободы по обвинительному приговору суда. Отбывание наказания в виде лишения свободы возможно также в результате замены:

- 1) смертной казни пожизненным лишением свободы или лишением свободы сроком на двадцать пять лет в порядке помилования (ч. 3 ст. 59 УК РФ);

- 2) наказания в виде штрафа, обязательных работ, исправительных работ, ограничения свободы арестом или лишением свободы (ч. 5 ст. 46, ч. 3 ст. 49, ч. 4 ст. 50, ч. 4 ст. 53 УК РФ).

Понятие «предварительное заключение» охватывает собой все формы законного содержания под стражей до вступления приговора в законную силу [4].

Наличие противоречивых взглядов на проблему определения субъекта рассматриваемого преступления, по нашему мнению, не случайно, ведь, как верно

заметил Ю.А. Власов, противоречия существуют не только в названии ст. 321 УК РФ, но и между различными частями анализируемой статьи [5].

Проблема определения специального субъекта преступления требует от ученых и практических работников более внимательного рассмотрения, а изучение и глубокое исследование понятия, признаков, видов специального субъекта тесно связано с вопросами правильной квалификации преступлений и с уголовной ответственностью лиц, являющихся специальными субъектами преступлений. Успешное решение этой проблемы будет способствовать также неукоснительному исполнению уголовного закона в борьбе с преступностью и при осуществлении правосудия, где главенствующую роль должен играть принцип законности.

Литература

1. Друзин А.И. Деорганизация деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества // Черные дыры в российском законодательстве. — 2002. — № 4. — С. 30.

2. Борзенков Г.Н., Комиссарова В.С. Курс уголовного права: Особенная часть: в 5 т. — М., 2002. — Т. V. — С. 238.

3. Щербаков А.В. Уголовно-правовые и криминологические аспекты деорганизации деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — М., 2007. — С. 8.

4. Горелик А.С. Преступления против порядка управления. — СПб., 2005. — С. 457.

5. Власов Ю.А. Проблема противоречия ст. 321 УК РФ «Деорганизация деятельности учреждения обеспечивающего изоляцию от общества» правилам юридической техники // Уголовный закон: проблемы теоретического моделирования и применения: материалы межвуз. науч.-практ. конф. — Омск, 2006. — С. 85.

УГОЛОВНО-ПРАВОВОЕ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ УМЫШЛЕННЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРОТИВ ЖИЗНИ, СОВЕРШАЕМЫХ УСЛОВНО ОСУЖДЕННЫМИ

К. А. Чистяков

Аннотация: в данной статье раскрываются вопросы уголовно-правового предупреждения умышленных преступлений против жизни, совершаемых условно осужденными.

Ключевые слова: предупреждение, убийство, условное осуждение, повторная преступность.

Summary: this article presents issues of criminal law prevention of intentional crimes against the life committed probation.

Keywords: prevention, murders, probation, repeated crime.

Как известно, по содержанию меры предупреждения преступности могут быть экономическими, политическими, социальными, организационно-управленческими, культурно-воспитательными, правовыми и др. Однако в настоящее время реализуются в основном организационно-управленческие и правовые меры. Дело в том, что иные меры предупреждения преступности требуют значительных материальных затрат и высокой гражданской активности населения, а кризисное состояние российской экономики и многие негативные факторы политической и социальной жизни не позволяют реализовать их должным образом. В связи с этим правовые меры выступают наиболее эффективным средством предупреждения повторных преступлений. Следует отметить, что общее и специальное предупреждение в уголовном праве дол-

гое время рассматривали в ограниченной сфере их действия, лишь применительно к уголовному наказанию. Однако обеспечение комплексного подхода к предупреждению преступности, поднятие уровня работы всех механизмов этого процесса позволили именно с позиций предупреждения давать оценку и уголовному праву, а следовательно, и более расширенно толковать понятия общего и специального предупреждения, рассматривать их как элементы предупредительного функционирования уголовного права в целом.

В результате достаточно убедительными стали аргументы в пользу криминологической обусловленности уголовного права, понимания его роли в воздействии на причины и условия, способствующие совершению преступлений. Выводы о том, что право может организовывать, направлять, стимулировать воздействие на экономические, демографические, социально-культурные и прочие причины и условия, способствующие преступности, полностью приемлемы и для уголовного права. Анализ его норм показывает, что многие из них непосредственно рассчитаны на нейтрализацию причин и условий, способствующих совершению преступлений, обеспечивают воздействие на сознание лиц, совершивших преступления однажды, и лиц, вообще ранее не совершавших преступления, и таким образом содержат в себе предупредительные начала.

Предупредительная сущность и направленность уголовного права стали основанием включения в новый Уголовный кодекс Российской Федерации (УК РФ) наряду с задачей охраны общественных отношений от преступных посягательств, поставленной перед уголовным законом, задачи предупреждения преступлений (ст. 2).

В более широком смысле следует толковать сущность общего и специального предупреждения преступлений в уголовном праве, поскольку на достижение этих целей направлено не только наказание, но и другие институты этой отрасли права.

Вместе с тем уголовное право — это тот первоначальный этап воздействия на лицо, совершившее преступление, который во многих случаях обуславливает реализацию предупреждения совершения новых преступлений.

Вопросы, относящиеся к проблеме уголовно-правового предупреждения преступлений, совершаемых условно осужденными, освещались в трудах ряда авторов, но в результате проведенного нами исследования мы пришли к выводу о том, что единое понимание предмета, целей и задач правового регулирования предупредительной деятельности в отношении условно осужденных отсутствует. Так, многие авторы, исходя из наиболее общего определения предупреждения преступности как комплекса взаимосвязанных мероприятий, проводимых государственными органами и общественностью в целях преодоления преступности и устранения причин, ее порождающих, включают в сферу правового регулирования наряду с другими нормами уголовное законодательство, предусматривающее ответственность

за те или иные преступления. На наш взгляд, такой подход основан на возведении одной из функций уголовно-правовых норм.

В настоящее время происходит становление новых, в том числе комплексных, отраслей законодательства, связанное с расширением круга объектов регулирования, возникновением и развитием новых отношений. В науке уже предпринимаются попытки предложить к обсуждению появление специфической отрасли российского права — уголовно-превентивного права, обладающего самостоятельным характером, кроме прочих отраслей, и по отношению к уголовному праву (например, А.И. Алексеевым выделяется даже уголовно-превентивная политика) [1, с. 3]. Конечно, применение норм превентивного воздействия заключается и в использовании арсенала, например, кодифицированных отраслей о борьбе с преступностью. Так, задача предупреждения преступлений закреплена в Уголовном кодексе РФ, однако решение общих задач не исключает наличия особого предмета регулирования у разных отраслей. Профилактика может рассматриваться как их метазадача, по-разному конкретизируемая в каждом блоке законодательства [2, с. 17].

Непосредственным условием обеспечения эффективности профилактической роли уголовного закона является соблюдение принципа неотвратимости его применения, который обязывает государственные органы полностью раскрыть совершенное преступление и применить соответствующие меры к виновному.

Говоря об уголовно-правовом обеспечении профилактической деятель-

ности следует, по нашему мнению, сосредоточить внимание на следующем:

1) необходимость обеспечения правильного, обоснованного и единообразного применения уголовного закона в судебной и следственной практике, для чего надо разработать и законодательно закрепить четкую систему квалификации преступлений;

2) осуществление правовой, включая уголовно-правовую регламентацию, профилактики преступлений посредством подготовки и издания закона о профилактике правонарушений, в котором сосредоточить нормы, отсутствующие в действующем законодательстве;

3) устранение недостаточной работанности ряда фундаментальных и прикладных проблем в области уголовного права; научное обоснование оптимального соотношения реального и условного наказания, а также отсрочки исполнения приговора; решение проблемы правовых последствий наказания, играющих существенную роль в профилактике правонарушений;

4) привлечение ученых в области права к непосредственной разработке и формулированию текстов законов, более полному использованию результатов научных исследований в правотворческой деятельности [3, с. 65–66].

В ходе исследования мы установили, что целый ряд норм Общей части Уголовного кодекса РФ обладает существенным профилактическим потенциалом. На наш взгляд, грамотное применение данных норм имеет важное значение в предупреждении умышленных преступлений против жизни, совершаемых условно осужденными. В первую очередь, необходимо упомянуть о том, что за совершение преступлений в со-

ответствии с ч. 5 ст. 74 УК РФ суд отменяет условное осуждение и заменяет его на реальное наказание, а также о том, что наказание лицам, совершившим эти преступления, будет назначено по ст. 70 УК РФ. Кроме того, в положениях ряда статей говорится о том, что суд вправе отменить условное осуждение, продлить испытательный срок или возложить на условно осужденного дополнительные обязанности (ч. 2, 3, 4 ст. 74).

Среди норм Уголовно-исполнительного кодекса РФ (УИК РФ), обладающих значительным профилактическим потенциалом в деле предупреждения умышленных преступлений против жизни, совершаемых условно осужденными, прежде всего следует назвать нормы, определяющие ответственность условно осужденных (ст. 190), а также порядок осуществления контроля за их поведением (ст. 188). Как показало наше исследование, большая часть условно осужденных, совершивших умышленные преступления против жизни, ранее уже совершали административные правонарушения либо уклонялись от контроля или исполнения возложенных на них обязательств, многим из них выносились письменные предупреждения о возможности отмены условного осуждения. Работа инспекторов уголовно-исполнительных инспекций должна быть направлена на разъяснение указанных норм и тех негативных последствий, которые могут возникнуть у условно осужденного, с тем чтобы удержать его от противоправного поведения.

Достаточно большим профилактическим воздействием обладают положения закона о возможности отмены условного осуждения либо полной или частичной отмены возложенных на условно осуж-

денного обязанностей (ч. 1 ст. 74 УК РФ). Широкая разъяснительная работа относительно указанных норм уголовного закона, реально предпринимаемые меры по организации их практического применения, на наш взгляд, являются достаточно действенным стимулом для правоопослушного поведения условно осужденных [4, с. 32–38].

Условное осуждение, являясь поощрительным институтом уголовного права, обладает большим профилактическим воздействием. Его сущность состоит в том, что суд, признав лицо виновным в совершении преступления и назначив ему наказание в виде лишения свободы или исправительных работ, ограничения по военной службе, ограничения свободы, содержания в дисциплинарной воинской части, предоставляет виновному возможность избежать реального отбывания наказания путем соблюдения определенных законом условий в течение испытательного срока, по истечении которого он освобождается и считается несудимым.

Следует заметить, что институт условного осуждения обладает поощрительными свойствами, предусмотренными ст. 73 УК РФ. Мы полностью солидарны с мнением профессора В.Л. Елеонского по данному вопросу, согласно которому условное осуждение является уголовно-правовым поощрением. Именно существенное по объему устранение уголовно-правового обременения возможно только при условном осуждении и неприведении в исполнение приговора суда.

Заметим, что в системе поощрительных норм Общей части УК РФ одно из центральных мест занимает предписание, содержащееся в институте

условного осуждения. Так, ст. 73 УК РФ свидетельствует о воплощении в уголовном законодательстве принципов гуманизма и справедливости. Особенностью является и то, что в содержании данной статьи обнаруживается и другая норма, также включающая в себя поощрительные начала. Например, если до истечения испытательного срока условно осужденный своим поведением доказал исправление, суд по представлению органа, осуществляющего контроль за поведением условно осужденного, может постановить об отмене условного осуждения и о снятии с осужденного судимости.

В ходе исследования мы пришли к выводу о том, что поощрительное значение института условного осуждения весьма велико, так как он направлен на стимулирование положительного поведения, что впоследствии ведет к исправлению осужденного и недопущению совершения им новых преступлений.

В заключение хотелось бы отметить: отечественная правовая система содержит значительное количество норм, регламентирующих профилактику умышленных преступлений против жизни, совершаемых условно осужденными. Эти нормы рассредоточены по разным отраслям законодательства. Хотя они официально не объединены в каком-то одном законодательном акте, однако их вычленение, обобщение и анализ позволяют на теоретическом уровне выстроить их в определенную относительно стройную систему. Назрела острая необходимость разработки федерального закона, регламентирующего вопросы профилактики преступности на всех уровнях и указывающего конкретные организации (учреждения), ответственные

за проведение предупредительных мер оприятий.

Определение места уголовно-правовой профилактики в правовой системе предупреждения умышленных преступлений против жизни, совершаемых условно осужденными, обуславливает необходимость дифференциации норм по отраслям законодательства, причем лишь тех, которые регламентируют профилактическую деятельность в отношении указанной категории лиц.

Механизм правовой регламентации предупреждения преступлений в отношении условно осужденных весьма своеобразен. Регламентация, будучи основана на нормах Конституции РФ, действует, преломляясь через призму системы норм уголовного и уголовно-исполнительного права, при этом конституционные положения и нормы иных отраслей законодательства трансформируются, корректируются, опосредуются, конкретизируются, ограничиваются нормами уголовно-исполнительного законодательства.

Таким образом, правовая система регулирования предупреждения умышленных преступлений против жизни, совершаемых условно осужденными, представляет собой совокупность своеобразно взаимосвязанных и разносто-

ронне соотносящихся норм, позволяющих, с одной стороны, предусмотреть степень ответственности за совершение преступления в период испытательного срока, а с другой — показать общую и частную профилактику пенитенциарной преступности.

Обобщая изложенное, можно сформулировать определение уголовно-правового предупреждения умышленных преступлений против жизни, совершаемых условно осужденными: это система мер предупреждения преступлений, опирающаяся на возможности частной и общей превенции, основанная на применении или угрозе применения уголовного наказания и реализуемая в связи и по поводу совершения или подготовки преступлений.

Литература

1. Актуальные проблемы публичного права. Круглый стол: науч.-практ. конф. по мониторингу законодательства и правоприменения (20 июня 2010 г.): стенограф. отчет // Президентская библиотека им. Б.Н. Ельцина. — СПб., 2010. — С. 3.
2. Гончаров Д.Ю. Источники законодательства о противодействии преступности: монография / под науч. ред. И.Я. Козаченко. — М.: Юрлитинформ, 2012. — С. 17.
3. Профилактика преступлений: учебник. — Алматы, 2008.
4. Симакова Т.А. К вопросу о проблеме правового самосознания // Прикладная юридическая психология. — 2012. — № 3.

ФЕНОМЕН РОЛЕВОЙ ПОЗИЦИИ В СТРУКТУРЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНО-ЛИЧНОСТНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СОТРУДНИКА ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

Р. С.-М. Цолцаева

Аннотация: в статье рассматривается проблема ролевой позиции в структуре профессионально-личностной деятельности сотрудника органов внутренних дел, представлен обзор психолого-педагогической и психолого-юридической литературы по данной проблеме.

Ключевые слова: ролевая позиция, ролевые ожидания, самоопределение, социальная ситуация, ролевой конфликт, роль, позиция.

Summary: this article addresses the problem of role-playing position in the structure of professional and personal activities of an employee of the Interior, provides an overview of psychological, educational, psychological and legal literature on the subject.

Keywords: role position, role expectations, self-determination, social situation, role conflict, role position.

Актуальность проблемы исследования ролевых позиций в структуре профессионально-личностной деятельности вызвана возросшими в настоящее время требованиями к сотрудникам правоохранительных органов как к всесторонне развитым профессионалам. За последние годы в психолого-педагогической и психолого-юридической литературе, посвященной вопросам профессиональной деятельности сотрудников органов внутренних дел, все чаще появляются указания на необходимость осуществления ими де-

ятельности с определенных ролевых позиций.

Однако, обращаясь к определениям ролевых позиций в указанной литературе, мы не находим единства среди авторов. Становится очевидным, что в настоящее время точного определения не сложилось, так как значение термина «позиция» каждый раз приходится определять исходя из содержания текста. Когда подчеркивается ролевая позиция в структуре профессионально-личностной деятельности сотрудника, то в различных случаях употребляют понятия «самоопределение», «роль», «отношение», «поведение», «статус», «точка зрения».

С учетом целей нашего исследования обратимся к анализу отечественной и зарубежной литературы, касающейся ролевых теорий и позиций. Итак, что же представляет собой ролевая теория личности и что она изучает? Ролевая теория личности — это подход к изучению личности, согласно которому личность описывается посредством усвоенных и принятых ею или вынужденно выполняемых социальных функций и образцов поведения — ролей, которые вытекают из ее социального статуса в данном обществе или социальной группе. Основные положения теории социальных ролей были сформулированы американским социальным психологом Дж. Мидом, антропологом Р. Линтоном [7, 8]. Первый акцентировал внимание на механизмах «научения роли», освоении ролей в процессах межличностного обще-

ния (интеракции), подчеркивая стимулирующее воздействие «ролевых ожиданий» со стороны значимых для индивида лиц, с которыми он вступает в общение. Второй обратил внимание на социально-культурную природу ролевых предписаний и их связь с социальной позицией личности, а также на назначение социальных и групповых санкций. В рамках ролевой теории были экспериментально выявлены следующие феномены: ролевой конфликт — переживание субъектом неоднозначности или противоборства ролевых требований со стороны разных социальных общностей, членом которых он является, что создает стрессовую ситуацию; интеграция и дезинтеграция ролевой структуры личности — следствия гармоничности или конфликтности социальных отношений.

Роль чаще всего понимается как социальная функция, модель поведения, объективно заданная социальной позицией личности в системе общественных или межличностных отношений. Исполнение роли должно соответствовать принятым социальным нормам и ожиданиям окружающих вне зависимости от индивидуальных особенностей личности.

Сложность феномена социальной роли делает чрезвычайно трудным ее определение. Авторы в западной социальной психологии подходят к решению этой проблемы по-разному. Так, один из ведущих американских специалистов по вопросам ролевой теории Т. Сарбин в своей обобщающей статье по данной проблеме, написанной совместно с В. Алленом [9, с. 68–87], предпочитает вообще не давать определения понятию «роль», указывая, что эта метафора удобна для социально-психологического анализа определенных аспектов соци-

ального поведения, и ссылается лишь на этимологию слова «роль», взятого из театральной атрибутики. Другие авторы пытаются найти свои определения. Например, большой известностью пользуется уже упоминавшееся определение роли, которое было предложено Р. Линтоном: роль — это динамический аспект статуса [7, с. 186–198]. Линтоновское понимание роли мы находим и у И. Гоффмана, который определяет социальную роль как «осуществление прав и обязанностей, связанных с данным статусом» [5, с. 149–163].

М. Дойч и Р. Краусс отмечают, что ввиду различных подходов к пониманию роли в социальной психологии нецелесообразно пытаться искать всеобъемлющее определение, а достаточно указать те аспекты социального поведения, которые имеются в виду большинством авторов, когда они говорят о роли. Ссылаясь на работы Дж. Тибо и Г. Келли [6], а также Р. Ромметвейта, они выделяют следующие аспекты:

1. Роль как существующая в обществе система ожиданий относительно поведения индивида, занимающего определенное положение, в его взаимодействии с другими индивидами.

2. Роль как система специфических ожиданий по отношению к себе индивида, занимающего определенное положение, то есть то, как он представляет модель собственного поведения во взаимодействии с другими индивидами.

3. Роль как открытое, наблюдаемое поведение индивида, занимающего определенное положение.

Другими словами, в первом случае речь идет о представлениях других людей о том, как должен вести себя индивид, занимающий определенную роле-

вую позицию, во втором — о его собственном представлении, как он должен себя вести в той или иной ролевой позиции, и в третьем — о наблюдаемом поведении индивида, занимающего определенную ролевую позицию, во взаимодействии с другими людьми. Как видим, в большинстве случаев роль индивида при ее социально-психологическом рассмотрении связана с его позицией, положением и статусом. При этом статус часто рассматривается интеракционистами не как объективная позиция индивида в системе определенных социальных отношений, а прежде всего как субъективная категория, то есть «набор» или «организация ролевых ожиданий», которые подразделяются на ожидания-права и ожидания-обязанности индивида при исполнении им той или иной роли.

В отличие от данного направления, делающего акцент на ситуации, обратимся к личностному подходу (в понимании его как ориентированного на человека в системе «общество — социальная роль — человек»), к интерпретации социальных ролей и в качестве примера приведем работы и идеи И.С. Кона [1, с. 248–261].

Это автор выделяет 3 понимания роли:

1) в обыденном сознании, где «быть в роли» значит притворяться, играть, сознавая искусственность собственного поведения;

2) в социальной психологии, которая использует это понятие для «описания повторяющихся, стандартизированных форм поведения»;

3) наконец, в социологии, в которой понятие социальной роли обозначает безличную социальную функцию и норму, выполнение которой обязательно

для тех, кто занимает данную позицию.

Человек, сознающий себя «в роли», как правило, становится не только актером, но и зрителем собственных поступков. Это вносит в его поведение элементы отчужденности. Он ведет себя так, как если бы он был не самим собой, а кем-то другим, и это порождает у него внутреннюю напряженность, чувство неестественности своего поведения (даже если окружающие его не видят). И.С. Кон отмечает, что прежде чем реагировать на внешний символ, человек должен согласовывать свою реакцию с логикой принятой на себя роли. Он приходит к выводу о том, что процесс формирования личности означает ее интеграцию с различными социальными ролями и составление своей ролевой системы. Если степень идентификации личности с ролью высока, то они могут срастись, и роль может стать неотъемлемой частью личности [1, с. 248–261].

Что касается структуры социальной роли, то ее наиболее часто встречаемое описание в литературе выглядит следующим образом [3]:

1) описание типа поведения, соответствующего данной роли;

2) предписание (требования), связанные с данным поведением. Человек занимает в обществе определенную позицию или должность, а с ней непременно связана совокупность прав и обязанностей (позиция начальника и подчиненного, наставника и молодого сотрудника). Исходя из этого общество можно представить как систему взаимодействующих должностей и позиций, а позицию — как структурно оформленную единицу общества. Роль в такой интерпретации означает совокупность действий, которые производит субъект для реали-

зации занимаемой им позиции (требований должности). Позиция связана не только с системой действий, но и с системой ожиданий. От человека, занимающего ту или иную позицию, окружающие ждут соответствующих действий, и человек рассчитывает на определенное к себе отношение;

3) оценка выполнения предписаний роли. От человека требуют определенных действий, да и он оценивает себя в зависимости от того, какую роль играет и какую хотел бы играть на сцене, имеваемой жизнью;

4) санкции, то есть социальные последствия того или иного действия в рамках требований социальной системы. Такие санкции могут быть моральными, реализуемыми непосредственно социальной группой через ее поведение (презрение), или юридическими, политическими, экологическими и иными, реализуемыми через деятельность конкретных социальных институтов. Смысл санкции — побудить человека к определенному типу поведения.

Методологические основы рассматриваемой нами проблемы были заложены С.Л. Рубинштейном [2]. Как мы ранее отмечали, в некоторых случаях проблему ролевых позиций приходится определять по содержанию текста. Говоря об этом, ученый анализировал вопросы самоопределения, которые близки по содержанию к нашей проблеме. Проблема самоопределения (ролевая позиция) рассматривалась им в контексте проблемы детерминации, в свете выдвинутого им принципа — внешние причины действуют через внутренние условия: «Тезис, согласно которому внешние причины действуют через внутренние условия так, что эффект воздействия

зависит от внутренних свойств объекта, означает, по сути, что всякая детерминация необходима как детерминация другим, внешним, и как самоопределение (определение внутренних свойств объекта, внутренняя позиция)». Таким образом, в этом контексте в понятии самоопределения выражается активная природа внутренних условий, позиций.

Подход, намеченный С.Л. Рубинштейном, развивает в своих работах К.А. Абульханова-Славская, для которой центральным моментом самоопределения является также самодетерминация, собственная активность, осознание стремления занять определенную позицию. С точки зрения автора, самоопределение — это осознание личностью своей позиции, которая формируется внутри координат системы отношений. При этом подчеркивается, что от того, как складывается система отношений (к коллективному субъекту, к своему месту в коллективе и другим его членам), зависит его ролевая позиция и общественная активность личности.

Проблема ролевой позиции в структуре профессионально-личностной деятельности, таким образом, является групповой проблемой взаимодействия индивида и профессии, в которой проявляются основные моменты этого взаимодействия.

Понятие ролевой позиции в структуре профессионально-личностной деятельности сотрудника в научной психологической литературе пока не разработано. Следовательно, изучаемую проблему можно назвать сложной, многообразной, требующей дальнейшей разработки.

Литература

1. *Кан И.С.* Личность и ее социальные роли // Социология и идеология / ред.-сост. Л.А. Воловик. — М.: Наука, 1969.
2. *Рубинштейн С.Л.* Основы общей психологии. — СПб.: Питер, 2004. — 688 с.
3. *Фролов С.С.* Социология: учеб. для вузов. — М.: Логос, 2006. — С. 187–191.
4. *Шибутани Т.* Социальная психология. — Ростов н/Д: Феникс, 2002.
5. *Goffman E.* The Presentation of Self in Everyday Life. — N. Y., 1959.
6. *Kelley H.H., Thibaut J.W.* The Social Psychology of Groups. — N. Y., 1959.
7. *Linton R.* The Study of Man. — N. Y., 1936.
8. *Mead G.H.* Mind, Self and Society / preface by C.W. Morris. — Chicago: Univ. of Chicago Press, 1946.
9. *Sarbin Th., Allen V.L.* Role Theory / Lindzey G., Aronson E. (eds.) // The Handbook of Social Psychology. — Reading, 1968.

EDITORIAL BOARD

Editor-in-chief:

D. V. Sochivko, doctor of psychological sciences, professor.

Deputy editor:

T. N. Savchenko, PhD in psychology, associate professor.

Deputy editor:

I. V. Blinnikova, PhD in psychology, associate professor.

Deputy editor:

E. N. Bogdanov, doctor of psychological sciences, professor.

Executive secretary:

Ye. A. Schelkushkina, PhD in psychology.

Associate editors:

S. K. Bondyрева, academician of Russian Academy of education, doctor of psychological sciences, professor.

A. Ya. Grishko, doctor of legal sciences, professor.

A. V. Daty, doctor of medical sciences.

M. G. Debolsky, PhD in psychology, associate professor.

A. A. Krymov, PhD in law, associate professor.

M. I. Maryin, doctor of psychological sciences, professor.

A. V. Molostvov, PhD in psychology.

N. N. Nechaev, academician of Russian Academy of education, doctor of psychological sciences, professor.

A. V. Pishchelko, doctor of pedagogical sciences, professor.

V. M. Pozdniakov, doctor of psychological sciences, professor.

N. A. Polyinin, PhD in psychology.

V. J. Rybnikov, doctor of medical sciences, doctor of psychological sciences, professor.

A. I. Ushatikov, doctor of psychological sciences, professor.

НАШИ АВТОРЫ

БАКАНОВ

Арсений Сергеевич — научный сотрудник Института психологии РАН (arsb2000@pochta.ru).

БЛИННИКОВА

Ирина Владимировна — кандидат психологических наук, доцент, старший научный сотрудник факультета психологии МГУ имени М.В. Ломоносова (blinnuikovamslu@hotmail.com).

ГАНИШИНА

Ирина Сергеевна — кандидат психологических наук, доцент; заместитель начальника кафедры общей психологии Академии ФСИН России (fonya_02@mail.ru).

ДАТИЙ

Алексей Васильевич — доктор медицинских наук, профессор Рязанского государственного медицинского университета им. академика И.П. Павлова (4590056av@mail.ru).

ЖАРКИХ

Александра Анатольевна — кандидат психологических наук, старший преподаватель кафедры общей психологии Академии ФСИН России (fonya_02@mail.ru).

ЗЛОКАЗОВА

Татьяна Андреевна — кандидат психологических наук, старший научный сотрудник факультета психологии МГУ имени М.В. Ломоносова (tanuhin@hotmail.com).

ИЛЬИН

Александр Валерьевич — начальник психологической службы УФСИН России по Владимирской области (Ailin99@mail.ru).

КАЗБЕРОВ

Павел Николаевич — кандидат психологических наук, заместитель начальника центра исследования проблем исполнения уголовных наказаний и психологиче-

ского обеспечения профессиональной деятельности сотрудников УИС (medotdelnii@yandex.ru).

КАРПОВА

Галина Сергеевна — начальник психологической лаборатории Федерального казенного учреждения «Исправительная колония №8 УФСИН России по Оренбургской области» (ufkbyrf86@mail.ru).

КОЖЕВНИКОВ

Илья Сергеевич — консультант Центра психологической реабилитации и инновационного развития человека «Радомир» (obolonskiy@radomir-m.ru).

КИМ

Вячеслав Владимирович — адъюнкт факультета подготовки научно-педагогических кадров Академия ФСИН России (kimsl86@нфтвуч.ру).

КУЗНЕЦОВА

Алла Спартаковна — кандидат психологических наук, доцент; доцент кафедры психологии труда и инженерной психологии факультета психологии МГУ имени М.В. Ломоносова, (kuznetsovamsu@ Rambler.ru).

КУПЦОВ

Иван Иванович — кандидат психологических наук, профессор, профессор кафедры общей психологии Академии ФСИН России (Obshajapsihologia@yandex.ru).

ЛЕОНОВА

Анна Борисовна — доктор психологических наук, профессор, заведующая лабораторией психологии труда факультета психологии МГУ имени М.В. Ломоносова (ableonova@gmail.com).

ЛУКЬЯНЧЕНКО

Наталья Владимировна — кандидат психологических наук, доцент; докторант Сибирского государственного технологического университета (Luk.nv@mail.ru).

ОБОЛОНСКИЙ

Юрий Владимирович — кандидат

психологических наук, руководитель Центра психологической реабилитации и инновационного развития человека «Радомир» (obolonskiy@radomir-m.ru).

ПЛАТОШИНА

Ольга Альбертовна — адъюнкт факультета подготовки научно-педагогических кадров Академия ФСИН России (olchon@inbox.ru).

РЯБОВ

Владимир Борисович — кандидат технических наук, старший научный сотрудник института психологии РАН (Учреждение Российской академии наук институт психологии РАН) (v.ryabov@aog.ru).

САВЧЕНКО

Татьяна Николаевна — кандидат психологических наук, ректор Высшей школы психологии, (tatka_sav56@mail.ru).

СЕМЯНИЦЕВА

Полина Андреевна — аспирантка факультета психологии МГУ имени М.В. Ломоносова (polina-du@mail.ru).

СОЧИВКО

Дмитрий Владиславович — доктор психологических наук, профессор, профессор кафедры юридической психологии и педагогики Академии ФСИН России (sochivo@mail.ru).

СУСЛОВ

Юрий Евгеньевич — психолог МПЛ ФКУ «Отдел по конвоированию» УФСИН России по Владимирской области (zimburu@mail.ru).

СУХАРЕВ

Сергей Николаевич — адъюнкт факультета подготовки научно-педагогических кадров Академии ФСИН России (кафедра уголовного права) старший лейтенант внутренней службы (syharev-s@mail.ru).

ФЁДОРОВ

Александр Федорович — кандидат психологических наук, доцент, старший

психолог МПЛ ФКУ «Отдел по конвоированию» УФСИН России по Владимирской области (zimburu@mail.ru).

ЦОЛЦАЕВА

Роза Саид-Магомедовна — психолог центра временного содержания несовершеннолетних правонарушителей Министерства внутренних дел по Чеченской Республике (rs-m@mail.ru).

ЧИСТЯКОВ

Кирилл Алексеевич — адъюнкт факультета подготовки научно-педагогических кадров Академия ФСИН России (pailer@mail.ru).

ШАФАЖИНСКАЯ

Наталья Евгеньевна — доктор культурологии, кандидат психологических наук, доцент, профессор кафедр «Прикладная психология», «Педагогика и психология» Института социально-гуманитарных технологий Московского государственного университета технологий и управления им. К.Г. Разумовского. Педагог-психолог высшей категории (shafazhinskaya@mail.ru).

ЮСУФОВ

Рустам Шихзадаевич — докторант Рязанского государственного медицинского университета им. акад. И.П. Павлова Минздрава России

ЯКОВЛЕВА

Наталья Валентиновна — кандидат психологических наук, доцент, декан факультета клинической психологии ГОУ ВПО «Рязанский государственный медицинский университет имени академика И.П. Павлова Минздравсоцразвития России» (Yakovleva.nata2@gmail.ru).

OUR AUTHORS

BAKANOV A. S. — researcher at the Institute of Psychology RAS (arsb2000@pochta.ru).

BLINNIKOVA I. V. — Ph.D., Associate Professor, Senior Researcher, Faculty of Psychology, Moscow State University (blinnuikovamslu@hotmail.com).

GANISHINA I. S. — the candidate of psychological sciences, the assistant professor, the deputy chief of chair of general psychology of FSIN Academy of Russia (fonya_O2@mail.ru).

DATY AI. V. — MD, professor of Ryzan State Medical University I.P. Pavlov (4590056av@mail.ru).

JARKIH A. A. — the candidate of psychological sciences, senior teacher of chair of general psychology of FSIN Academy of Russia (fonya_O2@mail.ru).

ZLOKAZOVA T. A. — Ph.D., Senior Research Fellow of the Faculty of Psychology of Moscow State University (tanuhin@hotmail.com).

ILYIN A. V. — head of psychological services FPS of Russia in Vladimir region (Ailin99@mail.ru).

KAZBEROV P. N. — Ph.D., Deputy Director, Center for Research of Problems of penal and psychological support professional work of employees MIS (medotdelnii@yandex.ru).

KARPOVA G. S. — head of the psychological laboratory Federal State Institution "Penal colony № 8 FPS of Russia in the Orenburg region" (ufkbyrf86@mail.ru).

KOZHEVNIKOV I. S. — consultant Center psychological rehabilitation and innovative human development «Radomir» (obolonskiy@radomir-m.ru).

KIM V. V. — adjunct faculty training of the teaching staff FSIN Russian Academy (kimsl86@nftvuch.ru).

KUZNETSOVA A. S. — Ph.D., docent, department of Work and Engineering Psychology, Faculty of Psychology, Lomonosov Moscow State University (kuznetsovam-su@rambler.ru).

KUPCOV I. I. — Ph.D., Professor, Department of General Psychology of the Academy of Russian Federal Penitentiary Service (Obshajapsihologia@yandex.ru).

LEONOVA A. B. — Doctor of science, professor, head of the Laboratory of work psychology, Faculty of psychology, Moscow State Lomonosov University (ableonova@gmail.com).

LUKYANCHENKO N. V. — Ph.D., Associate Professor, doctoral Siberian State Technological University (Luk.nv@mail.ru).

OBOLONSKIY Y. V. — Ph.D., director of the Center of psychological rehabilitation and innovative human development «Radomir» (obolonskiy@radomir-m.ru).

PLATOSHINA O. A. — adjunct faculty training of the teaching staff FSIN Russian Academy (olchon@inbox.ru).

RYABOV V. B. — Ph.D, Senior Research Fellow of the Institute of Psychology RAS (Russian Academy of Sciences Institute of Psychology RAS) (v.ryabov@aog.ru).

SAVCHENKO T. N. — Ph.D., Rector of the Higher School of Psychology, (tatka_sav56@mail.ru).

SEMYANISHCHEVA P. A. — post-graduate student, Faculty of Psychology, Lomonosov Moscow State University (polina-du@mail.ru).

SOCHIVKO D. V. — Doctor of Psychology, professor, professor of legal psychology and pedagogy Russian Academy FSIN (sochivo@mail.ru).

SUSLOV Y. E. — psychologist MPL PKU Division escorting FPS of Russia Vladimir Region (zimburu@mail.ru).

SUKHAREV S. N. — adjunct faculty training of the teaching staff of the Academy of Russian Federal Penitentiary Service (Department of Criminal Law), senior lieutenant of internal service (syharev-s@mail.ru).

FEDOROV A. F. — Ph.D., associate professor, senior psychologist MPL PKU "Division escorting" FPS of Russia Vladimir Region (zimburu@mail.ru).

TSOLTSAEVA R. S.-M. — psychologist of the temporary custody of juvenile offenders Ministry of Internal Affairs of the Chechen Republic (rs-m@mail.ru).

CHISTYAKOV K. A. — adjunct faculty training scientific-pedagogical personnel of Russian Academy of FSIN (pailer@mail.ru).

SHAFAZHINSKAYA N. E. — Doctor of Cultural Studies, Ph.D., Associate Professor, Department "Applied Psychology", "Pedagogy and Psychology" Institute for Social and Humanitarian Technologies, Moscow State University of Technology and management. KG Razumovsky. Ed-

ucational psychologist highest category (shafazhinskaya@mail.ru).

YUSSUFOV R. Sh. — Doctoral Ryazan State Medical University. Acad. I.P. Pavlova Russian Ministry of Health

YAKOVLEVA N. V. — Ph.D., Associate Professor, Dean of the Faculty of Clinical Psychology HPE «Ryazan State Medical University named after I.P. Pavlova Ministry of Russia» (Yakovleva.nata2@gmail.ru).

The methodology and theory of legal psychology

- Journal «Applied legal psychology»: meeting the challenges of psychological
journal and practice. **Sochivko D. V., Savchenko T. N., Blinnikova I. V.** 8
- Model professional competence of employees FSIN Russia.
Kupcov I. I., Karpova G. S. 20
- The analysis of psychological reasons of female criminal behavior.
Ilyin A. V. 31

Applied and experimental research

- Empirical approbation battery microstructural tests to assess cognitive
resource professionals. **Leonova A. B., Blinnikova I. V., Zlokazova T. A.** 39
- Gender features models of individual health. **Yakovleva N. V.** 49
- Features of psychological work with convicted terrorist and extremist activity.
Kazherov P. N. 61
- About the drug addiction of the accused, suspects and condemned,
that are serve sentence at pre-trial detention centers and establishments
of criminal and executive system. **Ganishina I. S., Jarkih A. A.** 66
- Features of representation of employees penitentiaries about interactive position
of co-workers and convicted. **Lukyanchenko N. V.** 74
- The study of innovation in the penal system in the psycho-acmeological research.
Suslov Y. E. 81

Psychopractices

- Functional state self-regulation in officers with high and low levels of job satisfaction
under conditions of the long-term military reform.
Semyanishcheva P. A., Kuznetsova A. S. 87
- Conflict as a tool of personality.
Obolonskij Y. V., Kozhevnikov I. S. 98
- Preventive maintenance of aggressive behaviour, as one of components of
destructive behaviour of the people who are in places of imprisonment.
Fedorov A. F. 106

To help the manager

- Strategy working life as a characteristic of human self-realization
in the proceedings. **Ryabov V. B.** 113
- General measures of crime prevention for prisoners with tuberculosis.
Kim V. V. 119

To help the researcher-practitioner

- Method of extracting expertise in working with the legal text information.
Bakanov A. S. 122
- Characteristics of the men sentenced to imprisonment
(based on a special census in 2009). **Daty A. V.** 126

Legal psychology and religion

The historian-psychological value of the military, scientific and spiritual feat of metropolitan Serafim (Chichagov). **Shafazhinskaya N. Ye.**

134

Academic life

Problems health service support and social adaptation of persons serving sentences and releases from prison. **Yussufov R. Sh.**

142

To the memory of the retired colonel of the Internal Service S. A. Ryabov.

144

Dura lex sed lex

To a question about the detention of women (the international aspect).

Platoshina O. A.

145

Minor convict, as the perpetrator in Art. 321 of the Criminal Code. **Sukharev S. N.**

148

Criminal legal prevention of intentional crimes against the life committed probation.

Chistyakov K. A.

151

Phenomenon role position in the structure of professional and personal activities of the employee of the Interior. **Tsoltsaeva R. S.-M.**

156

Уважаемые авторы!

При направлении материалов в журнал просим Вас соблюдать следующие условия.

1. Редакционная коллегия журнала рассматривает только материалы, присланные по почте или представленные на бумажном носителе вместе с дискетой, либо направленные на электронный адрес редакции (**alp_journal@mail.ru**) в следующих объемах: статья — 8–12 страниц, обзор, рецензия, информация — не более 5 страниц, иные материалы — по согласованию с редакцией.

2. Текст должен быть набран в редакторе MS WORD, формат страницы А-4, 1,5 интервала; шрифт Times New Roman (размер 14); поля: слева 3 см, сверху, справа и снизу — 2 см.

3. Статья должна содержать аннотацию (2–3 предложения); ключевые слова, а также перевод названия статьи, Ф.И.О. автора (полностью), сведения об авторе на английском языке.

4. Литература приводится в конце статьи. В начале списка нормативно-правовые акты, далее в алфавитном порядке.

5. При использовании нормативного акта следует указать в тексте его вид (Федеральный закон, Указ Президента Российской Федерации и т. д.), дату (день принятия — цифрами, месяц — словом, год принятия — четырьмя цифрами, т. е., например, 12 декабря 2003 г.), привести в кавычках полное наименование.

6. В списке литературы необходимо указывать название публикации, источник (для периодических изданий) — место (издательство), год, номер (для периодических изданий), страницы. Постраничные и концевые сноски не допускаются.

7. При ссылках в тексте в квадратных скобках указывается номер источника из списка литературы и страница [10, С. 125].

8. К статье необходимо приложить сведения об авторах: фамилия и инициалы автора, должность и место работы (с правильным наименованием учреждения), ученая степень и ученое звание (при наличии), контактные данные: телефон(ы) и факс (с кодом); адрес электронной почты (обязательно действующий), почтовый адрес, сфера научных интересов (несколько предложений), также фотографию в электронном виде.

9. На последней странице в обязательном порядке автор подписывает материал и ставит дату его отправки.

10. Материалы аспирантов, соискателей и студентов принимаются при наличии рекомендации соответственно кафедр вузов, отделов научно-исследовательских учреждений. Публикуются бесплатно.

11. Об отказе в публикации и его основаниях авторы извещаются по электронной почте.

Прикладная юридическая психология

Рецензируемый научный журнал

Подписка по России:

Каталог «Роспечать» — инд. 71617

Адрес для корреспонденции: 390036, Рязань, ул. Сенная, д.1
Редакция журнала «**Прикладная юридическая психология**»

Авторские материалы рецензируются.

В случае необходимости доработки статей

редакция связывается с авторами по электронной почте.

Полная или частичная перепечатка авторских материалов

только с письменного разрешения редакции журнала.

За содержание рекламных материалов редакция ответственности не несет.

Рукописи не возвращаются.

Технический редактор — В. С. Маланьин

Верстка — В. М. Орехов

Фотограф журнала — Пётр Морозов

Подписано в печать 17.12.2013. Формат 60×90/16. Усл. печ. л. 10,75

Тираж 1500 экз. Заказ № ...

Отпечатано в ЗАО «ПРИЗ». 390010, г. Рязань, пр-д Шабулина, 4